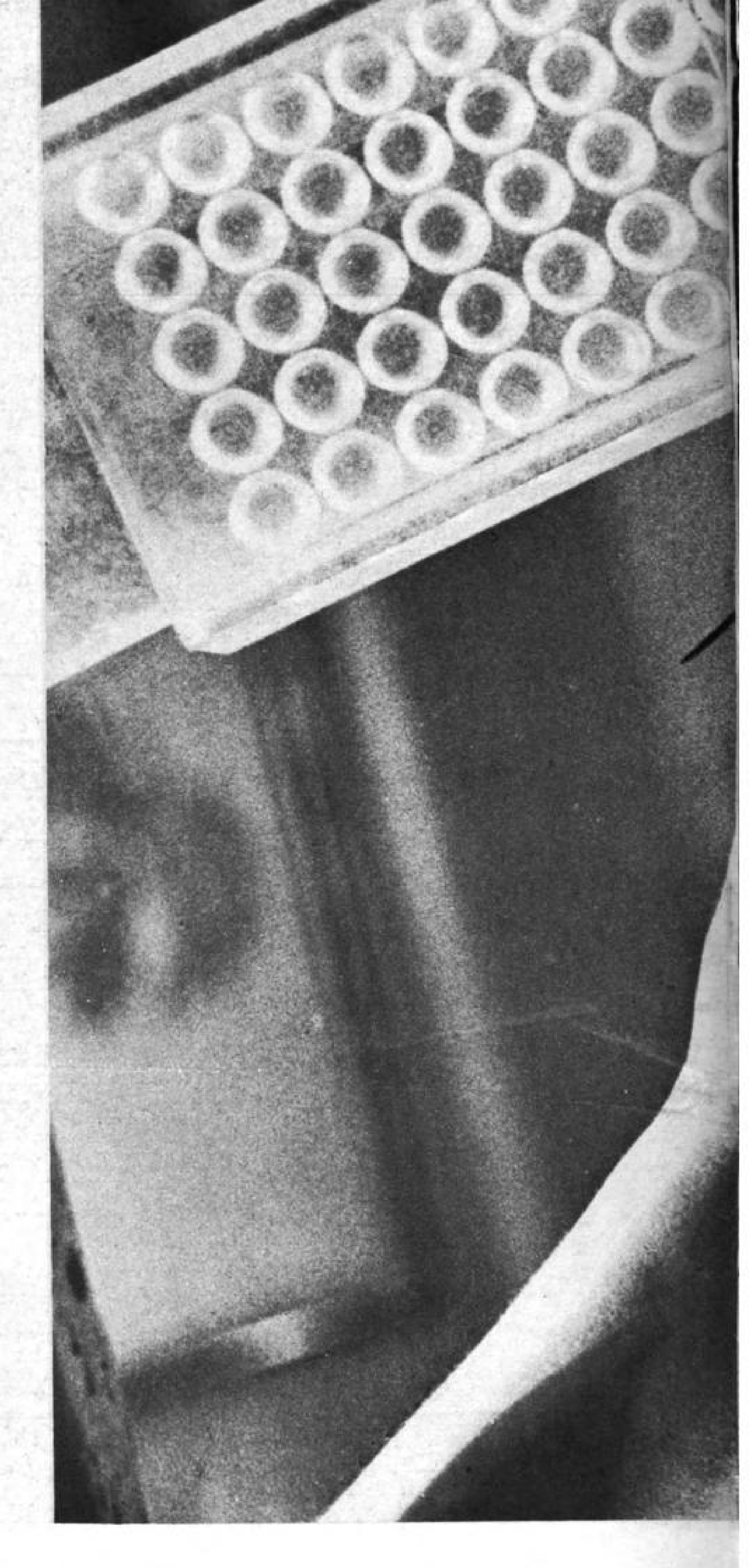
ОГОНЁК

№ 3 ЯНВАРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■ Не так-то просто решить, какой образец пустить в серийное производство.

■ В руках у Вали Лобачевой часы обретают жизнь.

■ К началу смены девушки готовятся, как актеры к выходу на сцену.

...И КРАСОТА

Б. СОПЕЛЬНЯК, Д. УХТОМСКИЙ

...И КРАСОТА

Высокое качество, долговечность, надежность — лучшая аттестация любого изделия. Теоретически эта истина известна всем. Саратовцы лучше других показали, что означает она практически. Центральный Комитет КПСС поддержал их опыт, рекомендовал распространять его шире.

Итак, качество, долговечность, надежность.

— И красота,— добавляют пензенские часовщики.

О них этот репортаж.

Не один год завод специализировался на производстве женских часов, а покупали их не очень охотно. Пришлось организовать на заводе отдел внешних оформлений. Девяносто инженеров, художников и конструкторов стали разрабатывать часы необычных форм и конструкций.

— Начинали с малого,— вспоминает главный художник завода В. Климов.— Брали традиционно круглые или квадратные женские часы и придумывали оригинальное внешнее оформление. Ну, скажем, цифры делали не печатными, а накладными. Потом осмелели и стали менять форму корпуса. Так появились часы в восьми-, шести- и трехгранных корпусах. Эти часы имели достаточно изящный, но, так сказать, деловой вид. Тогда мы начали изготовлять корпуса каплевидной, эллипсоидной и трапециевидной формы... Но меня как художника-живописца интересовала не столько форма, сколько цвет. Так уж повелось, что корпуса изготавливают хромированными или позолоченными, а циферблаты — белыми или черными. А почему бы не сделать корпус вороненым, а позолоте придать не тускло-желтый, а зеленоватый или розоватый оттенок? А стекла! Почему бы не вставить в часы сиреневое, бирюзовое, рубиновое или янтарное стекло? Да не гладкое, а граненое. А цветной циферблат! А форма стрелок!.. Короче говоря, мы решили, что часы, помимо всего прочего, должны быть еще и украшением.

Теперь можно смело сказать, что именно это решило успех пензенской фирмы «Заря». Часы-медальон, часы-браслет, часы-кулон выполнены так удачно, что воспринимаются прежде всего как рубиновый медальон, бирюзовый браслет или сапфировый кулон, и только когда откроешь крышечку, видишь изящный циферблат...

Потом появились сменные корпуса. Перед вами красивая бархатная коробочка. В ней маленькие круглые часы с браслетом. Здесь же пять корпусов самой различной формы со стеклами от янтарного до василькового оттенка. Сменить корпус — дело двух секунд, а практически вы имеете пять часов, которые можно надеть с любым платьем.

Красота и изящество — великолепные качества. Но прежде всего часы должны показывать точное время и быть надежными. Это целиком зависит от девушек, работающих в «ходовом» цехе. Именно здесь делают те микроскопические колесики, винтики и волоски, тщательность обработки которых влияет на точность хода часов. Есть здесь, например, такая операция — устранение тяжелой точки в балансе. Представьте себе колесико диаметром миллиметра в два. Толщина его обода — что-то около одной десятой миллиметра. Эта толщина должна быть одинаковой по всей окружности. Если в какой-то точке ободок чуть толще, часы просто не пойдут или будут безбожно врать.

Устраняют эту «тяжелую точку» на специальном аппарате. Я видел, как работает на нем Ира Минаева. Установив баланс в вертикальном положении, Ира сквозь увеличительную призму смотрит, в какую сторону он вращается. Потом находит точку, которая перетягивает, и мягким прикосновением тончайшего сверла снимает лишний металл. За одно такое прикосновение надо высверлить не больше одной сотой доли миллиграмма. Этот вес даже представить трудно.

Готовые часы попадают на контрольно - испытательную станцию и в лабораторию надежности. Здесь их швыряют об пол, трясут на вибраторах и вообще вытворяют с тончайшими механизмами самые невероятные вещи. И после всего этого часы должны отставать или убегать вперед не больше чем на 45 секунд в сутки и быть абсолютно надежными. Так что к покупательницам они попадают с полной гарантией.

Но можно ли с такой тщательностью проверить каждое изделие? Ведь ежеминутно с конвейера сходят десятки часов.

— И можно и нужно,— отвечает коммерческий директор завода М. С. Смыслов.— На международном рынке наши механизмы ценятся особенно высоко, поэтому марку фирмы мы стараемся не терять и гарантируем надежность каждого изделия. Несколько миллионов часов выпускаем мы ежегодно и ручаемся за все это количество. Треть нашей продукции идет за границу, а ведь конкуренты у нас очень сильные. Чего стоят одни швейцарские или английские фирмы... Но уровень мировых стандартов для нас давно стал нормой. Видимо, поэтому среди наших покупателей даже такие традиционно «часовые» страны, как Англия и Швейцария. Только в прошлом году английская фирма «Элко» приобрела у нас 250 тысяч самых различных женских часов. В числе поклонниц «Зари» — женщины Франции, Бразилии, Японии, Голландии, Дании, Италии, Чехословакии, Польши, Венгрии... Всех просто не перечесть, ведь мы поставляем свою продукцию в пятьдесят две страны! И самое главное — если раньше у нас покупали только механизмы, то теперь охотно берут часы в нашем внешнем оформлении.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

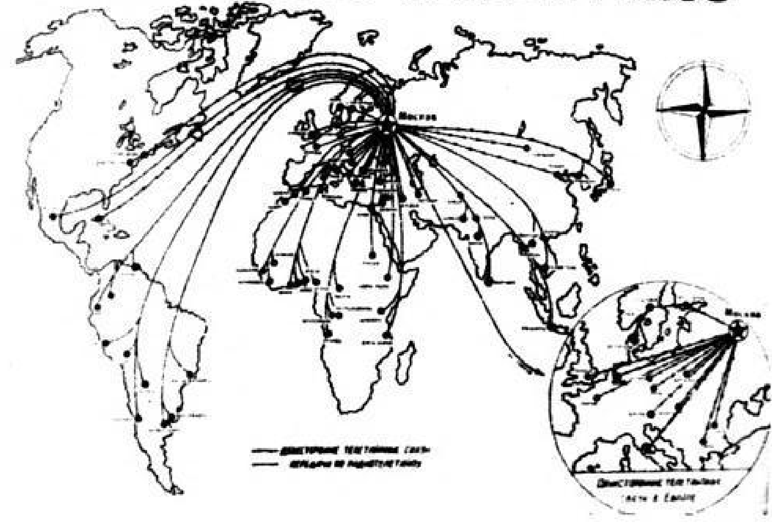
46-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

13 ЯНВАРЯ 1968

№ 3 (2116)

МИРОВАЯ СЕТЬ ПЕРЕДАЧ ТАСС

ТАСС — 50 ЛЕТ

О. КНОРРИНГ

...Несколько дней, не вылезая из кибитки, загоняя насмерть лошадей, мчался в Петербург курьер к императрице, чтобы сообщить о взятии русскими Измаила. Тогда это казалось верхом оперативности. А теперь всего через несколько минут после выстрелов в Далласе весь мир уже знал о трагической смерти президента США Кеннеди.

Доклады сибирских губернаторов шли до столицы месяцами, а в наше время не успеет еще догореть сбитый во Вьетнаме американский бомбардировщик, как неутомимые телетайпы разнесут весть об этом во все уголки нашей планеты. Трудно представить себе современное общество без хорошо налаженной информации. Мы уже не мыслим своей жизни без телеграфа, телефона, радио и телевидения. Но ведь все перечисленное — это только средства передачи информации. Кто же занимается ее сбором и распространением? Один из наиболее мощных поставщиков информации и новостей — это, конечно, пресса. Но никакая газета, имея даже очень большую сеть корреспондентов, не в силах раздобыть для себя весь необходимый ей информационный материал.

Эту миссию взяли на себя так называемые телеграфные агентства, имеющие широко разветвленную сеть своих корреспондентов и самые современные средства связи. Одним из таких агентств является и наше советское телеграфное агентство — ТАСС, отмечающее свое пятидесятилетие.

На всех этажах шестиэтажного дома на Тверском бульваре Москвы днем и ночью стучат телетайпы.

Пройдемся по этажам этого здания. Большой зал. Ряды аппаратов. На них таблички: «Хельсинки», «Париж», «Нью-Йорк», «Лондон», «Карачи», «Гавана», «Пхеньян», «Берлин», «Бомбей»... Сюда со всех уголков мира по проводам и по эфиру идет непрерывный поток новостей.

ТАСС имеет отделения и корреспондентов в 94 странах мира на всех континентах и большую корреспондентскую сеть в СССР. Кроме того, оно связано договорами об обмене информацией с 48 иностранными национальными агентствами и с крупнейшими мировыми агентствами, с которыми установлена прямая, двусторонняя телетайпная связь. Чтобы представить себе объем работы ТАСС, достаточно привести несколько цифр. За сутки здесь принимают два с половиной миллиона слов. Это 500—550 газетных полос, или 10 тысяч страниц на машинке. В свою очередь, ТАСС передает ежедневно полтора миллиона слов. За год фотослужба ТАСС выпускает для советской печати около 450 тысяч снимков.

— Какой же путь проходит

НА КУРСКО

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

ЧАСА НОВОСТЕЙ

Главная редакция иностранной информации. Просмотренный материал тут же передается на телетайп для распространения. На фото — заместитель главного редактора Е. С. Егоров, главный выпускающий В. И. Никитин и старший редактор В. П. Никитин.

Круглые сутки стучат телетайпы. Сюда поступает информация со всех концов мира.

информация, прежде чем она дойдет до адресата — читателя, радиослушателя или телезрителя? — спросили мы у заместителя генерального директора ТАСС Александра Александровича Вишневского.

— Прямо с телетайпа материал подается на стол к сотруднику, носящему несколько экзотическое название — копитейстер, иными словами, редактору, который тут же решает, можно ли использовать ту или иную информацию и в какую редакцию направить ее для обработки и распространения. Редакции, занимающиеся распространением полученной ТАСС информации, редактируют материал, сокращают его или, наоборот, пишут к нему комментарии и немедленно по телетайпной связи направляют его «потребителям» — газетам, журналам, издательствам, радио и телевидению. Делается это очень быстро. Счет идет на минуты. Бывают случаи, когда двух-трехминутная задержка решает судьбу сенсационного материала. Опоздай — и его уже передадут иностранные агентства.

Телетайпы установлены также в ряде иностранных посольств и у зарубежных корреспондентов, аккредитованных в Москве.

— Кто пользуется услугами ТАСС в СССР?

— Информацию ТАСС получают более трех тысяч наших газет с общим тиражом свыше восьмидесяти миллионов экземпляров, все советские радио- и телевизионные станции, то есть примерно сто пятьдесят миллионов слушателей и пятьдесят миллионов зрителей.

— Какой характер носит информация ТАСС?

— Мы распространяем самые разные сообщения, начиная от правительственных, переданных нам для опубликования, и кончая пятистрочной информацией, представляющей интерес для того или иного издания или газеты. Но есть одна отличительная черта нашей информации: ТАСС никогда не передает непроверенных сообщений. Мы передаем не слухи, а только факты.

...Бесконечное число комнат. В одних стреночут телетайпы, в других склонились над листами телеграмм редакторы отделов. Стенографистки принимают по телефону материал от корреспондентов, находящихся иногда за несколько тысяч километров. Работают переводчики: ведь ТАСС, кроме русского, передает еще на английском, французском, немецком, испанском и арабском языках.

«Фабрика новостей», как называют ТАСС, до предела насыщена самой современной техникой. Оперативность — главное. Очень часто корреспондент передает информацию непосредственно с места событий, например, спортивные комментаторы сообщают новости по телефону прямо с трибуны стадиона.

ТАСС — 50 лет. Когда-то в царской России существовало небольшое телеграфное агентство — ПТА — Петроградское Телеграфное Агентство. Владимир Ильич Ленин, придавая огромное значение службе информации, уже через месяц после победы Октябрьской революции подписал декрет о преобразовании Петроградского Телеграфного Агентства в центральный информационный орган Совета Народных Комиссаров РСФСР, затем реорганизованный и получивший новое название — РОСТА. В 1925 году постановлением ЦИК и Совнаркома СССР было учреждено Телеграфное Агентство Советского Союза — ТАСС.

Когда в декабре 1917 года представители Советской власти пришли в ПТА, оно было закрыто, и швейцар, единственный из служащих, оказавшийся на месте, сообщил, что «господа чиновники ушли и вернутся тогда, когда уйдут большевики». Большевики великолепно обошлись без этих чиновников.

Й ДУГЕ

После Сталинграда и зимней кампании 1942—1943 годов перед блоком фашистских государств встала мрачная перспектива проигрыша войны. Чтобы поднять дух своих сателлитов и изменить ход войны, Гитлер начал готовить крупное летнее наступление. По плану операции, названной немцами «Цитадель», наступление должно быть развернуто в районе так называемой Курской дуги, там, где линия фронта образовывала большой выступ, вклинившийся в расположение немецких войск. Одновременным ударом с севера и юга гитлеровцы рассчитывали окружить находящиеся внутри дуги советские войска, уничтожить их и нанести стремительный удар в тыл нашего Юго-Западного фронта. В течение нескольких месяцев Германия усиленно готовилась к этой операции. Немецкая армия получила огромное количество танков новых систем — «пантера», «тигр» — и самоходных орудий с мощными пушками и усиленной броней. Кроме того, здесь же были сосредоточены очень крупные воздушные силы.

◀ Типичный курский пейзаж лета 1943 года.

Советское командование своевременно разгадало замысел противника и противопоставило ему свой план. На Курской дуге была организована глубокоэшелонированная оборона. Замысел советского командования сводился к тому, чтобы принять удар немцев, перемолоть в ходе оборонительных боев его живую силу и технику и затем, введя в бой сосредоточенные в ближнем тылу резервы, перейти в решительное наступление.

Этот план советских полководцев блестяще был претворен в жизнь. Битва на Курской дуге явилась переломным моментом в ходе всей войны, закончившейся, как известно, полным разгромом и капитуляцией фашистской Германии.

В ночь на 5 июля началось это великое сражение, а 5 августа Москва уже салютовала нашим войскам, освободившим города Орел и Белгород. Это был первый победный салют.

В Музее Вооруженных Сил СССР хранится листовка, выпущенная Политуправлением фронта в первые дни великого сражения. Она хорошо передает атмосферу боев в те дни, когда наши передовые части приняли на себя первый массированный удар немецких танковых соединений.

«Вот так надо драться, товарищи!

Три советских воина в одном бою истребили 16 танков врага...

На позиции советских воинов ринулись сотни танков, за ними шла пехота. Стойко встретили гвардейцы озверелых гитлеровцев. Завязался жестокий кровопролитный бой...

Как только показались вражеские танки, Федор Иванович Юпланов сразу выбрал себе цель и не спускал с нее глаз. Подпустив на 200 метров, он дал выстрел, и танк вспыхнул... Шесть танков в этом бою сжег гвардии младший сержант.

Фашистские стервятники беспрерывно бомбили наши боевые порядки. Вот один пошел в пике — Юпланов быстро вскинул ружье, выстрелил — и самолет рухнул на землю. Это был «Ю-88».

ШЕСТЬ ТАНКОВ И ОДИН БОМБАРДИРОВЩИК — ТАКОВ БОЕВОЙ ИТОГ ОДНОГО БОЯ СЛАВНОГО ГВАРДЕЙЦА.

А на противоположном фланге с ружьем сидел в окопе бронебойщик Киконадзе. Вот у кого надо поучиться хладнокровию и бесстрашию. Танки ринулись на наши позиции, а он спокойно лежал и ждал. Когда расстояние было менее 100 метров, он открыл огонь.

После боя все увидели: ПРОТИВ ОКОПА ГЕОРГИЯ КИКОНАДЗЕ СТОЯЛО ЧЕТЫРЕ ПОДБИТЫХ ТАНКА.

ШЕСТЬ ФАШИСТСКИХ ТАНКОВ, ИЗ НИХ ДВА «ТИГРА», ПОДБИЛ В ЭТОМ БОЮ КОМСОМОЛЕЦ ГВАРДИИ КРАСНОАРМЕЕЦ НЕДЫБИН.

Фашистская броня оказалась слабее стойкости и мужества гвардейцев. Юпланов, Киконадзе, Недыбин и сотни таких, как они, не пропустили гитлеровцев, устояли против их бешеного натиска, не отдали захватчикам ни одной пяди нашей земли».

Александр Дубчек — Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии.
Фото ТАСС.

3—5 января состоялся пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии. На пленуме были обсуждены принципиальные вопросы руководящей роли партии, повышения активности и эффективности ее работы.

Центральный Комитет принял решение о разделении поста Президента республики и Первого секретаря ЦК КПЧ. Пленум принял решение освободить товарища Антонина Новотного как Президента ЧССР по его просьбе от должности Первого секретаря ЦК КПЧ.

Первым секретарем ЦК КПЧ единогласно избран товарищ Александр Дубчек, член Президиума ЦК КПЧ и Первый секретарь ЦК КП Словакии.

Каир. Глава правительственной делегации Советского Союза К. Т. Мазуров на приеме у Президента ОАР Гамаль Абдель Насера.
Фото В. Соболева (ТАСС).

Восемь лет назад было положено начало крупнейшей стройке африканского континента — гидроэнергетического узла в Асуане. «Эта плотина,— сказал один из руководящих деятелей ОАР, Али Сабри,— стала и вечно будет маяком дружбы между нашими народами...» В торжествах по случаю восьмой годовщины строительства высотной Асуанской плотины и официального пуска первых агрегатов Асуанского гидроузла приняла участие советская правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым.
Фото А. Мигушина (ТАСС).

СОЛИДАРНОСТЬ

Генри УИНСТОН,
Национальный председатель Компартии США

Новый год принял эстафету у 1967-го. Что принес миру, чем стал для нас, коммунистов, год минувший? Я назвал бы его годом триумфа пролетарской солидарности.

Праздник 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, в котором мне посчастливилось участвовать вместе с вами, был праздником народов, добившихся свободы, и всех тех, кто еще борется за свободу.

Ни об одной стране мира не говорят с такой любовью, с таким восхищением, как о твоей стране, советский товарищ. Это солидарность угнетенных народов со страной, давшей миру Ленина. Это солидарность рабочего класса капиталистических стран, всех коммунистов-ленинцев со страной, прокладывающей новые пути в истории.

Этот праздник означал для меня, что 235 миллионов советских людей строят коммунистическое общество, и строят его успешно!

Идеи коммунизма победоносно шествуют по планете. С каждым днем улучшаются условия жизни советского народа, повышается культурный уровень каждого человека. Равенство и дружба между народами Советского Союза — это ваше великое достижение. Ваши успехи так много значат для нас! Они являются залогом свободы для всего человечества. Советский народ, во главе которого стоит великая партия Ленина — Коммунистическая партия Советского Союза, уверенно строит коммунистическое общество. Это оказывает огромное революционизирующее воздействие на все силы, борющиеся за мир, демократию, национальную независимость и социализм.

Я побывал на солдатских могилах, отдавая дань глубочайшего уважения тем, кто в годы гражданской войны защищал каждую пядь советской земли, и тем, кто защищал эту землю от немецко-фашистских варваров, пытавшихся увековечить тиранию так называемой арийской расы, восстановить капитализм и национальное угнетение. Над этими могилами была надпись, сделанная пионерами. Она гласила: «То, что отцы не допели, мы допоем. То, что отцы не построили, мы построим». В этих волнующих словах я ощутил гордость и веру. Гордость за то, что уже сделано, и веру в победу коммунистических идеалов нового общества, нового человека.

В Советском Союзе у меня много друзей. И если вы меня спросите, что мне больше всего нравится в них, я отвечу: конечно, оптимизм, который мне по душе; конечно, достоинство и гуманизм в самом лучшем, ленинском понимании этого слова; и конечно же, и ваш пролетарский интернационализм. Действенная солидарность вашего народа, вашей партии с героическим Вьетнамом, с патриотами Греции, Португалии, Испании, антиимпериалистическими силами Латинской Америки. Солидарность с моей партией, со всеми, кто борется против империализма, колониализма, за независимость, социальный прогресс, мир.

Я бы мог часами рассказывать о встречах, волнующих и поучительных, которые стали возможны потому, что есть на свете Москва.

Сегодня на земле Соединенных Штатов американский коммунист не может встретиться с коммунистами из других стран. Но на советской земле у каждого из нас есть возможность встретиться с представителями ведущих сил гуманизма, демократии, мира, национальной свободы и социализма.

И вот здесь, в Москве, среди других гостей была делегация из Южного Вьетнама. В ее составе оказалась молодая женщина, которая провела семь лет в тюрьме. Она бежала оттуда и сейчас борется против агрессии американского империализма. Мы встретились в гостинице. Она узнала меня, подошла и горячо обняла. Она просила передать американскому народу глубокую благодарность за то широкое массовое движение за мир во Вьетнаме, которое охватило всю страну — от Сан-Франциско до Нью-Йорка, от севера до юга. Ей было известно о марше 200 тысяч демонстрантов на Вашингтон. Некоторые участники марша пришли в Вашингтон за три тысячи миль. Она и это знала. Более 50 тысяч человек устроили демонстрацию у Пентагона, протестуя против жестокой, варварской политики. Она знала также и о грандиозной демонстрации американцев, состоявшейся в Нью-Йорке и Сан-Франциско. Ей было известно о движении, которое нарастает внутри самой правящей партии против политики Джонсона, против выдвижения его кандидатуры от демократической партии на пост президента в 1968 году. Она знала и о том, что опросы общественного мнения свидетельствуют о стремлении американского народа к миру, о его несогласии с политикой американских империалистов. Ей было хорошо известно, что я сам провел в тюрьме несколько лет и потерял там зрение. Вьетнамская патриотка выразила свою благодарность Коммунистической партии США за ту благородную роль, которую она играет в борьбе за мир, говорила о необходимости укрепления дружбы и усилении связей между народами Вьетнама и США.

Это была волнующая встреча. Она еще раз показала, как важно укреплять единство всех сил мира, ибо в нем залог победы над империализмом. Вьетнамская патриотка, так непосредственно выразившая свои чувства уважения к борцам за мир в моей стране, не только знала, что американские бомбы убивали ее сестер, калечили детей, травили газом мужчин,— она видела все это! Американцам надо глубоко задуматься над этим. Они должны понять, что между борьбой

Это первый самолет Ройял Эр Форс — английских Королевских воздушных сил — типа «харриер», что в переводе означает «гончая». Его главная особенность — вертикальный взлет и посадка. Английская «гончая», как и подобает охотничьей собаке, обладает изрядной скоростью. Однако в отличие от нее самолет может лететь назад и даже боком. Серийное производство этих истребителей намечено на 1969 год.

В то время как Великобритания все глубже погружается в трясину финансового кризиса и кабинет министров принимает экстренные меры по урезыванию бюджетных расходов за счет социальных нужд, правящие круги считают необходимым продолжать политику гонки вооружений. На нижнем снимке один из технических специалистов с гордостью демонстрирует вооружение, которое будет установлено на борту «харриеров». Это ли нужно сегодня Англии, или, как ее часто называют в западной прессе, «больному человеку Европы»? Наверное, у простых людей Великобритании и ее финансовых тузов ответы на этот вопрос разные.

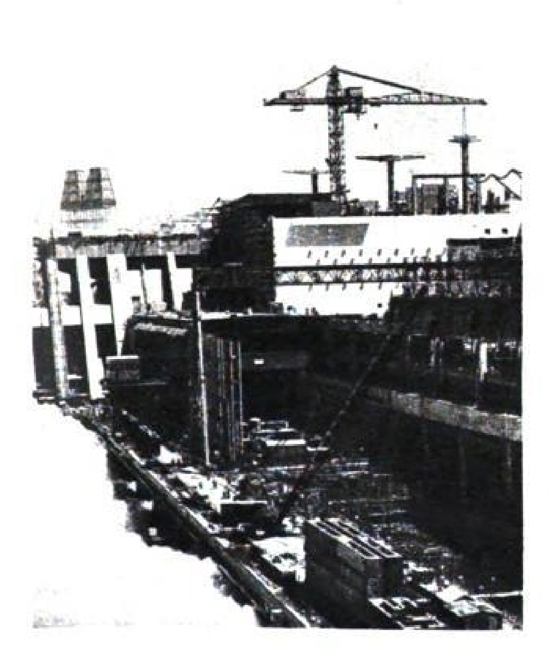

Фото ЮПИ.

Гренобль. Через три недели здесь начнутся очередные зимние Олимпийские игры. А пока все спокойно в олимпийской деревне, построенной в окрестностях Гренобля, недалеко от Шамрусса, где тренируются юные лыжники.

вьетнамского народа за свою независимость и войной американского народа против англичан в 1776 году есть много общего.

Американский народ должен еще более настойчиво требовать немедленного вывода американских войск из Южного Вьетнама, добиваться, чтобы на эту преступную войну США не посылали больше ни одного солдата, ни одного танка, не ассигновали ни одного доллара...

Мне хотелось бы, товарищ, рассказать советским друзьям об одном сувенире, который я увезу в Нью-Йорк. Мне подарил его Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алваро Куньял.

— Передай наш скромный подарок Коммунистической партии Соединенных Штатов,— сказал он и дал выпущенный недавно номер нелегальной газеты Португальской компартии. Ни разу выход ее не был сорван. Даже в условиях салазаровского террора. Газета выходила и тогда, когда полиции удавалось напасть на след редакторов, или журналистов, или печатников. Несколько работников газеты казнены. Несколько редакторов арестованы. Но она вышла сегодня и выйдет завтра.

Потом товарищ Куньял познакомил меня с рабочим, который провел почти 23 года в тюрьме и на следующий день после освобождения попросил, чтобы ему дали партийное поручение. С этим рабочим мы обнялись, как братья.

Вот сколько радости дарит коммунисту земля Свободы — твоя земля, советский товарищ!

В Москве я познакомился с руководителями Южно-Африканской коммунистической партии. И эта партия борется в нелегальных условиях, в условиях апартеида и фашистского господства. Многие южноафриканцы включились в эту борьбу. Некоторые из них с оружием в руках выступают против жестоких репрессий и преследований со стороны нацистских властей Южной Африки. Это тяжелая борьба. Мир должен поддержать ее. Южноафриканцы смогли рассказать о трагедии своего народа миллионам людей, потому что существует Советский Союз, поддерживающий справедливую борьбу народов против империализма, за победу национального освобождения.

Все гости Страны Советов, откуда бы они ни прибыли, выступая в Москве, в Ленинграде, Киеве или Минске, говорили, какое огромное значение для их борьбы имеет само существование Советского Союза, его растущее воздействие на события в мире.

Это был гимн стране Ленина.

Я верю, что в этом году нам удастся добиться еще более тесного сплочения сил, борющихся против империализма, против капитализма, за мир, национальную независимость, социализм. Я хочу передать мои самые лучшие пожелания и выразить свою любовь к великому народу Советского Союза, который вносит столь большой вклад в борьбу за единство всех сил прогресса. От имени Коммунистической партии Соединенных Штатов мне хочется сердечно поздравить с Новым годом советский народ и всех борцов за мир и прогресс. И пусть 1968 год станет годом новых побед пролетарского интернационализма!

(АПН)

МЫ ВСЕГДА С ВАМИ

Очутившись снова в нашей раздираемой раздорами стране, мы испытываем тоску по нашим советским друзьям и по той самоотверженности, с которой они посвящают себя целиком делу борьбы за мир. Мы вспоминаем многие месяцы, которые мы прожили вместе со всеми вами за последние десять лет. Эти встречи обогатили наши жизни, наше понимание человечества и тех высоких целей, которым, может быть, посвящена человеческая жизнь. Присоединяя к этим словам нашу благодарность за оказанное нам гостеприимство, мы будем вечно признательны вам и будем такими же стойкими в нашей дружбе, какими показали себя советские друзья по отношению к нам.

В новом году наши мысли — со всеми вами. Желаем вам прочного и непрерывного мира, успешного выполнения той высокой конечной цели, которая является целью вашего великого народа. Вы переступили порог вашего первого пятидесятилетия. Пусть этот новый год положит начало долгим годам нерушимого мира и счастья. Знайте, что мы всегда ваши преданные друзья, и в этой дружбе я навсегда

Ваш искренний

Рокуэлл КЕНТ.

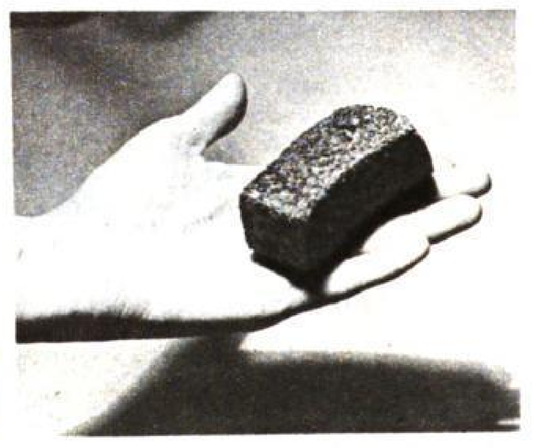
Нью-Йорк.

Интервью «Огонька»

ХЛЕБ, ОСАДА, ЧЕЛОВЕК

Встреча Волховского и Ленинградского фронтов.

Блокадная норма хлеба.

Ленинград. Дворцовая площадь.

Д. В. ПАВЛОВ,
министр торговли РСФСР

18 января нынешнего года исполняется двадцать пять лет прорыва блокады и соединения Ленинградского и Волховского фронтов. Для полного освобождения города Ленина от вражеского кольца понадобился еще год титанической борьбы. И все-таки день 18 января 1943 года не только для тех, кто в то время жил, сражался, работал в осажденном городе, но и для всего советского народа, да и для народов мира — громадная победа человека, человеческого достоинства, одна из вех на пути к полной победе над фашизмом.

«Эта осыпанная снегом лунная ночь с 18 на 19 января 1943 года не изгладится из памяти тех, кто ее пережил. Одни из нас старше, другие — моложе. Всем нам, в той или иной степени, предстоят еще в жизни радости и горести. Нам предстоят еще счастье полнейшего разгрома гитлеровской Германии, полное освобождение нашей страны от врагов. Но этой радости, радости освобожденного Ленинграда, мы не забудем никогда»,— так записала в своем дневнике писательница Вера Инбер, жившая в то время в осажденном городе.

Немного позже весь мир узнал о грамоте Ленинграду, подписанной президентом США Франклином Д. Рузвельтом: «От имени Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиками от основной части своего народа, несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода от 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустрашимость для народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии».

С начала блокады министр торговли РСФСР Д. В. Павлов был назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения города. Наш корреспондент обратился к Дмитрию Васильевичу с просьбой рассказать читателям «Огонька» о тех незабываемых днях.

Тем, кому довелось в сентябре 1941 года лететь из Москвы в осажденный Ленинград, хорошо запомнился этот путь. Вот самолет поднялся в воздух, и под крыльями его замелькали безлюдные, сгоревшие села, города, потянулись железнодорожные пути, по которым еще так недавно мчалась знаменитая «Красная стрела», шли бесконечные эшелоны с провизией, боеприпасами, обмундированием в город Ленина. Теперь чем больше самолет удалялся от Москвы, тем чаще внизу, на путях, встречались остовы сгоревших вагонов, целые составы, валявшиеся в кюветах вверх колесами. Так выглядела разрушенная, разбитая врагом артерия, еще недавно питавшая сражающийся Ленинград всем необходимым для его жизни, для борьбы.

Да, на обочинах железнодорожных путей валялись те самые поезда, которые теперь уже не могли вывезти из Ленинграда 400 тысяч детей, застрявших в осажденном городе, 100 тысяч беженцев из Латвии, Эстонии, Пскова...

Много печальных раздумий рождалось при виде этих разрушений. Рейс этот мало чем отличался от боевых полетов. В самолете стрелок не отходил от пулемета. Штурман несколько раз забегал к пассажирам, предупреждая, чтобы в случае воздушного нападения все оставались на местах. Самолеты

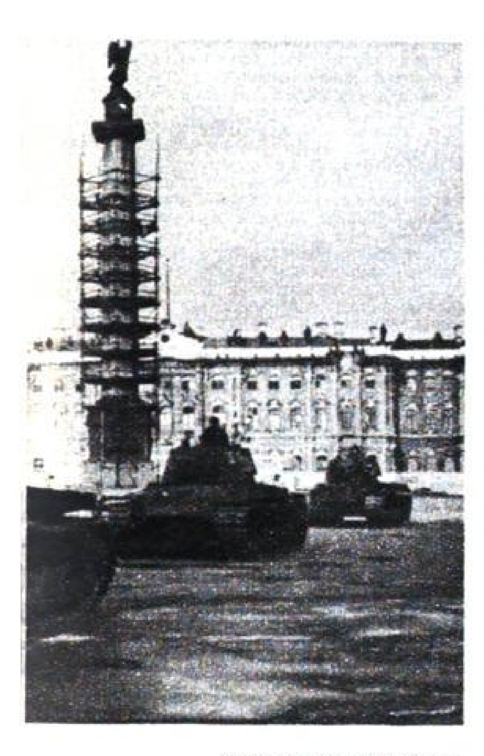

Фото Б. Кудоярова и С. Лоскутова.

шли на бреющем полете. Вместо комфортабельных сидений стояли ящики и коробки со взрывчатной. Чистое же голубое небо заставляло все с большей тревогой глядеть в окно. То и дело жди — прошмыгнет «мессер» или забьют немецкие зенитки.

Но, прилетев в Ленинград, все убеждались, что полет этот — всего лишь крошечный эпизод героической эпопеи, переживаемой великим городом. Один за другим самолеты шли на посадку, и по тому, с какой быстротой и стремительностью велась разгрузка их и как молниеносно разгруженные самолеты вновь подымались в воздух, а буквально через несколько минут над аэродромом показалась туча «мессеров», было ясно, что это город-фронт.

К тому времени Ленинград уже подвергался обстрелу тяжелой немецкой артиллерии. Обстрелы производились в часы «пик», когда люди шли на работу и возвращались домой. За сентябрь вражеская авиация совершила двадцать три налета. Наиболее интенсивной бомбардировке город подвергся 19 сентября. Особо тяжелые испытания выпали на долю раненых в госпитале по Суворовскому проспекту. Сюда попали фугасные бомбы большой взрывной силы. Многих раненых удалось спасти. И все же шестьсот человек погибли. Немецкие летчики охотились не только за людьми. У них были карты с нанесенными на них важнейшими целями. С первых же дней осады враг принимал все меры к тому, чтобы оставить город голодным. Расчет был на то, что голодные, обессиленные люди сдадутся на милость врага.

По роду своей работы мне предстояло произвести подробный учет всех продовольственных ресурсов как в гражданских ведомствах, так и в военных. Исходя из фактического расхода по обеспечению войск и населения на 12 сентября запасы были следующие: хлебное зерно, мука и сухари — на 35 суток; крупа и макароны (включая муку, выделенную на производство макарон) — на 30 дней; мясо и мясопродукты — на 33; жиры — на 45; сахар и кондитерские изделия — на 60. Запасы эти были крайне малы и вызывали серьезную тревогу. А если к этому прибавить, что город уже был в довольно крепкой осаде, что единственный путь сообщения со страной через Ладожское озеро не был оборудован ни пристанями, ни подъездными путями, что, кроме того, не хватало барж, буксиров, что артиллерийские обстрелы и вызываемые ими пожары ежечасно грозили уменьшить и без того мизерные запасы продовольствия, то станут ясны сложности, связанные со снабжением города.

Городской комитет партии выделил несколько сот коммунистов, которые по заданию Военного совета искали продукты питания в подвалах, вагонах, на баржах, складах — словом, во всех щелях огромного города, где они могли оказаться. На пивоваренных заводах, в солодовнях вскрыли полы и собрали 110 тонн солода. На мельницах за многие годы наросла толстыми слоями мучная пыль на стенах и полах. За несколько дней эту пыль бережно собрали, обработали и использовали в хлебопечении. Трясли и били каждый мешок, в котором когда-то была мука. Все это просеивалось и как примесь использовалось также при выпечке хлеба. В торговом порту хранились две тысячи тонн бараньих кишок, завезенных в мирное время на экспорт, конечно, не как продукт питания. Использовали и их в пищу. В железнодорожных вагонах, загнанных в тупики, нашли тысячу тонн льняного жмыха, 500 тонн муки, 100 тонн трески в бочках, 30 тонн животного масла. В пригородах, совхозах, на предприятиях, речных баржах, железнодорожных складах находили продукты — где килограммы, а где и тонны. Всё собирали, обрабатывали и распределяли по плану.

С начала блокады до конца декабря 1941 года изыскали и переработали свыше 18 тысяч тонн хлебных суррогатов, не считая солодовой, ячменной, овсяной и кукурузной муки. Это были главным образом хлопковые, конопляные, кокосовые, льняные жмыхи, ячменные, ржаные отруби, мельничная пыль, целлюлоза, проросшее зерно, рисовая лузга, кукурузные ростки, целлюлозные сметки, отсевы отрубей... Эти суррогаты дали возможность более 25 дней снабжать население и войска.

Суррогаты применяли не только для хлеба. Мука из жмыхов отпускалась столовым, где из нее приготовляли биточки, оладьи, а кондитерские фабрики вырабатывали конфеты. Взамен крупы часто выдавали серо-черные, с шероховатой поверхностью макароны, приготовленные из ржаной муки с примесью пяти процентов льняного жмыха. О вкусе их говорить не приходилось... Нами владела лишь одна мысль: где найти какую-либо пищу, чтоб утолить голод двух с половиной миллионов людей?.. Из овсяных отрубей приготовляли кисели, а из дрожжей варили супы. Горисполком в начале октября принял постановление, обязывающее хозяйственные организации и войсковые части сдавать отбракованных лошадей, непригодных для работы, на приемные пункты Ленмясомолсбыта. Пригодность конского мяса для пищевых целей устанавливалась ветеринарным надзором. Из конины делали колбасу. Лошадей, однако, в городе было мало, и конина стала такой же редкостью, как свинина или говядина.

Я все это вспоминаю не для того, чтобы дать представление о степени нехватки продуктов в городе. Это теперь всем известно. Уже давно не секрет, что от голода в Ленинграде погибло 632 тысячи человек. Правда, на Западе находятся «доброжелатели», оспаривающие эту цифру, доказывающие, что погибло значительно больше. Пытаются оспаривать там и многое другое. Американский историк Леон Гуре, например, утверждает, что население Ленинграда во время блокады работало только для того, чтобы получить продовольственную карточку; что дисциплина и порядок во время блокады соблюдались лишь из страха; что в Ленинграде находились люди, готовые сдаться в плен, хотя они и не представляли собой большинства; что Ленинград удержался не благодаря стойкости его защитников, а исключительно из-за роковых ошибок Гитлера.

Это клевета. И в том ни один человек в мире не усомнится. Справедливый протест вызвала эта клевета и в самой Америке. Так, например, обозреватель Карл Дрейер пишет, что пример Ленинграда свидетельствует о неизмеримом моральном превосходстве советского общества, проникнутого духом коллективизма и взаимопомощи, перед американским обществом с его индивидуализмом и стремлением к наживе. В условиях тяжелых испытаний это превосходство должно сказаться решающим образом.

И вот сейчас, по прошествии четверти века, когда большинство из четырехсот тысяч детей, остававшихся тогда в осажденном городе, сами стали отцами и матерями, я, вспоминая эти минувшие дни, думаю об отцах этих молодых людей. Незадолго до вашего прихода у меня побывали сотрудники лондонского телевидения. Пришли советоваться, как лучше изобразить у себя в Лондоне драматизм ленинградской блокады: голод, обстрелы, страдания, бесконечные смерти. Что ж, все это было, к сожалению.

И все-таки пример осажденного и голодающего Ленинграда опрокидывает доводы тех иностранных авторов, которые утверждают, что под влиянием непреодолимого чувства голода люди теряют моральные устои и человек предстает хищным животным. Если бы это было верно, то в Ленинграде, где длительное время голодало два с половиной миллиона человек, царил бы полный произвол, а не безупречный порядок.

Вот один рядовой пример из ленинградского быта тех дней. Под руководством известного ученого Николая Ивановича Вавилова была собрана коллекция зерновых культур из 118 стран. К началу войны коллекция насчитывала более 100 тысяч образцов пшеницы, ржи, кукурузы, риса... Коллекция эта хранилась в Ленинграде, в Институте растениеводства. Конечно, в то время, когда изучались ресурсы продовольствия, никому из нас в голову не пришло вспомнить об этой коллекции. Но зато знали о ней, и заботились о ней, и отдавали ей все свое время и здоровье научные сотрудники института. С приближением врага к Ленинграду институт подготовил коллекцию к эвакуации. Семена и другие ценные для науки материалы были упакованы и погружены в вагоны, но вывезти их не успели,— город уже был в осаде. Директор института И. Г. Эйхфельд, ученые и общественные организации стали принимать меры к размещению образцов на специально оборудованных для этой цели стеллажах. Установили круглосуточную охрану семян. Десятки зажигательных бомб, упавшие на помещение, где хранились семена, были обезврежены учеными. Много огорчений и хлопот причиняли крысы. Тогда семена переложили в специальные металлические коробки. Двадцать восемь человек из тех, кто охранял семена, умерли от голода. Среди них доктор биологических наук С. А. Эгис, старший научный сотрудник по культуре риса Д. С. Иванов. Агрометеоролог А. Я. Молибога погиб во время пожара. Оставшаяся в живых маленькая горсточка людей во главе с директором продолжала нести эту беспримерную вахту. Едва передвигая ноги, люди каждый день приходили в институт с единственной целью—сохранить коллекцию зерна. Быть у хлеба, беречь его во имя будущего — и медленно умирать от голода!

Многим зарубежным журналистам, писателям, историкам как раз не хотелось бы напоминать своим читателям о такого рода драматизме ленинградской блокады. Проще всего изобразить человека, умершего на улице от голода. А ведь Ленинград выдержал столь длительную осаду прежде всего потому, что население, воспитанное на революционных традициях, до последнего вздоха преданное социалистической Родине и Коммунистической партии, стояло насмерть, защищая город. Вся страна, весь советский народ морально и материально поддерживали осажденных. Внимание Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства к Ленинграду, забота о его населении служили постоянным источником силы ленинградцев.

Чем больше мы удаляемся от того времени, тем выпуклее и ярче встают перед нами характеры тех, кто вынес на своих плечах и в своих душах осаду. Еще один пример. В военных госпиталях испытывалась большая нужда в крови для переливания раненым. И вот, несмотря на голод, нашлось немало людей, пожелавших стать донорами. На первый взгляд крошечный факт, а в действительности в нем и самоотверженность, и стойкость, и человечность.

Между тем на донорских пунктах у многих кровь отказывались брать. И не потому, что она не подходила, а просто среди тех, кто вызвался стать донором, было много физически ослабевших людей.

Коль речь зашла о нравственности, не могу здесь не рассказать и о другом случае. Он, правда, не имеет прямого отношения к области продовольственного снабжения, но также рисует быт тех дней. Фашисты сбрасывали много бомб замедленного действия. Как их обезвреживать, мало кто знал, а вернее, никто не знал. Чтоб зря не рисковать несколькими жизнями, работа по обезвреживанию каждой бомбы производилась одним человеком. И вот во всех районах появилось множество добровольцев. Из них были созданы специальные дружины. Однажды в трамвайный парк на Сердобольской улице упала бомба. Пробив междуэтажные перекрытия и пол, она свалилась в подвал и не взорвалась. Немедленно вывели всех людей из опасной зоны. Позвонили по телефону в дружину. И тут появляется молоденькая худенькая девушка — Анна Ковалева. Зажгла свечу и полезла в подвал. А там — лабиринт из труб, электрокабеля, каких-то столбов, темень беспросветная... Фугасная бомба оказалась в самом конце подвала. Ковалева сбила зажимное кольцо молотком, вынула взрыватель и вывернула капсюль детонатора. Когда девушка вылезла из подвала, многие кинулись к ней: «Не страшно тебе было?» А она: «Немного волновалась, по правде сказать, боялась — сгорит свеча, прежде чем выверну взрыватель». За блокаду Ковалева обезвредила более сорока таких фугасок. Судьба была к ней благосклонна. Ковалева не погибла и работает сейчас инженером в Ленинграде.

За время блокады пять раз сокращались нормы выдачи хлеба населению. Пайки измерялись одно время для значительной части населения 125 граммами хлеба. Были дни, когда в городе продовольствия оставалось на двое суток. И вот одно происшествие: на рассвете идет грузовик со свежевыпеченным хлебом. Он должен до открытия булочных доставить туда хлеб. В это время снаряд убивает шофера и раскалывает надвое кузов грузовика. Буханки вываливаются на землю. Хлеб без присмотра, а вокруг голодные, чей суточный паек составляет тонюсенький ломтик хлеба.

Что же произошло дальше?

Один из прохожих пошел звонить по телефону на хлебозавод, чтобы прислали другой грузовик. Остальные молча охраняли хлеб в ожидании прибытия грузовика. Машина пришла, хлеб перегрузили, и он был доставлен в булочные. Вот уж случай, когда можно сказать: человек всегда, при любых, самых трагических, самых драматических обстоятельствах, оставался в Ленинграде человеком!

Все это приходит на память именно сейчас, когда думаешь о тех днях. Да, они были полны драматизма. Но в то же время полны и света, ясного человеческого разума, высокого человеческого достоинства, сильной воли, сильного духа сопротивления всем невзгодам, выпавшим на долю ленинградцев.

ЧЕЛОВЕК С ЧУЖИМ СЕРДЦЕМ

Имя этого человека не сходит сейчас со страниц мировой печати. Филип Блайберг — третий человек Земли, которому пересажено сердце другого человека.

За пульсом и давлением крови пациента отныне знаменитого кейптаунского госпиталя «Хроте схюр» с волнением следят специалисты медицины в самых разных уголках планеты. **На снимке:** доктор Бернард после второй пересадки сердца в окружении корреспондентов, прибывших со всех концов света.

УДАЧНЫЙ ВЫБОР

Как сообщает журнал «Жён Африк», известный американский политический деятель, бывший соперник Джона Кеннеди на выборах в президенты Ричард Никсон после долгих колебаний выбрал себе секретаря для подготовки к выборам 1968 года. Им оказался некий Ричард Клейнденст. Он известен тем, что был секретарем по выборам у... Барри Голдуотера, разгромленного на выборах 1964 года. Удачный выбор, не правда ли?

А. ИГНАТОВ

НЕТ, НЕ РАБА БОЖЬЯ!

Жанна Тарасевич.

А. ПЕТРАШЕВИЧ,
А. ЩЕРБАКОВ

«Я заметила дверь под лестницей. Стала спускаться и очутилась в очень низком и узком коридорчике. Там было темно. Где-то впереди виднелся свет. Я пошла вперед... Среди гробов сидела монахиня. Увидев меня, она стала что-то быстро говорить. Я разобрала лишь слова: «Се жених грядет в полунощи, и блажен раб, его же обрящет бдяще...»

Затем она вдруг разразилась рыданиями. Стала кричать: «Солнца хочу, света, отдайте мне сердце!» Я испугалась и убежала. Очутившись во дворе монастыря, я долго не могла прийти в себя. Мимо шел монах. Я спросила: «Кто в этих стенах?» Он ответил: «Здесь замурована невеста Христова Евлампия, она свою молодость и красоту отдала Христу и будет в раю с ним». Я подумала: как же так — заживо, добровольно похоронить себя?! Видимо, в жизни этой девушки произошла трагедия; судя по ее словам, она не в своем уме. И это называется святостью!.. Я решила, что сбегу от мамы, если она поведет меня в монастырь...»

Как странно звучит сейчас: «блажен раб», «невеста Христова», «монастырь»... И уж вовсе жутко становится, когда узнаешь, что эта история произошла не так давно, а главному действующему лицу — Зиновии, в миру Жанне — чуть больше двадцати лет.

У нее было страшное детство. Мать Антонина Григорьевна, душевнобольной человек, бросила двухнедельную Жанну на попечение бабушки и скрылась. Вернулась она, когда девочке исполнилось пять лет. Пожила в семье всего два дня, а потом увела девочку на станцию, посадила в поезд и...

«Как мы уезжали, я не помню. Очнулась я уже в поезде. Мама ударила меня за то, что я рвалась от нее и звала бабушку. Я была ошеломлена и за всю остальную дорогу не произнесла ни слова и не принимала от нее ничего...»

Приехали в Астрахань. Поселились у младшей сестры матери. Антонина Григорьевна то исчезала куда-то, то возвращалась. С девочкой обращалась совсем не по-матерински, за малейшую провинность избивала. Если б не тетушка, Жанна вряд ли пошла бы в школу... По ночам девочка часто просыпалась от какого-то странного шепота, открывала глаза и видела: мать стоит на коленях с большой книгой в руках. Тогда Жанна еще не понимала, что произошло... Психическое расстройство толкнуло молодую женщину в религиозную трясину.

Жанна помнит: как-то утром, в воскресенье, мама подняла ее очень рано, одела в нарядное платье и повела куда-то. Пришли в церковь. Отстояли службу. Потом к ним подошел священник, погладил Жанну по голове, сказал: «Это воск, из которого можно все слепить, но взгляд у нее слишком смелый и недоверчивый, ребенок же должен быть кротким и смиренным».

И они принялись «лепить». «Лепили» в основном руками Антонины Григорьевны. А та усердствовала, как исступленная фанатичка. Не очень, видно, полагаясь на силу «слова божьего», мать не скупилась на побои. Била за плохое знание молитв, била за улыбку, била за воспоминание о бабушке. Превратила дочь в затворницу. На улицу без дела выходить нельзя; подруг иметь нельзя; в кино ни в коем случае; светские книги — ни под каким видом.

Тетя Евгения пыталась вмешаться, увещевала сестру, ссорилась с ней. Та не образумилась. Просто собрала вещи, подхватила Жанну и ушла на другую квартиру. Воспитание ребенка «для бога и церкви» продолжалось все в том же духе. А когда архиерей определил Антонину Григорьевну в церковь секретарем и казначеем, ее усердие еще более возросло. Священник Н. Н. Кубин, ставший впоследствии активным атеистом, рассказывает:

— Жанну Тарасевич я увидел впервые в Покровском соборе. Ее мать почти каждый день выстаивала долгие церковные службы, била поклоны, целовала руки священникам. Часто она приводила с собой дочь. Худенькая, бледная, изможденная девочка боялась матери и исполняла все ее приказания: усердно молилась, прикладывалась к иконам. Улыбалась она редко, а если улыбалась, то как-то печально, робко. Видно было, что ее держали в страхе и жилось ей нелегко...

«Нелегко» не то слово! Жизнь превратилась в пытку. Хотелось учиться, а времени почти не оставалось: утренние и вечерние молитвы, спевки в церковном хоре, чтение библии, «жития святых». По вечерам — когда так хотелось спать! — мать заставляла часами простаивать на коленях. Нередко отрывала девочку от школы, таскала по «святым местам», изнуряла обетами. Откроем еще раз записки Жанны:

«Голодать приходилось слишком часто. Посты продолжались по 40 дней три раза в год и, помимо этого, два раза по две недели. В это время разрешалось только есть картошку, хлеб, чай... Был великий пост. Однажды я пришла домой и упала у двери. Наша хозяйка подняла меня и заставила сесть, покушать. Я села, но вошла мама и стала меня отчитывать за то, что я осквернила такой великий день... После побоев она отослала меня на чердак. Здесь я должна была просидеть три дня... Мне было холодно, жутко, особенно когда стемнело. Я пристроилась, чтоб заснуть, но заснуть не удавалось, не могла побороть страх.

На следующий день мама принесла хлеба и воды и, ни слова не сказав, ушла. Я заплакала от голода и обиды...»

Жанна росла, рос и ее протест. Однажды во время очередного внушения она не выдержала и крикнула матери:

— Я и так живу, как в тюрьме! Другие девочки ходят в кино, читают книги, а я сижу в четырех стенах с библией... Я хочу жить, как все... Надо мною смеются в школе. Я не буду больше носить крест...

...Мать била ее до тех пор, пока не упала сама. Девочка потеряла сознание. Пришлось вызвать «неотложку». Бунт стоил дорого — три месяца в больнице, потом несколько недель дома...

При встрече с архиереем Сергием Жанна поведала о кошмаре, который ее окружает. Исповедь не тронула святого отца, в ответ он изрек:

— Соблазны мира сего — от дьявола. Дьявол искушает тебя. Христос всесилен: он одолел дьявола. Ты же не можешь, это за тебя делает мама.

И все.

...Жанне позволили поступить в музыкальное училище. Не потому, что пеклись о ее образовании. Просто рассчитывали приобрести молодого регента церковного хора. Между тем борьба с «дьяволом-искусителем» продолжалась. За год учебы Жанна не посетила ни одного вечера, ни одного концерта.

Вскоре у ее опекунов появился новый план: выдать девушку замуж. Жениха, разумеется, выбрали сами. Божий человек Алексий, а точнее, слушатель духовной академии Алексей Ширинкин, оказался человеком скучным, недалеким, но вовсе не чуждым суетных мирских забот. В присутствии невесты он завел с будущей тещей сугубо земной разговор о приданом. Жанна поразилась его меркантильности.

— Ты еще дитя, многого не понимаешь,— одернул ее «божий человек»,— за тебя все решает мама и вышестоящие по велению господа.

Девушка поняла, что «вышестоящие» наверняка искалечат ей жизнь, если она не восстанет, если останется кроткой и смиренной. И она восстала. Разразился скандал. Жених уехал. Свадьбу отложили до пасхи. Мать, монашка Елена, монах Артемий повели с Жанной нескончаемые «душеспасительные» беседы. Они кончились тем, что девушка снова очутилась в больнице.

Врачи лечили Жанну не только от физического, но и от духовно-

И. Заринь (Рига). ПЕСНЯ. ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ.

го недуга. У девушки появились новые друзья, она стала читать книги, газеты, слушать радио. Начиналось исцеление. Однако церковники не отступили. Поскольку больница оказалась не совсем подходящим местом для ведения «душеспасительных» бесед, «люди божьи» принялись донимать Жанну письмами. Они писали, что скорбят о случившемся, но тут же «утешали»: «Видно, так богу нужно. Кого он любит, того и наказует».

Такая любовь давно опостылела Жанне. И тут еще грубо, бесцеремонно ей навязывали любовь земную. Даже в больницу «радетели» не постеснялись прислать письмо, которое девушке предлагалось переписать и отправить «жениху»:

«Здравствуй, Алик или Алеша (по побуждению сердца твоего), самый милый, самый верный и хороший! Друг и брат, молю, прости мне мое заблуждение и неисповедимо тяжкий грех, не отвергай любви моей во Христе... Не отринь молений моих, прости мне, друг и брат. Что творится, что творю, не найти слов оправдания перед небом. Не умаляю я вины своей. Уста немеют, кровь стынет в жилах. Не скажи погибающему: пусть погибнет, а спасающемуся: пусть спасется. Подскажи мне, мудрый мальчик (несмотря ни на что), с чего начать мне, что делать. Скажи мне, друг мой, что бы сделал ты, будучи на моем месте, в моем теперешнем положении. Даруй мне всепрощение, Аленька милый, не презирай меня!.. О, как непривычно одной в такой трудный час оказаться! Хотя тебе и тяжело, милый мальчик, друг мой и брат, но ответь мне. Ты во всем прав, славный Аленька, но слишком поздно я поняла. Я не смогу искупить своей вины пред вами всеми... Светлые мгновения и радости жизни покинули меня навсегда. Даруй же мне всепрощение и не оставляй в молитвах! С совершеннейшим уважением и любовью во Христе недостойнейшая Зиновия».

Сочинили святоши и другое письмо, еще более унизительное, которое Жанна должна была послать матери Алексея Ширинкина. Оно заканчивалось так: «С небезнадежным упованием на милости божии и ваше снисхождение остаюсь убогая, недостойнейшая, многогрешная Зиновия».

Письмо из больницы ушло. Только не от «убогой», «недостойнейшей», «многогрешной» Зиновии, а от исцеляющейся Жанны. И не великовозрастному «мудрому мальчику», а в газету «Комсомолец Каспия».

«Моя жизнь,— писала Жанна,— до последнего времени прошла под крышей церкви. Туда ввела меня мать несмышленым ребенком, и вскоре благодаря влиянию бывшего астраханского епископа Сергия, чтению библии, проповедям священников я стала очень набожной. Единственно, что я видела в жизни,— это церковь, архиерейский дом, в котором довольно часто бывала, книги о жизни святых, посты и молитвы. Сейчас я стала совершенно другим человеком. Мне хочется начать новую, светлую жизнь, зачеркнуть все мое прошлое. Но и теперь мне мешают церковники. Они решили оторвать меня от училища и насильно выдать замуж за религиозного фанатика, слушателя духовной академии Алексея Ширинкина, сбитого с толку церковниками и страшно опустошенного, ограниченного человека.

Прошу считать это письмо моим отречением от религии и ответом на все посягательства на мою честь и достоинство со стороны архиепископа Павла, его окружения, со стороны «жениха» Алексея Ширинкина.

Жанна Тарасевич, учащаяся второго курса Астраханского музыкального училища».

Письмо опубликовали. А вскоре нашлись родственники в Белоруссии, которые звали ее к себе. И вот ранним утром девушку провожали на аэродром, провожали всей больницей.

Жанна погостила у тетушки, у отца. Отдохнула — и за учебу. Ее зачислили на второй курс Молодечненского музыкального училища, взяли на государственное обеспечение. Пришла жизнь, о которой она так мечтала, которую выстрадала горькими, недетскими муками. Жанна чувствовала себя окрыленной, свободной. Мир не переставал удивлять ее своей щедростью и красотой.

Все устроилось как нельзя лучше. Но мы не можем поставить точку на этой истории. Не можем потому, что чересчур усердные слуги боговы на земле и поныне не оставляют Жанну Тарасевич в покое. Некто Кубаевский — бывший дьячок и регент Астраханского собора, обосновавшийся неподалеку от Молодечно, в Сморгони,— взял было на себя миссию посредника между Жанной и церковниками: передал девушке, что в Астрахани все еще надеются на ее возвращение в «лоно святой церкви». А вскоре Кубаевский вручил ей письмо, подписанное неким отцом Антонием. В письме полторы страницы, и что ни строчка, то демагогия, лицемерие, стремление опорочить людей, которые помогли Жанне вырваться на свет.

«Я понимаю,— спешит уведомить ее отец Антоний,— что жить с мамой было тяжело и поэтому вы решили уехать, но отречься от господа — этого я не понимаю. И стоит вам пожелать, все протянут вам руку помощи. Ведь в свете люди без души... вокруг тебя никого, кто бы мог облегчить муки сердца, протянул бы спасительную руку... Еще не поздно, воззри к небесам. Господь всемилостив и все прощает. Молись, проси, и он простит. Примет в объятия отче. Еще много церквей и монастырей. Ты можешь искупить свою вину, посвятишь судьбу свою (тебе суждено это от рождения) богу...»

Ох, уж эти объятия! Жанна с таким трудом вырвалась, а отец Антоний снова зовет ее туда да еще требует, чтоб она искупила свою вину. А в чем ее вина? Не пожелала замуровать себя в монастыре, подобно умалишенной Евлампии? Отказалась терпеть унижения и страдания во имя призрачного, вечного блаженства на том свете? Не пошла за «божьего человека» Ширинкина? Может, вина ее в том, что захотела быть Человеком? А что касается людей в «свете», на которых клевещет отец Антоний, то... впрочем, предоставим слово самой Жанне. «Эти люди,— вспоминает она в своих записках о главном враче больницы Нине Васильевне Шубиной, о враче Галине Максимовне Васильевой, общественнике-атеисте Михаиле Васильевиче Логинове,— доказали мне, что хороших людей гораздо больше, чем плохих. У них отзывчивые, добрые сердца. Я их никогда не забуду! Как мне хочется, чтобы о них узнали все! Узнали имена людей, повернувших меня лицом к солнцу и счастью».

А вот и о жителях Молодечно. «Здесь меня встретили хорошие, гуманные люди, которые беспокоятся о моей судьбе, помогают во всем, что в их силах. Им я очень благодарна. А ведь мне все время твердили, что люди злы, жестоки, беспокоятся только о себе. А вышло совсем наоборот. Занимаюсь я по специальности у замечательного педагога и чудного человека Эдуарда Никодимовича Лядоховича... Если бы все были такими, то легко бы жилось на свете».

Жанна может сказать много хорошего и о своих подругах из Астраханского музыкального училища, из Молодечно...

Нет, отец Антоний, она не вернется в лоно «святой церкви». Не стоит вам зря утруждать и себя и Кубаевского. Ее новые, настоящие друзья сумеют оградить девушку от притязаний лицемерных и бездушных «душеспасителей».

Отец Антоний пытается спекулировать на чувстве Жанны к матери («...Самое страшное для нее — потерять тебя...», «Она очень больна...»). Да, Жанна, несмотря ни на что, любит мать. И изломанная жизнь Антонины Григорьевны — незаживающая рана в сердце дочери. Но тем не менее, когда мать приехала в Молодечно и пыталась уговорить Жанну вернуться к ней в Астрахань, Жанна наотрез отказалась. Она осталась в этой жизни.

...Мы бродили по парку. У Жанны было солнечное настроение. Она рассказывала о недавней поездке в Ленинград, об интересном вечере в училище («Пела в квартете! Успех!»). Говорила о мечтах.

Человеческие мечты!.. Как хорошо, когда узнаешь, что они сбываются. Жанна Тарасевич успешно окончила музыкальное училище и поступила на дирижерское отделение Белорусской государственной консерватории.

Петря ДАРИЕНКО

Мой скворец

Сердце —
Скворец нераспахнутой клетки,
Слышу тебя
И тобою живу.
Ты для меня —
Будто песня на ветке,
Ты наважденье мое
Наяву.
Не объясняй,
Что творится со мною,
Лучше по-прежнему
В грудь колоти.
Нам ли терять
Это буйство земное,
Нам ли
Друг друга
Бросать на пути!
Только с тобой
Нам подвластны
Все дали,
Мартовский звон
И сентябрьский багрец.
Все, что вдвоем,
Сообща загадали,
Явится явью,
Мой добрый скворец.
Вновь будет близким —
Что стало далёко,—
Щедрость весны
И любовь под луной.
Не расставайся со мной
Раньше срока.
Не покидай
Своей клетки грудной.

22 июня

Встреча с западногерманским журналистом.

Варна
купается
В ласковом
Солнце и море.
Машет листвой виноградник,
Равняя ряды.
К золоту берега
тянутся
Горы и взгорья.
С песнею дня
Тяжелеют
плодами сады.
В баре
за столиком
Тихо беседуют двое:
Немец и я.
Мы друзья
и ровесники с ним.
Вспомнили оба
Дыханье войны
огневое,
Но опускаем глаза,
Временами
молчанье храним.
Все предстает
В этот день
Перед нами
И длится.
Мы продолжаем беседу,
Не помня
ни бед, ни обид.
Но мой отец
Не вернулся
С военных позиций,
Да и у немца
на той же войне
Либер фатер
Убит.
Есть у меня
сын и дочь —
Родовое сиянье.
Мой собеседник
в ответ
Говорит мне
О сыне своем.
Пусть
навсегда и во всем
Они станут друзьями.
Пусть
по планете
Под ручку
шагают втроем.
Вновь мы сдвигаем
Налитые солнцем бокалы.
Мысли отцов
К подрастающим детям
бегут.
Пусть не теряет
их дружба
Взаимности чувств
И накала.
Пусть не тускнеют
для них
«Хорошо»
И «зер гут».

Завещание

Я смерти враг.
Но коль умру, допустим,
На радость разной нечисти
земной,—
Прошу меня похоронить без
грусти
И начертать
поярче надо мной:
Я мертв.
Мои не распахнутся веки.
Но снова славлю дружбу —
не вражду.
Прощайте, все друзья мои, навеки.
Враги,
я всех вас
непременно жду!

Перевел с молдавского
Сергей СМИРНОВ.

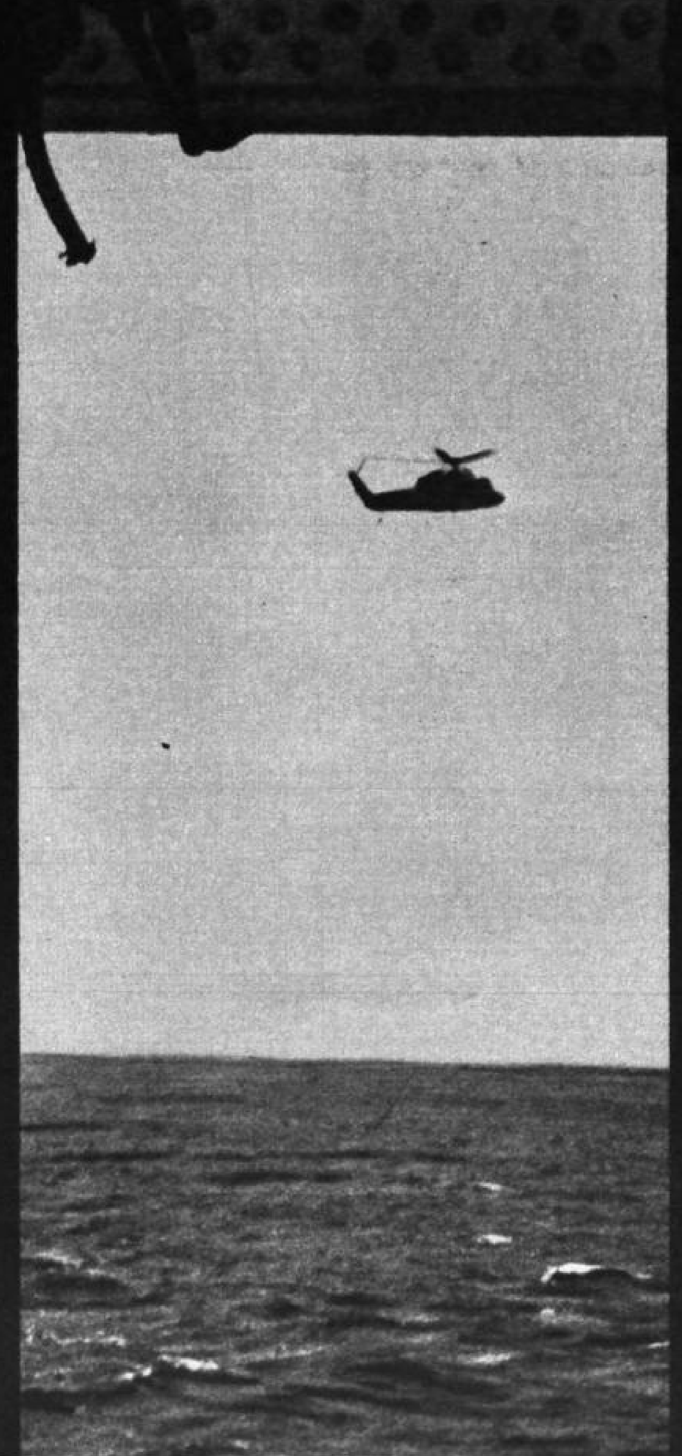
Начиная с Окинавы, судно было постоянным объектом внимания военных самолетов США. Порой облеты представляли опасность для корабля.

На горизонте — американский военный корабль.

Появился американский вертолет.

Мы увидели, как над Хайфоном поднялся столб дыма.

Капитан Л. М. Скоголь.

На вахте — Л. А. Басов.

Покраска судна — извечная морская забота.

ВЬЕТНАМ — ЭТО БЛИЗКО

Александр СЕРБИН, Иван ЩЕДРОВ

Фото авторов.

За кормой ворочается Большая Медведица. Каждой ночью она все ниже и ниже клонится к волнам, словно кто-то упорно хочет зачерпнуть серебряным ковшом воды из моря. Скоро семь ее звезд и вовсе исчезнут за горизонтом. Наш корабль идет все дальше на юг. Во Вьетнам.

Корабль называется «Синегорск». Есть что-то трогательное и близкое в этом сухопутном названии. Затерянные в шершавых от волн морях, обдуваемые солеными ветрами, мы чувствуем себя на корабле с таким именем, как на кусочке родной земли. Впрочем, почему затерянные? Радисты отстаивают свои вахты, теплоход обменивается радиограммами с Родиной, метеослужбы передают на борт прогнозы погоды, по судовому радио транслируют Москву. А где-то во Владивостоке за продвижением судна следит диспетчер.

И во Вьетнаме «Синегорск» ждут. Капитан Леонтий Михайлович Скоголь уже сообщил по рации в Хайфон, что на теплоходе «груз муки и два журналиста». Последнее — про нас. За несколько дней мы вкусили от романтики дальних морских дорог. Мы уже знаем, что на кораблях капитана называют «мастер», что здесь нет потолков и стен, а есть «подволоки» и «переборки». Якорь мы фамильярно называем «яшкой», а старшего механика Толю Неделько, соблюдая морские традиции, уважительно величаем «дедом».

Но главное, что волнует и заставляет задумываться здесь, не эта морская экзотика.

Море — всегда море. Оно может казаться ласковым и спокойным в яркую, солнечную погоду, может приветливо подмигивать голубыми огоньками светящихся морских существ, которые по ночам появляются у бортов, но все-таки не эта благодать — настоящий характер морской стихии.

В нашу каюту заглядывает радист Сергей Калужев.

— Товарищи, вас просит к себе капитан. Получена радиограмма...

«Синегорск» режет огромные напористые водяные валы, и они, обессилев, падают вдоль бортов, обдавая палубу белой пеной. С капитанского мостика видно, как наш корабль все сильнее переваливается с борта на борт. Но радиограмма не о надвигающемся шторме.

«...По сообщению директора морского департамента Гонконга, английское судно «Деннироз», позывной ГИЦС, пропало без вести, когда оно находилось в 800 милях южнее Тонкинского залива. Просьба всем судам вести тщательное наблюдение и при обнаружении каких-либо следов сообщить...»

Вот оно, какое море. Нам пока везет. Ветер в корму, волнение не больше шести-семи баллов. И даже тайфун, который шел на нас и чуть было не заставил корабль прятаться в бухте Нагасаки, начал распадаться.

А на следующий день мы видели, как белопенные волны пронесли мимо нашего корабля оранжевый спасательный нагрудник, а потом какую-то доску, окрашенную в красный цвет. Откуда это? Еще одна неразгаданная тайна морской стихии...

Опасно море. Но его делают еще опаснее.

Как-то на судне зашел разговор о сенсационных сообщениях, появившихся некоторое время тому назад на Западе, по поводу таинственной госпожи Вонг, которая якобы является главарем неуловимого пиратского флота со штаб-квартирой в Гонконге. Говорилось, что десятки хорошо вооруженных судов госпожи Вонг действуют в водах, омывающих Юго-Восточную Азию. Все это — моряки убеждены — не более чем легенда. Никто не видел пиратов, предводительствуемых госпожой Вонг. А вот другие пираты на самом деле действуют в этих местах.

Капитан разворачивает одну за другой морские карты нашего маршрута. Во многих местах на них пунктиром и предупредительными знаками отмечены огромные квадраты, равные по территории иному европейскому государству. Пренебрегая международными традициями, США и их союзники превратили многие районы на самых оживленных трассах в постоянные военные полигоны и грозные свалки боеприпасов. На нашем пути таких районов восемнадцать.

Первый из них мы обошли недалеко от южнокорейского порта Пусан. Свалка боеприпасов на малых глубинах носит довольно странное название — «танго». Ничего себе танец!

Район Цусимы вместил в себя еще три огромных морских полигона, где днем и ночью происходят артиллерийские стрельбы и испытания других видов американского оружия.

Сотрясают воздух американские реактивные управляемые снаряды «Хоук» у острова Окинава. У островов Гото в Восточно-Китайском море с семи утра до пяти вечера рвутся бомбы с маркой «Сделано в США».

Но есть и еще один гигантский район, где развернуты пиратские операции огромного масштаба. Он лежит между 105° и 115° восточной долготы и 7° и 23° северной широты. Занимая площадь почти в один миллион квадратных километров, этот район представляет собой зону свободного разбоя 7-го американского флота и военно-воздушных сил Соединенных Штатов, ведущих пиратскую, необъявленную войну против Вьетнама и Лаоса и совершающих провокации против торговых судов других стран. И невольно задумываешься: а может быть, легенда о госпоже Вонг понадобилась, чтобы за счет этой мифической дамы попытаться списать свои бандитские действия?..

Нам еще предстоит пересечь 115-й меридиан. Нам в первый раз, а «Синегорску» не впервые.

Почти с самого начала войны Соединенных Штатов против Демократической Республики Вьетнам бороздит «Синегорск» эти воды. Четырнадцать месяцев «Синегорск» работал во фрахте во Вьетнаме. В кают-компании висит красный вымпел, на котором золотом вышито: «Приветствуем братское сотрудничество экипажа т/х «Синегорск» в связи с работой во Вьетнаме. Вьетфрахт».

И как-то само собой пришло сравнение нашего времени с предвоенными годами, когда советские люди и советские корабли пришли на помощь республиканской Испании. Еще раз о тех годах мы вспомнили, познакомившись на корабле с третьим механиком Леонидом Александровичем Басовым.

Сын сельского врача из Курской губернии, далекой от всех морских просторов, Леонид Александрович «заболел» морем еще в детстве, когда узнал, что знаменитый русский мореплаватель Григорий Шелехов родился рядом с его селом, в городке Рыльске. Романтическая мечта юных лет привела его в начале тридцатых годов в Одессу. Сначала он плавал юнгой.

А потом, когда он уже стал настоящим моряком, ему выпала честь возить на корабле грузы в республиканскую Испанию. Он рассказывал о том, как встретился на испанской земле с Хосе Диасом, как слушал выступления пламенной Долорес Ибаррури, как познакомился с советскими летчиками, воевавшими в испанском небе. Через несколько лет Басову самому пришлось сражаться с фашистами. В годы Отечественной войны он ушел добровольцем на фронт, воевал за Ленинград, плавал на военных кораблях и закончил войну на территории врага.

Потом речь зашла о недавних временах, и Леонид Александрович рассказал, как во Вьетнаме, в порту Камфа, где «Синегорск» стоял под погрузкой, он и другие синегорцы помогли вьетнамским друзьям отремонтировать вышедшую из строя электростанцию.

Было это в середине 1967 года. Американские самолеты тогда совершали регулярные налеты на Камфу.

И еще вспомнил Басов Рыбачука, механика с «Туркестана», которого он хорошо знал и который был смертельно ранен во время налета американской авиации.

Роскошной тропической ночью «Синегорск» пересек линию фронта — 115-й меридиан. Но фронтовую напряженность этих морских просторов мы почувствовали раньше. Около Окинавы над нашим судном появился первый американский военный самолет. Он возник из мирной голубой дымки неба, ревя моторами, пролетел над самыми мачтами, развернулся и снова пошел на «Синегорск».

— Бывает, что летчики бросают вокруг корабля макеты бомб,— заметил капитан.

Американский самолет в третий раз пролетел над «Синегорском» и пропал в небе. Ушел в сторону Окинавы, где у американцев военно-воздушная база.

После 115-го меридиана облеты стали чаще. Самолеты с опознавательными знаками военно-морского флота США заходили на судно с кормы, с бака, проносились на такой высоте, что мы успевали разглядеть в кабинах пилотов. Однажды ночью над нами повис вертолет и стал высвечивать прожектором палубу. На экране локатора в это время были видны силуэты военных кораблей.

В этом назойливом и наглом любопытстве, чреватом опасностью для судна, было явное стремление напугать моряков, заставить дрогнуть сердца. Но спокоен был капитан. За четверть века работы на море ему пришлось и тонуть (это было во время войны) и терпеть бедствия. За спасение корабля Леонтий Михайлович Скоголь был награжден орденом.

Спокоен экипаж. Своим чередом сменялись вахты, в столовой команды вечерами жужжал кинопроектор и задорно щелкали костяшки домино, а матросы-заочники (на судне их было 13) в своих каютах корпели над учебниками.

Нет, никого не пугала демонстрация, которую устраивали американцы вокруг судна. Да и не могла испугать. Ведь в такие рейсы люди ходят по своей доброй воле. Ходят потому, что знают, как нужна и важна их работа.

Однажды радист принял телеграмму. В ней говорилось, что румынский корабль обнаружил в море плавающую мину где-то в районе нашего курса. Всем кораблям предлагалось вести наблюдение за морем. Откуда взялась эта мина? Эхо прошлой войны? Или... Мы вспомнили, что американцы бросают с самолетов мины в реки Вьетнама, чтобы сковать речной транспорт ДРВ. Одну из них могло вынести в море...

В Тонкинский залив «Синегорск» входил на одиннадцатый день пути. Дорога могла бы быть короче, если бы не пришлось огибать китайский остров Хайнань с юга. Но для судов, даже идущих с братской помощью демократическому Вьетнаму, китайские власти установили сложную процедуру плавания по проливу, отделяющему Хайнань от континентального Китая. О проходе судна через этот пролив, сокращающий расстояние до Хайфона, нужно предупреждать заранее, за двое суток, идти только в светлое время и не прибегать к помощи радиолокатора. А ведь в этом районе бывают тропические ливни и плохая видимость. Короче, мы решили избежать этих китайских церемоний.

В Тонкинском заливе нас встретили два американских военных корабля. Начались маневры: корабли то шли прямо на наше судно, то отворачивали, то ложились на параллельный курс. Снова над «Синегорском» появился вертолет...

К причалам Хайфонского порта «Синегорск» подошел утром. Над Хайфоном выл сигнал воздушной тревоги. В небе появились белые разрывы снарядов, потом мы разглядели высоко в лазури серебряные силуэты американских самолетов. На земле, за домами города, ухнул взрыв американской бомбы и вверх стал подниматься столб дыма.

— Смотрите! — закричал Басов, показывая куда-то в небо.— Смотрите! Падает!

Вьетнамский пограничник, стоявший рядом, со спокойной улыбкой на лице подтвердил:

— Сбили. Ракетой.

«Синегорск» с грузом был во Вьетнаме.

Геннадий СЕМЕНИХИН

Рисунок Л. ХАЙЛОВА.

ДАЛЬНИЙ СТАРТ

В сумерках с одного из подмосковных аэродромов поднялся военно-транспортный реактивный самолет и взял курс на юго-восток.

Двигатели гудели негромко, навевая сон. Они словно боялись потревожить плотную тишину летней ночи, опустившейся на города, поля, леса и реки. Давно остались позади и затянулись непроницаемым пологом неба густые и яркие огни столицы. Ночь на всем пути встречала самолет, звезды и облака громоздились за стеклами иллюминатора.

Откинувшись на мягкую спинку кресла, Алексей Горелов, позевывая, смотрел на так хорошо знакомую ему картину ночного неба. Она не вызывала сейчас никакого волнения. Ни яркие выхлопы из патрубков, ни причудливые сплетения огней на земле, ни величественная, наполненная черным мраком пустота самого неба — ничто не занимало его. В нем умер сейчас художник, искатель ярких красок, и остался один космонавт. Думал Алексей о предстоящем, как никогда, близком полете в далекое пространство. Долгое время, пока он изучал формулы Кеплера и вычерчивал многочисленные кривые, основанные на строгих законах небесной механики, был он далек от мысли, что первым полетит к Луне. Даже когда перевели его на специальную программу теоретических занятий и тренажей, предстоящий полет казался делом весьма далеким и лично для него несбыточным. Но как только под руководством Тимофея Тимофеевича стал он изучать кабину нового космического корабля «Заря» и особенности полета по траектории к Луне с последующим переходом на селеноцентрическую орбиту, фантастика напрочь отступила, и он увидел явь. Это была явь, родившаяся из дерзких предположений и настойчивых поисков. Явь, ставшая детищем ученых и конструкторов, вобравшая в себя все лучшее, что было в электронике, атомной физике, кибернетике, астрономии, небесной механике и многих других науках.

Он, Горелов, вовсе не был ученым да никогда и не собирался им становиться. Он получал эту явь в образе готовых формул, расчетов, приборов и, наконец, космического корабля. А сев в пилотское кресло «Зари», он впервые со всей очевидностью понял: да, ему придется туда лететь, первому вторгаться в безмолвное черное пространство, где не был еще никто. «Что там? Белое безмолвие Джека Лондона?— мысленно усмехнулся Алеша.— Вот это будет безмолвие так безмолвие. Только оно не белое, а черное». И он пронесется там единой маленькой пылинкой, удалившейся от Земли почти на четыреста тысяч километров.

Кто из его предшественников был на такой орбите? Никто. Все они стартовали и финишировали, испытывая на орбитах невесомость, выходя в открытый космос и возвращаясь из него в пилотскую кабину. Они приносили с собою из космоса много пережитого и увиденного, оживляющего изыскания ученых. Но никто из них не приближался к Луне. Это выпало на долю курносого верхневолжского паренька Алексея Горелова, на его долю. И он был твердо уверен сейчас в одном. Он не знал, легко или трудно сложится этот полет, будет он успешным, достигающим цели или нет, но команда «SOS» никогда не поступит на Землю с борта «Зари». Он все сделает, чтобы пойти дальше и выше своих предшественников по звездной дороге, не признающей страха и растерянности, одобряющей здравость рассудка и крепость нервов.

...Самолет шел на посадку. Горелов удивился, до чего быстро промелькнуло время. Над Степновском ночь была в разгаре, но белое зеркало реки все же просматривалось кое-где на изгибах при желтом лунном свете, ярко отражавшемся в воде. Веселые зеленые и красные аэродромные огоньки настойчиво лезли в глаза, колеса лайнера гулко стучали по бетону.

Подали трап, а потом подъехала к самолету черная и оттого почти невидимая в сумерках «Волга». Желтый луч света вырвал из мрака белое туловище лайнера и закопченные капоты двигателей. Потом свет погас, хлопнула дверца, и рядом с мотором «Волги» появилась фигура шофера.

— Вы за мной?— окликнул Горелов шофера, и тот безмолвно кивнул головой.

Разбрызгивая желтый свет, помчалась черная «Волга» от аэродрома к Степновску. Город возник за пригорком в мареве густых веселых огней. «Волга» остановилась у знакомого подъезда, и Горелов отпустил шофера, приказав ему подъехать через два часа.

Алексей подошел к раскрытой двери подъезда, увидел знакомую лестницу с деревянными ступеньками и деревянными перилами.

На втором этаже, у ее квартиры, он понял, что волнуется, и замер, переводя дыхание. Нет, никакая сурдокамера не была в состоянии отучить его волноваться. Он просто был сейчас влюбленным человеком, у которого дрожали руки и мог прерываться голос. Он позвонил и долго слушал подъездную тишину. А потом шаги. Шаги, родившиеся в этой тишине и прозвучавшие, как ему показалось, очень громко.

— Кто это?— спросила Лидия сухим голосом потревоженного в поздний час человека. Он растерянно промолчал, и тогда Лидия уже совсем сердито окликнула:— Да отвечайте же, кто там? Вы что, не нашли лучшего времени для шуток?

— Не нашел, Лидонька, честное слово, не нашел,— громко и радостно ответил он.

— Алешка, ты! Ой!— Она заметалась за дверью, сбрасывая цепочку.

Щелкнул ключ замка.

Дверь распахнулась, и Лидия выросла на пороге. Была она в ситцевом простеньком цветастом халате с короткими рукавами. На голых мягких руках он увидел мелкие веснушки. Руки взмахнули, как два больших крыла, обхватили его за шею и оказались очень горячими.

Глава из романа, публикуемого в журнале «Москва».

— Сумасшедшая, подожди!— прошептал он счастливо.— Торт не помни.

— Какой еще торт?

— Фигурный. С шоколадным оленем и вензелями. Я его в самом лучшем кондитерском магазине на улице Горького купил. Только не тебе, а Наташке.

Женщина отступила в глубь коридора, тихо сказала:

— Наташка уже спит. Не станем ее будить. Лучше завтра... утром.

— Завтра меня не будет,— угрюмо признался Горелов.

— Не будет?— огорчилась Лидия.— Боже мой, а как я ждала! Приехал, чтобы подарить Наташке торт, и сразу исчезнешь. Но почему?

Ему показалось, она даже всхлипнула. Алексей поцеловал ее руку.

— Ты вся земная. От твоих рук парным молоком пахнет,— прошептал он.

— Тебе нравится?— тихо засмеялась Лидия.— Раздевайся.—И погасила свет.— Не говори сейчас ни о чем,— зашептала она в темноте, ища его губы.— Ради бога, не говори. Я знаю, что ты меня чем-то огорчишь...

Потом они сидели за маленьким столом, и Лидия угощала его холодным, круто заваренным кок-чаем. Они долго молчали.

— Почему тебя завтра не будет?— спросила она наконец.

— Через два часа я должен уехать на аэродром и улететь.

— Надолго?

Он позвенел ложечкой в пиалке и усмехнулся:

— Нет. Если все благополучно сложится, я скоро вернусь.

— Куда ты летишь?

— На космодром.

— Уже?— И Лидия вдруг заплакала. Синие большие ее глаза заблестели, она уронила голову на стол. Алексей бросился к ней, откинул назад светлые пышные волосы, стал целовать мокрые от слез глаза и щеки.

— Ну перестань, ну не надо,— утешал он ее, как маленькую.— Будешь себя хорошо вести, позволю тебе даже половинку шоколадного оленя от Наташкиного торта взять.

— Пришло это?— всхлипнула Лидия.

— Это,— подтвердил он.

— Боже мой!

— Ты уже в который раз поминаешь бога.

Вздрагивающие плечи Лидии замерли и выпрямились.

— Алешка,— сказала она грустным голосом,— какой бы я стала счастливой, если бы ты не был космонавтом!

— Сейчас об этом говорить поздно,— усмехнулся он.— Все выбрано и учтено.

— Все-таки к Луне,— вздохнула она жалобно.

— Да, к Луне,— подхватил Алексей с пафосом.— Я, верхневолжский парень, Алешка Горелов, первым промчусь над ней, первым доставлю ее фотографии собственноручной работы. Почему ты не радуешься, Лида? Или ты не веришь, что я вернусь?

— Что ты!— испуганно воскликнула она.— Да как тебе в голову могло прийти такое?.. Нет, нет.— И подняла на него успокоившиеся глаза: они были большие и влюбленные...

В просторном кабинете конструктора корабля «Заря» было довольно прохладно.

Если говорить откровенно, многие космонавты не без робости перешагивали порог этого кабинета, зная крутой нрав конструктора, не терпевшего тех, кто не блистал находчивостью, путался и краснел под градом самых неожиданных вопросов, становился в тупик. К Горелову он относился доброжелательно, и Алексей это знал. Поэтому никакой робости не ощущал. Он сидел свободно, даже несколько вольно. Загорелые руки были спокойно сцеплены на столе, и от них, крепких, покрытых золотистым пушком, веяло уверенностью. Тимофей Тимофеевич все это уловил. Губы его насмешливо вздрогнули.

— Боржома со льдом хочешь, Алексей Павлович?

— Не откажусь,— кивнул космонавт.

— А не боишься ангины? Она плохая попутчица в твоем, не скрою, довольно сложном путешествии.

— У меня горло луженое.

— Тогда пей.

Забулькала вода, стенки стакана покрылись веселыми пузырьками. Боржом на самом деле оказался таким холодным, что сжало горло. Алексей выпил его с наслаждением, маленькими глотками. Бесшумно поставил стакан на фаянсовое блюдо. Тимофей Тимофеевич пристально рассматривал космонавта. О каждом из них он составлял собственное, далеко не всегда и не всем высказываемое мнение. Каждого он выдвигал на полет. Были случаи, когда, выдвигая, задумывался, взвешивал сильное и слабое, что таилось в человеке, и, принимая решение, иной раз вздыхал про себя, жестоковато думал: «Все же я либерал. Ох, какой неисправимый либерал! Старческая доброта подкралась. Его бы еще годик подержать в дублерах, а я посылаю».

Потом человек, внушавший небольшие сомнения, блестяще выполнял задание, и так же беспощадно, но только самому себе говорил Тимофей Тимофеевич: «Молодчина! Орел! И не стыдно мне было усомниться в его возможностях накануне старта? Это старческий скептицизм подкрадывается... Одергивай себя почаще, Тимофей Тимофеевич».

Майор Горелов, по мнению конструктора «Зари», входил в ту категорию космонавтов, которая не порождала сомнений. Не столь уж давно он с некоторым недоверием выслушивал восхищенные рассказы одного из своих заместителей, Станислава Леонидовича, о физических данных и добром нраве этого верхневолжского парня, пожимая плечами, говорил: «Ну, ну, посмотрим еще, что стоит данный эпикуреец». Познакомившись с Гореловым, он сразу же признал верность предварительных характеристик. Как-то странно обезоруживал его этот еще и не тридцатилетний парень своей добротой, сдержанностью и удивительно располагающим курносым сероглазым лицом.

— Как долетелось?— спросил Тимофей Тимофеевич, и Горелов, прибегая к летному жаргону, ответил:

— Спасибо, на четырех движках.

— А вообще как настроение?

— Бодрое, Тимофей Тимофеевич. Окололунное, можно сказать.

— Кистью балуешься?

— Какое там!— беспечно отмахнулся Горелов.— Уже две недели, как в руки не брал. Никак портрет один не могу завершить.

— Чей же, если не секрет?

— Так... женщины одной...— уклонился Горелов, но под мохнатыми бровями глаза конструктора блеснули веселым огнем.

— Слыхал, ты жениться собрался?

— Это верно,— смутился Алексей.

— И скоро ли?

— Как только вернусь и пройду все карантины.

— Правильно поступишь,— шумно вздохнул конструктор.— Ничего хорошего в судьбе запоздалого холостяка не нахожу. Зря этим иные бравируют. А вот что кистью не балуешься, это плохо... Прямо тебе скажу: плохо.

— Почему, Тимофей Тимофеевич? В мои годы надо останавливаться на чем-то одном и определенном. Я уже давно понял, что Репина из меня не получится.

— Вздор!— оборвал его Тимофей Тимофеевич и накрыл чертеж широкой ладонью, оплетенной синими венами.— Из тебя, Горелов, еще и художник может получиться настоящий.

— А я думал, космонавт,— обиженно протянул Алексей.

Тимофей Тимофеевич наклонил лобастую голову и рассмеялся.

— Ревнив же ты, Алешенька. Ревнив и легкораним. Космонавтом ты уже прочно стал в тот день, когда я разрешил готовить тебя к старту. А вот кисть не бросай. Очень тебя прошу, не бросай. Ведь тот полет, который ты на моей «Заре» предпримешь, в память твою навек врежется. Шутка ли сказать,— поднял правую руку конструктор,— ты первым пройдешь по звездной целине к другому небесному телу, выполнишь первый виток вокруг нашего ночного светила. Ты увидишь такие краски, какие не видели ни Куинджи, ни Рокуэлл Кент. Об этих красках всего словами не расскажешь, будь хоть ты Гоголем или Буниным. А вот на полотне... какие чудесные пейзажи ты сможешь нам подарить! Пусть в них не будет мастерства Левитана или Куинджи, но в них будет правда, и она сослужит пользу ученым, конструкторам, космонавтам. Я уже не говорю о широком зрителе.

— А я все-таки считал, что в наши дни нельзя раздваиваться и надо выбирать одно,— упрямо повторил Горелов.— А уж если выбрал, то всего без остатка посвящай себя этой профессии.

Тимофей Тимофеевич взял за дужку роговые очки и повертел их перед собой. Алексей насчитал три оборота.

— Ты что же, ратуешь за электронного человека?— осведомился он сердито.— А ты подумал, какой бы ужас постиг человечество, если бы все мы превратились в электронных людей, напичканных формулами и цифрами, привыкших к программированию? Повернул ручку счетно-решающего устройства, р-раз — и вот тебе готовый ответ: ты, Алексей Павлович Горелов, такого-то года и такого-то месяца женишься на такой-то. Еще одну ленту привел в движение — новый ответ получай: ты в таком-то году совершишь такой-то полет, а в таком-то родится у тебя сын или дочь либо то и то сразу. В третий раз ручку повернешь, а машина тебе сухо и страшно объявит: ты умрешь в таком-то году и будешь похоронен на таком-то кладбище. Дети твои проживут на Земле до такого-то года, а потом переселятся на Марс. Ерунда все это, Алеша! Оставим эти забавы на долю фантастов. К черту! Нам не нужны электронные человечки, которые будут питаться пилюлями и жить на кнопках. В том и прелесть чудесной, природой созданной конструкции, именуемой человеком, что она живая и все живое ей свойственно. Какими бы формулами и сложнейшими расчетами ни была напичкана моя голова, я хочу прежде всего жить и чувствовать. Люблю, когда обо мне говорят хорошо, и волнуюсь, когда говорят плохо. Мне больно, если вижу, что моему ближнему тяжело или у меня не клеится какой-то расчет, не так завершена сложная техническая комбинация. Я наслаждаюсь небом или лесом, кричу от радости, вытаскивая из реки какого-нибудь паршивца подлещика, даже этой бутылкой ледяного боржома, как бы это ни было банально, наслаждаюсь. В конце концов с человека многое спрашивается, но ему многое и дано. Вот ты сидишь передо мной, чудесное произведение природы... самое высшее, можно сказать.

— Такое уж и чудесное, Тимофей Тимофеевич?— усмехнулся Горелов.— После ваших слов хоть в зеркало посмотреть, нет ли за спиной крылышек.

— Крылышек не ищи,— остановил его конструктор и потянулся к бутылке боржома,— а меня слушай внимательно. Первое впечатление о тебе — обычный, простоватый парень. Немногословный, твердый, знающий, за что надо бороться в жизни. А если тебя копнуть поглубже? Какими уже огромными знаниями ты обладаешь! В отсеках твоего мозга, на каких-то там невидимых полочках, и математика, и космическая навигация, и астрофизика. Какой-то центр, тонкий и нам недоступный, управляет твоей рукой, когда ты рисуешь, и оттого, что ты добрый и щедрый, у тебя получаются добрые сюжеты. Такой ли ты простой, если, зная о том, что скоро прогремишь на весь мир и сотни девушек сочли бы за счастье стать твоими невестами, женишься на женщине и рад удочерить ее ребенка, отец которого погиб.

— Вы и это знаете?— смутился Алексей.

— Я все должен знать о человеке, допущенном к облету Луны,— мягко заметил Тимофей Тимофеевич.— Впрочем, насколько мне известно, вы сами не делаете из этого секрета.

Горелов, опираясь ладонями о подлокотники, поднялся в кресле.

— Не делаю. Честное слово, не делаю, Тимофей Тимофеевич. Она такая, что лучше не встретишь. Наверное, поэтому и портрет ее дается мне очень трудно. Я хотел до полета свадьбу отпраздновать, но она наотрез отказалась.

— И правильно сделала,— одобрил конструктор.

— Я вас понимаю,— закивал Алексей, и кудряшки всколыхнулись на его голове.— В этом случае в ней заговорила женская гордость. Она мне что-то вроде испытания предложила. Пусть вернется из полета, пусть о нем зашумят, и если у него голова не закружится от славы, а любовь не ослабеет, тогда я и стану его женой.

На лице у Тимофея Тимофеевича появилась улыбка. Сейчас он видел перед собой не летчика-космонавта, обремененного сложными думами о трудном предстоящем полете, а просто влюбленного человека, грустящего в разлуке и теплеющего от дорогих ему воспоминаний. И еще подумал Тимофей Тимофеевич о том, что сидит перед ним молодой человек, никогда не видевший отца, не знавший скупой, но такой нужной в жизни мужской ласки. Не потому ли так спокойно и просто говорит он ему о самом заветном? Алексей поправил расстегнутый ворот офицерской рубашки, нерешительно поднял на собеседника глаза.

— Она у меня чудесная, Тимофей Тимофеевич! Я после полета обязательно вас в гости позову.

— Почту за честь,— серьезно согласился конструктор «Зари». Потом он встал и, полуобняв за плечи Алексея, подвел к одной из схем, висевших на стене.

— Завтра в восемь ноль-ноль стартует «Аврора». Ваши друзья сейчас отдыхают в профилактории. Вечером вы их сможете навестить. На пуск особенно не приглашаю,— произнес он, нахмурившись.

Горелов удивленно выпрямился.

— Почему? До сих пор все космонавты и дублеры присутствовали на запусках... в том числе и те, которым на другой день предстояло стартовать.

Конструктор потер переносицу.

— Это действительно было, но вы, Алеша, исключение из правил,— сухо остановил он Горелова, давая понять, что настало время, когда говорить должен только он, а собеседник лишь слушать и запоминать.— Вы исключение из правил, потому что вы первый человек, идущий на такое большое, сложное,— он помолчал и наклонил голову набок,— не хочу говорить: опасное и, еще раз повторяю, сложное дело. Сейчас вам надо отдыхать и как можно меньше поддаваться эмоциям.

* * *

В августе беспощадны среднеазиатские ветры. Иногда по четыре и пять дней подряд носятся они над городами, пустынями и степями, опаляя людей и землю невыносимым зноем, иссушая воду в мелких арыках, поднимая тучами скрипучий песок.

Лидия на всех окнах опустила занавески, но и это плохо помогало, в комнатах было душно. Наташка в одних трусиках возилась в своем уголке. Играла она не в куклы, а в настольное лото, взяв себе в компаньоны огромного плюшевого медведя. Лидия в полосатом шелковом сюзане гладила ее белые бантики и школьную форму. Вдруг Наташка бросила лото и подбежала к окошку.

— Ой, мама, кажется, дядя Алеша в наш подъезд вошел!— закричала она. Лидия побледнела и на мгновение отняла утюг от белоснежного школьного фартука дочери.

— Успокойся, девочка, он не может сейчас прийти,— ответила она.

— Почему, мама?— удивилась Наташка.— Он же всегда приходит неожиданно... И тогда, последний раз, когда я спала. Странно, почему он меня не разбудил? Торт принес, игрушки принес, а меня не разбудил.

— Он очень торопился, маленькая,— пояснила Лидия,— его ожидало большое дело.

— Большое, как я?— засмеялась Наташка.

— Нет, доченька,— грустно улыбнулась Лидия.— Гораздо большее, чем ты и я.

— Большое-пребольшое.

— Вот именно.

Наташка разочарованно отошла от окна и прищурила синие глазенки. Когда она бывала не в духе, дергала правую белую косичку. Но сейчас она только потеребила ее в задумчивости.

— Мама, а ты почему всегда краснеешь, когда дядя Алеша к нам приходит?

Лидия выключила утюг, уместила его в железном гнезде-подставке и укоризненно покачала головой.

— Это тебе так показалось, девочка.

— Показалось!— вскричала Наташка.— Зачем же ты говоришь неправду! Нет, ты всегда краснеешь, если он приходит, и сразу становишься, как девочка. Да вот и сейчас покраснела... а я знаю, отчего это!— выпалила она.— Ты его любишь, мама!

— Вот еще, да откуда ты взяла?— совсем смешалась и нахмурилась Лидия.

— Нет, любишь, любишь!— упрямо повторила Наташка.— И я люблю дядю Алешу. А мне можно его папой называть?

Лидия собиралась рассердиться, но вдруг увидела, как быстро изменились глаза ребенка. Радость в них померкла, уступив место грусти и раздумью. Лидия схватила Наташку на руки, прижала к груди.

— Бедная моя фантазерка! Ну как же так? Мы же не знаем еще с тобой, любит он тебя или нет.

Девочка упрямо покачала головой.

— А я знаю. Меня он любит,— твердо сказала она,— он мне сам об этом говорил. Вот... И что тебя любит, говорил.

Лидия нежно погладила белую головку, бережно опустила дочь на пол.

— Если бы все было так просто, девочка.

— Конечно, просто... Любит, и все.

— Когда он придет, мы об этом у него спросим,— не улыбаясь, сказала она,— а теперь иди играй, доченька. Я тебе платье должна подшить. Уже и первое сентября на носу.

Что-то в эту минуту, вероятно, произошло. Несколько машин, грузовых и легковых, промчались через городок к аэродрому, по лестнице пробежало, наверное, несколько человек сразу, потому что деревянные ступеньки буквально застонали. Чьи-то голоса послышались за открытым окном. Привыкшая к частым учебным тревогам, без которых немыслима жизнь авиационного городка, Лидия сначала не обратила на весь этот шум внимания, но на третьем этаже отчетливо хлопнула дверь, и соседка крикнула со своей лестничной площадки соседке с первого:

— Ольга Константиновна, включайте поскорее радио! Это же невероятно!

Лидия вдруг побледнела и, чуть не натолкнувшись на Наташку, кинулась к белому прямоугольному динамику, задрожавшими руками схватила черный шнур.

— Что с тобой, мамочка? Тебе плохо?— испуганно и удивленно спросила Наташка, прижимаясь к ее бедру.

— Что ты, что ты, девочка... мне хорошо, мне очень хорошо,— шептала Лидия, долго не попадая вилкой в розетку.

Она включила динамик, когда диктор уже прочитал начало правительственного сообщения.

— «...августа в восемь часов утра по московскому времени впервые в истории выведен на орбиту пилотируемый космический корабль «Заря», совершающий полет к Луне. В заданной точке с координатами...— легкий шум помешал услышать Лидии цифры,— летчик-космонавт майор Алексей Павлович Горелов включил разгонную ракетную сту-

пень и вышел на траекторию полета к Луне. Как свидетельствуют телеметрические данные и доклады по радио, скорость и направление полета выдерживаются с предельной точностью. Космонавт Горелов успешно перенес перегрузки при выходе на орбиту и во время удаления от Земли. В двенадцать часов пятнадцать минут по московскому времени был проведен очередной сеанс радиосвязи с кораблем «Заря». Космонавт Горелов находился в эту минуту на расстоянии шестьдесят пять тысяч километров от Земли. Первый полет к Луне успешно продолжается».

Опустившись на диван, Лидия подперла ладонями подбородок и не замечала катившихся по щекам слез. Наташка встревоженно прильнула к ней.

— Мама, зачем ты плачешь? Ведь это же хорошо! Это же к Луне наш спутник запустили. И с человеком.

Лидия отняла от пылающих щек похолодевшие ладони и внимательно посмотрела на дочь. Странными были ее глаза: большие, сияющие, заплаканные и счастливые в одно и то же время.

— Девочка, а ты знаешь, кто управляет этим спутником?

— Нет, мама... какой-то космонавт. Майор.

— Глупенькая, да разве ты не расслышала, когда диктор назвал его имя и отчество?

— Нет, мама.

— Это же наш дядя Алеша. Алексей Павлович Горелов.

...«Заря» уходила к Луне по невидимой эллиптической траектории. Целая четверть пути от Земли к окололунной орбите осталась уже за плечами Горелова, а он все еще никак не мог освоиться с непередаваемо новым состоянием. Мог ли он определить, что именно было самым трудным в первой части полета? Едва ли. И одиночество, и неприспособленность к новому состоянию невесомости, и сложная работа с оборудованием кабины настолько его захватили, что не было на первых порах времени разобраться в своих ощущениях и мыслях.

Каждым нервом своим чувствовал он Землю, ее близость и греющее тепло. Но теперь, оставшаяся далеко-далеко, она превратилась в небольшой голубой клубок, от которого разматывалась его длинная дорога к цели. Глядя на этот клубок, он с нарастающей тревогой ощущал свою полную ничтожность перед Вселенной. «С кем же меня можно сравнить, если даже Земля кажется такой крошечной?»

Выдался свободный час отдыха, и Горелов с удовольствием размял замлевшие под привязными ремнями плечи и ноги. Обостренный его взгляд сквозь опущенный козырек гермошлема скользил по стенам пилотской кабины «Зари». Сколько сил и выдумки вложили Тимофей Тимофеевич, Станислав Леонидович и другие конструкторы, чтобы сделать ее уютной и удобной! Здесь все было под руками: и пилотажные приборы, и выпуклый глобус Земли, и так называемый «взор», небольшой экран, постоянно показывающий часть удаляющейся Земли, над которой находится корабль, и счетчик, регистрирующий облучение внешней стороны корабля и пилотской кабины. На этот счетчик нельзя было переводить взгляд без глухой, далеко спрятанной тревоги: а что, если вдруг!..

Здесь все было сделано, чтобы он, летчик-космонавт Горелов, чувствовал себя человеком двадцатого века, царем природы. Но царем природы он ощущал себя на Земле, заставляя работать сложные вычислительные установки, изучая высшую математику и астрофизику, пилотируя реактивный истребитель или совершая поездку на «Волге». Здесь же бездонная мгла давила его со всех сторон, напоминая каждую секунду, что он всего лишь бесконечно малая частица, передвигающаяся по загадочному, вечно существующему звездному полю. «Дон-дон»,— звучали все время в ушах ровные непонятные звуки, рождавшиеся и умиравшие с одинаковыми интервалами. Алексей закрыл глаза и почувствовал сразу, что веки его, сухие и горячие, наливаются тяжестью. Шло время, свободное от наблюдений и работы. Чтобы уйти от реальной действительности и хотя бы на немного забыть огромный глубинный космос, эту черную бездну, озаряемую иногда яркими солнечными вспышками, слепящими, как автогенное зарево, он вспоминал день отлета и перелистывал заново те торжественные минуты. Знойное поле космодрома, пусковые вышки над степью и крыши светлых зданий из стекла и бетона... Какую милую картину составляло все это! С этих пусковых вышек уходили в космос его предшественники. Были они разведчиками для него, точно так же, как и он был сейчас разведчиком на этой бесконечной звездной дороге для тех будущих космонавтов, которых и в отряде сейчас, возможно, нет, но которые придут и полетят гораздо дальше его. «Дон-дон»,— стучало в ушах под оболочкой гермошлема. А там, на Земле, было тридцать пять по Цельсию и в маленьком, срубленном из дерева, теперь опустевшем домике терпко пахло цветами, полученными в день старта.

И он вспомнил, как дали десятиминутную предстартовую готовность, потом пятиминутную и, наконец, последнюю, минутную. Стрелка на часах, вмонтированных в пластмассовую приборную панель, побежала, как показалось Алексею, очень быстро. Он и представить себе не мог, что сейчас делалось на командном пункте. Операторы замерли у экранов пусковой установки, делая последние отсчеты, а стрелка неумолимо ползла к жирной красной отметке, и только голос Тимофея Тимофеевича каменно-злым эхом грохотал в большой светлой комнате.

— Первый!

— Готово.

— Второй!

— Готово.

— Шестой!

— Готово.

— Пуск!

Нет, это не шквальный пустынный ветер загудел внизу, у самого основания огромной серебристой ракеты. Это белое пламя забушевало у подножия пусковой установки. Столбы дыма смешались и весело заплясали над Землей, а белое пламя с легким, коротким хлопком рванулось вверх. И на глазах у всех находившихся на космодроме, от конструктора «Зари» до часового на пропускном пункте, серебристая ракета вдруг ожила и медленно отделилась от стартовой установки, волоча за собою пульсирующий фонтанчик пламени, стала набирать высоту. Даже не верилось, что так медленно уходит в небо ракета, направленная к Луне. Тяжело и неохотно расставалась она с Землей. Но прошли секунды, и ракета исчезла из глаз, все быстрее и быстрее вспарывая атмосферу.

Алексей даже не сразу почувствовал, что он уже в полете.

Позднее, уже на орбите, пришло состояние невесомости. Это было на первых порах ново и необычно. Как только Горелов отвязался от кресла и шагнул в узкое пространство кабины, он тотчас же очутился вниз головой над полом. Он дотронулся до твердого простенка между приборной доской и задраенным окном иллюминатора и сразу же вернул себе прежнее положение. Очевидно, в это время кабина была на контрольном экране, потому что голос генерала Мочалова немедленно приказал:

— Привяжитесь к креслу. Через двадцать минут перейдете в новый режим полета. Прием... прием.

Как все-таки хорошо было на орбите! Голоса «оттуда», с космодрома, были громкими, моря и континенты родной планеты светились ободряющим разноцветьем. А потом «Заря» взмыла вверх и понесла его к далекой Луне, утратившей свой желтый цвет и ставшей на какое-то время черной и угрюмой.

Алексей открыл тяжелые веки и вздохнул. Никаких перегрузок он не ощущал, только во рту было немного сухо да еще в ушах навязчиво раздавался тот же однообразный мотив: «Дон-дон-дон»,— появившийся примерно на высоте в тридцать тысяч километров. Он приоткрыл забрало гермошлема и, сняв со стены баллон с минеральной водой, сунул в рот наконечник-пистолет. Без этого пистолета нельзя было обходиться в полете. Капли воды в невесомости тотчас же превратились бы в белые шарики. Утолив жажду, Горелов повесил баллончик на место. Пить больше не хотелось. Неприятное, почти режущее состояние одиночества рождало десятки сомнений. «В чем дело? Почему меня не вызывают с Земли?» — думал Горелов. Он не успел найти предположительного ответа на эти вопросы, как замигали на стенде сигнальные лампочки. «Я Земля,— раздался не то чтобы невнятный, но уже безнадежно далекий голос.— Подтвердите удовлетворительность самочувствия и готовность продолжать полет. Прием». «Я «Кристалл»,— ответил Горелов, с нажимом выговаривая два «л»,— чувствую себя отменно». «Что бы вы хотели передать своим соотечественникам?» «Сердечный привет и то, что задание будет выполнено в полном объеме». Он поглядел на стрелки часов и, ободренный этим общением с Землей, улыбнулся. «Мои земляки пусть поступают, как хотят, а я ложусь спать, чтобы не нарушать распорядок...»

...Горелов открыл глаза. Встревоженный внезапным суровым сном, с беспокойством оглядел кабину. Нет, все в порядке. Он снова попробовал заснуть, но не смог. «Дон-дон»,— одурманивающе звучало в гермошлеме.

Он размышлял о Земле, и только о Земле. Он видел перед собой деревянные ступеньки знакомой лестницы, пахнущие сосной, Лидию. Ей было холодно в тонком домашнем халатике с короткими рукавами, и руки ее пахли парным молоком. Алексею казалось, будто даже здесь, в кабине, слышит он этот запах. «Она со мной,— подумал он, счастливо жмурясь,— значит, со мной не может ничего случиться!..»

Затем он подумал о матери, о друзьях, о Тимофее Тимофеевиче, который за исход полета волнуется, пожалуй, больше самого Горелова, пилотирующего «Зарю». Постепенно мысли о Земле отошли на второй план, и он постарался представить себе самое близкое будущее, тот час, когда «Заря», повинуясь заданной программе, выйдет на окололунную орбиту, полную неизвестности и возможных неожиданностей. Он скользнул взглядом по счетчику, регистрирующему облучение, и по прибору, показывающему удаление от Земли. Ничего тревожного в показаниях не было. Просто по дуге гигантского эллипса «Заря» уже отдалилась от Земли на сто восемьдесят тысяч километров.

И еще прошел день. Земля пряталась в черной неведомой темени космоса, появлялась то слева, то справа, и тогда становилось как-то теплее на душе. Голубой непрерывно льющийся свет кабины бодрил, и остаток пути не казался уже таким тяжелым, как первые две трети.

— «Кристалл», «Кристалл»,— услыхал он голос генерала Мочалова,— как самочувствие? Жалобы есть?

— Чувствую себя отлично! Пульс — семьдесят, давление — сто двадцать!

— Так и держите,— посоветовал Мочалов,— через двадцать минут кораблю будет сообщена новая космическая скорость, включена дополнительная ракетная установка, и вы окажетесь на окололунной орбите.

Горелов взглянул на приборную доску. Триста восемьдесят пять тысяч километров удаления от Земли. Наконец-то! Он задохнулся от волнения. «Дон-дон»,— еще сильнее застучало в ушах. Неизвестность и пустота окружали его со всех сторон. Но теперь он знал, что цель приблизилась, и от этого волнение постепенно улеглось. Сознание стало ясным: он теперь видел конец пути, намеченного «туда». Один виток, всего один виток вокруг Луны, и он свободен. Он промчится над ее вечно сонной, стылой поверхностью на заданной высоте, сделает фото- и киносъемку и снова уйдет на расчетную кривую снижения.

Один виток! Правда, он будет не таким легким и коротким по времени, как у его предшественников, но все же после пройденного расстояния эти оставшиеся два с лишним часа можно будет терпеливо пережить.

Прошли томительные двадцать минут, прошли быстро. «Зарю» резко встряхнуло, но он не вздрогнул при этом от неожиданности, потому что прекрасно знал: включились тормозные двигатели. На приборной доске зажглись две красные сигнальные лампочки. Вскоре они погасли, и с космодрома донесся торжественный голос Тимофея Тимофеевича:

— «Кристалл», космонавт Горелов! Поздравляю, родной! Вы первый человек Земли на селеноцентрической орбите. Вы над целью!

Не счесть алмазов...

М. МАРТЫНОВА, А. ТЕРЕХОВА,
старшие научные сотрудники музеев Кремля

Россыпи сверкающих алмазов, уральские самоцветы, ласкающие глаз яркими, ликующими красками, роскошные регалии, усыпанные драгоценными камнями, великолепные женские украшения, мягко мерцающие самородки золота и платины — вот что предстает перед взором посетителя выставки «Алмазный фонд СССР», которая открылась в Московском Кремле в дни 50-летнего юбилея Великого Октября.

Конечно, здесь только часть тех богатств, которые собраны в главной сокровищнице нашего государства. Созданный в 1922 году, Алмазный фонд СССР за годы Советской власти пополнился прекрасными изделиями из металлов и драгоценных камней, уникальной коллекцией золотых и платиновых самородков, крупными алмазами, найденными в отечественных месторождениях. А первоначальным ядром этого замечательного собрания послужили коронные драгоценности русского двора. Когда началась первая мировая война, они были вывезены из Петербурга в Москву и хранились в Оружейной палате Московского Кремля в запечатанных сундуках вплоть до 1917 года. Во время октябрьских боев в Москве белогвардейским частям удалось ненадолго захватить Кремль, и сокровищам грозила опасность: их могли разграбить. Только решительные действия революционных частей предотвратили гибель уникальных ценностей.

Специальным распоряжением народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского все находившиеся в то время в Кремле исторические ценности были объявлены собственностью республики и советского народа. В апреле 1922 года, после того как специальная экспертная комиссия вскрыла ящики с сокровищами русской короны, крупнейшие искусствоведы, историки и ювелиры под руководством академика А. Е. Ферсмана начали тщательное изучение художественных шедевров, лучшие из которых сейчас экспонируются на выставке.

Входим в зал, где свет слегка приглушен, а в витринах сверкают и переливаются изумительные творения ювелиров прошлого. Созданные столетия тому назад, эти изделия пленяют изяществом своего рисунка, неповторимой гармонией цветовых сочетаний, глубоким проникновением в красоту камня. Любуясь этими драгоценностями, мы не испытываем трепета перед их баснословной ценой, но они заставляют нас преклоняться перед гением человека, вложившего в них свой художественный вкус, талант, сумевшего так вдохновенно воплотить в камне мечту о прекрасном.

Безгранична фантазия художников, создававших изящные шпильки и эгреты, которые вкалывались в напудренные парики; пряжки, банты, серьги, украшавшие пышные туалеты XVIII века. Но самыми замечательными творениями ювелиров того времени были букеты из драгоценных камней,— их прикрепляли к корсажам парадных женских платьев. Полон прелести букет из бриллиантовых нарциссов. Их золотистые сердцевинки, подвижно закрепленные на миниатюрных пружинках, дрожат и трепещут при малейшем движении, излучая сияние.

Ни одного зрителя не оставляет равнодушным большой букет, набранный из изумрудов и бриллиантов на цветной фольге. Кажется почти невероятным, что он создан всего из двух видов камней,— так насыщена его цветовая гамма. Бриллиантовые цветы колеблются на изумрудных стеблях, наполняя букет трепетом жизни. Есть здесь и бутон: необычный, очень редко встречающийся в природе нежно-сиреневый бриллиант. В гарнитуре с букетом ювелир выполнил диадему-бандо, которая прихотливой гирляндой обвивала женскую голову. Своеобразный венок сплетен из сверкающих роз, ромашек, тюльпанов, на них примостились желтовато-золотистые пчелки и мушки, также из драгоценного камня.

Сама природа вдохновляла художников на создание ювелирных изделий. Вот, например, бриллиантовые серьги, напоминающие вишневые веточки. Невольный возглас восхищения пробегает по рядам зрителей при виде сверкающих точеными гранями двух громадных бриллиантов, провисших на искрящемся утолщенном черенке.

С особым великолепием при русском дворе оформлялись церемонии коронаций, которые должны были подчеркнуть исключительность и незыблемость императорской власти. Государственные регалии — корона, держава, скипетр — осыпались множеством сверкающих самоцветов.

На выставке экспонируется прославленная корона, которую выполнил крупнейший петербургский ювелир И. Позье для коронации Екатерины II в 1762 году. За работу мастер получил 50 тысяч рублей — половину всей суммы, потраченной на коронационные торжества. Чтобы проверить свой художественный замысел, мастер сначала создал восковую модель короны и укрепил на ней драгоценные камни. Пять тысяч прекраснейших бриллиантов украшают этот шедевр ювелирного искусства XVIII столетия. Ослепительное полыхание бесцветных, желтоватых, бледно-розовых алмазов оттеняется матовым мерцанием жемчуга. Венчает корону огромная густо-красная шпинель весом около 400 каратов. Это исключительный по величине и красоте драгоценный камень.

Множество редких самоцветов хранила царская сокровищница. В 70-х годах XVIII столетия она пополнилась еще одним чудом природы — алмазом «Орлов». Сколько легенд связано с этим камнем, неоднократно менявшим своих владельцев! Найденный в далекой Голконде в XVII веке, он служил там глазом одному из идолов. В XVIII столетии камень попал к персидским завоевателям. Дальнейшая история его обрастает выдумками, слухами и преданиями. Одни утверждали, будто алмаз был выкраден из казнохранилища Надир-шаха. Другие — будто армянский банкир Лазарев купил его у какого-то человека, не знавшего цены камня. Третьи говорили, что некий кавказский житель по поручению Лазарева зашил эту драгоценность себе в ногу и так перенес из Индии через Кавказские горы и доставил в Петербург. Документы же говорят о том, что алмаз был куплен у персидского воина армянским купцом Сафрасом и продан им за 400 тысяч рублей, ежегодную пенсию и дворянскую грамоту графу Григорию Орлову, который подарил алмаз Екатерине II. С 1774 года этот алмаз украшает царский скипетр.

С именем великого русского писателя связано появление в России другого уникума — алмаза «Шах». Он в основном сохранил свою природную форму и, по-видимому, служил когда-то талисманом. Три надписи, выгравированные на гранях алмаза, рассказывают о его необыкновенной истории. В XVI веке им обладал один из правителей Индии. Затем в результате кровавых войн камень был захвачен династией Великих Моголов. В XVIII веке попал к шаху Надиру. А в 1829 году, после того как религиозные фанатики убили в Тегеране русского посла Александра Сергеевича Грибоедова, алмаз был подарен «во искупление вины» Николаю I. История этого камня тесно сплелась в нашем сознании с судьбой русского поэта, и на выставке рядом с алмазом помещена портретная миниатюра А. С. Грибоедова, выполненная за два года до его смерти...

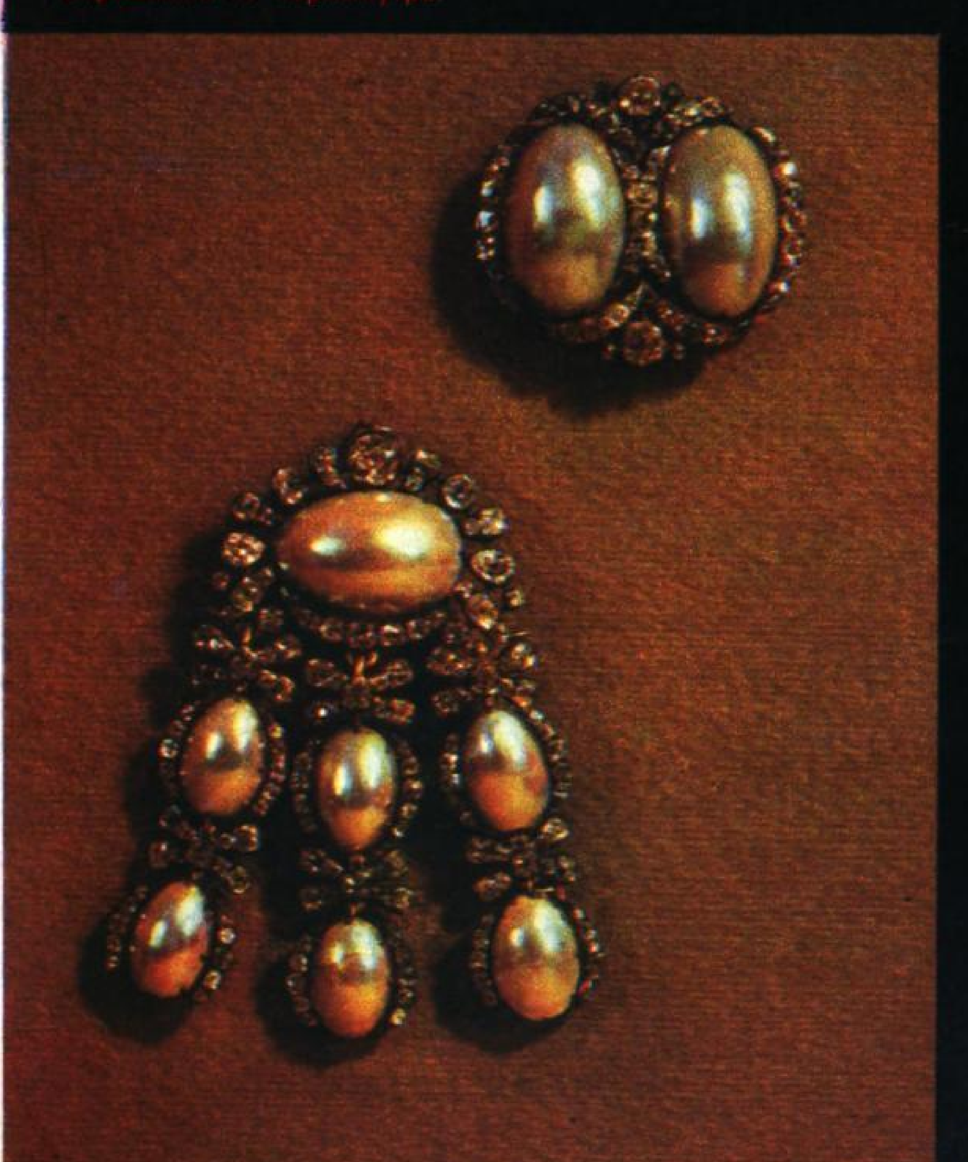
Украшения, созданные советскими ювелирами, несут на себе печать новых вкусов и отвечают художественному стилю нашей эпохи. Веяния современности нашли своеобразное преломление и в ювелирных изделиях. Не случайно одно из колец — строгой формы — названо «Космосом», а брошь ювелира Московской фабрики Ростовцевой под девизом «Вымпел» была выполнена в первые же дни после доставки советского вымпела на Луну.

А рядом с ювелирными изделиями на выставке представлен алмаз в его новом качестве: алмаз-труженик, без которого немыслима ни одна отрасль современной промышленности. Посетители увидят алмазные инструменты, алмазное сырье, крупные именные кристаллы — все, что дало нашей стране открытие богатейших якутских месторождений.

Сверкает солнечными искрами алмаз «Мария» — самый крупный советский кристалл, названный именем Марии Марковны Коненкиной, которая нашла этот алмаз в Якутии. Здесь же словно вспыхивающий голубоватым, холодным светом далекой звезды алмаз «Валентина Терешкова».

Пряжка-аграф.

Украшения из перламутра.

Шерл розовый.

Фото Л. КОГАНА.

Бриллиантовые серьги.

Большой букет — бриллианты.

...изумруды, золото, серебро.

Алмаз «Орлов».

Ювелирные изделия советского производства.

Пешком в мамино детство

Римма КОВАЛЕНКО

Повесть

Рисунки И. ПЧЕЛКО

7. ЦИРК НА СЦЕНЕ

Мы пошли дальше. Придумался хороший разговор.

— Спина разламывается пополам — чудесно!

— Где ночевать будем, не знаем — замечательно!

— У меня нос обгорел — красота!

— Если свалимся и умрем,— всякий позавидует!

Сзади нас загромыхала телега. Мы оглянулись. Молодой парень в фетровой шляпе гнал лошадь прямо на нас. За ним на телеге в два ряда стояли бидоны. Подъехав к нам, он резко затормозил и снял шляпу.

— Здравствуйте!

Мы ответили.

— Лихо же ты молоко возишь,— сказала мама.— Не боишься, что масло собьешь, пока доедешь?

Парень слез с телеги, показал нам редкие зубы в улыбке и надел шляпу на уши лошади.

— С этого молока масла не будет. Обрат. На ферму телятам везу.

— А вот он,— мама показала на меня,— не знает, что такое обрат.

— Хочешь узнать?

Я кивнул.

Парень нагнул бидон и налил мне в кружку обрата. Он был белый, как молоко. Я выпил до дна и понял, что это молоко, из которого каким-то образом выкачали весь вкус.

— Молоко,— сказал я,— верней, бывшее молоко. Спасибо.

— Правильно,— сказал парень,— после переработки.

Мама тоже выпила целую кружку. Парень надел шляпу на свою голову, сел на телегу, сказал нам: «До свиданьица» — и погнал свою лошадь дальше.

Через час я не кричал: «Свалимся и умрем — всякий позавидует»,— этот момент настал. Рюкзак стопудовой гирей давил на спину, ноги стали, как распаренная резина, еще секунда — и конец. Но прошла секунда, минута— и вдруг стало легко. Так легко, что я обогнал маму и запел песню.

— Товарищ начальник маршрута, не понимаю, что произошло? Ноги стали как ноги, и даже рюкзак как рюкзак, а не как стопудовая гиря.

— Пришло второе дыхание,— сказала мама,— у меня уже это было.

Но кончилось и второе дыхание. Мы окончательно выбились из сил, а ближайшая станица только дразнила и обманывала нас своими крышами. То они были близко, то совсем исчезали в зелени листвы.

— Не дотянем,— сказала мама, и мы свернули к трем тополям, под которыми была тень.

Проснулись мы через час. Поели, стряхнули с себя пыль и побрели дальше.

— Вид у нас, Петька, неудобно людям на глаза показываться,— сказала мама.

Вид действительно был у нас заброшенный. Волосы от пыли и солнца стали жесткими, как солома, вся одежда измялась.

— Ничего,— сказал я,— по одежке встречают, по уму провожают.

— Тогда все в порядке,— рассмеялась мама,— ты выходишь вперед и демонстрируешь свой ум.

Но ничего такого мне не пришлось делать. Как только мы вошли в станицу, мальчишка лет семи выбежал нам навстречу и спросил:

— Вы циркачи?

Мы опешили. Какой бы ни был у нас вид, но этого мы не ожидали.

— Я вас провожу,— радуясь, что встретился с нами, сообщил мальчишка и повел нас по улице. По дороге мы обрастали новыми мальчишками и девчонками, которые сообщали друг другу:

— Циркачи это! И мальчик циркач!

Они забегали вперед, заглядывали нам в глаза и очень радовались встрече с нами.

— Ребята, здесь какое-то недоразумение...— начала было мама, но не закончила: у колодца на щите, мимо которого мы проходили, висела афиша: «Только один день! В клубе колхоза — гастроли эстрадно-циркового коллектива «Цирк на сцене».

— Петька, все ясно и, по-моему, грустно,— шепнула мне мама,— места в Доме приезжих заняты.

Мест действительно не оказалось. Увидев, как мы расстроились, заведующая Домом приезжих стала нас отчитывать:

— Ну, что вы за люди! Неужто у нас, как в городе: места нет и иди себе, хоть куда знаешь.

Она взяла в каждую руку по нашему рюкзаку и повела к себе домой. В просторной комнате было до того чисто, что мы с мамой не знали, куда девать себя.

— Вот спички, вот дрова, вот чугун для воды, вот мыло,— быстро-быстро говорила хозяйка,— вот кровать, вот молоко, вот хлеб, вот яички. Хозяйствуйте сами, зовут меня тетя Шура, приду я утром.

Мы стали «хозяйствовать». Через час я вышел на улицу розовый и легкий, как будто и не шагал сегодня с рюкзаком по пыльной дороге. Конечно, меня, как и тех ребят, интересовали цирковые артисты. Я пошел к Дому приезжих.

— Любо поглядеть, яки гарненький стал,— сказала тетя Шура,— артистов пришел повидать, а их нету. В клубе репетируют.

— Тетя Шура,— раздался голос в коридоре,— как это нет артистов? А я кто? Я уж, по-вашему, пустое место, персона нон грата?

На крыльце показался длинный парень с тонкими черными усиками.

— Привет! — сказал он мне.— Где-то я вас видел?

— Не знаю,— ответил я,— по-моему, нигде вы меня не видели.

— Возможно,— сказал парень, оттягивая пальцы и громко щелкая,— а жаль. Тетя Шура, имею ли я право поговорить с этим молодым человеком наедине?

— А пропади ты пропадом,— рассердилась тетя Шура,— балалайка, а не человек!

— Вы, уважаемая тетя Шура, не можете из своего заземленного состояния видеть вещи в их конфигурации.

Он говорил очень смешно, но тетя Шура воспринимала все всерьез.

— А ты все видишь, как же! Вымахал и думаешь, что видишь дальше всех. Так я тебе скажу: в ботву ты пошел.

Она ушла, громко хлопнув дверью.

— Темная личность,— пожал плечами длинный парень,— но своему месту соответствует. Ну-с, а чем ты меня порадуешь?

Я не знал, чем его порадовать.

— Тогда приходи завтра. Вспомни и приходи.

— Что вспомнить?

— Кто ты? Откуда? Как тебя зовут?

— И тогда вы обрадуетесь?

— Очень.

Я не стал портить игры.

— Хорошо, я приду завтра.

Назавтра он сам меня нашел. Мама пошла с тетей Шурой в сельпо, я сидел в палисаднике с книжкой, и вдруг появился он.

— Мой юный друг,— сказал он,— тебя ждут необыкновенные новости, а ты сидишь и ничего не знаешь. Может, у тебя переэкзаменовка?

Я рассмеялся.

— Нет. Это Чехов.

— Тогда следуй за мной.

Мы прошли улицу, завернули и подошли к маленькому домику. Мой знакомый ногой толкнул калитку, и мы вошли во двор. Там за летним столиком сидела женщина в белой кружевной блузке.

— Ах, Сима, это вы! — вскрикнула она и сделала вид, что испугалась.

— Это я,— сказал мой знакомый,— и по очень важному делу.

Они ушли в дом, а я остался ждать во дворе. Сима вернулся один и сказал:

— А теперь слушай.

Он говорил серьезно, и с каждым его словом уши мои разгорались все сильней, а сердце то останавливалось, то стучало, как молоток.

— Считай, человек, что тебе привалило счастье. Мне с моим ростом об этом и мечтать не приходится.

Дальше он сказал, что в их труппе инкогнито, что значит тайно от всех, скрывается один известный кинооператор. Он ищет героев для своего фильма и, понятно, не хочет, чтобы

Окончание. См. «Огонек» №№ 1, 2.

об этом знали окружающие. Вчера он увидел меня и сказал: «Такого мальчика я ищу уже полгода».

У меня поплыли круги перед глазами. О таком я даже не мечтал. Сразу я представил ребят из нашего класса, как они пошли в кино и увидели меня.

— Что же ты молчишь? — спросил Сима.

— Может, еще ничего не получится.— Я боялся показать свою радость.

— Чудак! Я бы на руках ходил от счастья.

— Я не такой уж красивый. Может, он хорошо не разглядел.

Сима рассмеялся.

— Вот дает! Да не в красоте же дело. Ты нужный тип. Понимаешь, соответствуешь образу. Ему для фильма нужен именно такой, как ты. Скажу по секрету, только не выдавай меня: будешь играть роль юнги. Съемки будут проходить в море на военном корабле.

Я молчал, как пришибленный.

— Ты не волнуйся,— успокаивал Сима,— сначала тебя повезут в Москву. Там часть фильма будет сниматься на фоне высотных зданий. Потом, кажется, Кронштадт, а море — это уже в самом конце. Ты ведь не сразу становишься юнгой. Сначала живешь у злой мачехи, убегаешь из дома, а потом уж встречаешься с одним пенсионером, который направляет тебя на правильный путь.

Сима попросил, чтобы я пока никому ничего не говорил, а в шесть часов приходил в этот дом на пробу.

— Проба — это пробная съемка,— объяснил он мне,— надо узнать, как ты ложишься на пленку. Но ты не сомневайся — лицо у тебя фотогеничное и голос хороший.

Как я ложусь на пленку, фотогеничное лицо — все это окончательно пришибло меня. Я уже не радовался, а тревожился: вдруг не подойду? Сима посоветовал порепетировать стихотворение, а сам убежал, сказав:

— Значит, в шесть. Жду здесь, на этом месте.

Я вышел на улицу. Из всех стихотворений твердо до конца я знал басню «Ворона и Лисица». Но я решил репетировать «Стихи о советском паспорте», хотя знал только начало и конец. Никого не замечая, я шел по улице и с выражением рычал:

«Я волком бы выгрыз бюрократизм.
К мандатам почтения нету.
К любым чертям с матерями катись
Любая бумажка. Но эту...»

— Зачем ругаешься, мальчик? — услыхал я женский голос. Но этот голос донесся до меня с другой планеты, и сам я уже не был в этом мире.

В шесть часов вечера я вошел во двор и постучал в дверь. Послышался громкий голос:

— Да-да! Просим!

Я вошел. Колени мои подогнулись от страха: я сразу увидел на кровати киноаппарат. Та женщина, что утром была во дворе, и другая, обе в одинаковых кружевных блузках, сидели за столом и с интересом глядели на меня. На столе стояли бутылки с вином и тарелки черешни. Рядом с Симой сидел маленький, круглый мужчина.

— Так это ты будущая кинозвезда? — обратился он ко мне и подмигнул девушкам.— Чем же ты нас порадуешь?

Сима подбодрил меня:

— Смелей, малыш, от этой минуты зависит вся твоя судьба.

Я заложил руки за спину. И неожиданно для себя начал:

— «Ворона и Лисица». Басня. Написал Крылов.

«Вороне где-то бог послал
Кусочек сыру...»

Я остановился. Что я делаю? Ведь я собирался читать «Стихи о советском паспорте».

— Ну-ну, так говоришь, бог послал? — спросил оператор.— И как же распорядилась ворона с этим божьим гостинцем?

Женщины в кружевных кофтах захихикали и отвернулись. Я разозлился на себя.

— «Я волком бы выгрыз бюрократизм»,— закричал я, не замечая, что иду прямо на оператора.

— Чудесно, молодец! — сказал оператор и схватил киноаппарат.— Создавай образ волка, который грызет бюрократизм!

Затрещала камера. Я остановился. Дуло киноаппарата загипнотизировало меня.

— Юный артист потерял нить,— сообщил своим друзьям оператор,— сейчас мы ему поможем.

Он налил в стакан вина и подал мне. Я залпом выпил и перестал бояться. Что было потом, я плохо помню. Когда мама открыла дверь, я стоял на столе и под хохот всех изображал юнгу в лодке после кораблекрушения.

Ночью мне стало плохо. Мама хотела бежать за врачом, я умолял: «Не надо!» Они возьмут другого на роль юнги, если я заболею.

Проспал я до обеда. Когда проснулся, увидел маму и два рюкзака на стульях.

— Мы идем дальше, Петя,— сказала мама,— если сможешь, никогда не вспоминай вчерашний день. Эти люди подло пошутили с тобой. Им было скучно, и они развлекались.

Мы покинули станицу. Я шел и думал.

8. ЛЕНЬКА

Двенадцать километров мы прошли без усталости. Станицу увидели на половине пути, показалось, что вот она, совсем рядом, но на самом деле было еще далеко.

— Колхоз здесь большой,— сказала мама,— надо спрашивать Дом приезжих.

Но спрашивать было не у кого. По узкой, поросшей травой улице бродили белые куры, замки висели на дверях домов, в некоторых дворах прохаживались собаки.

— Все на работе,— сказал я,— в деревне на работу выходят с пением петухов.

Мама почему-то рассмеялась.

— А еще что ты знаешь про деревню?

Я еще кое-что знал, но говорить не стал. У мамы бывает такое настроение, когда я ей становлюсь вроде как не сын, а так что-то, отчего ей смешно.

Мы свернули на большую улицу и сразу увидели трех сердитых девчонок в белых косынках. Они стояли у калитки и ругались. Одна из них, толстая, румяная, с длинной, как веревка, косой, кричала громче всех:

— Открой, Ленька, все равно тебе это даром не пройдет!

Из-за веток дерева показалась голова мальчишки. Он заметил нас и подмигнул.

— Спешите познакомиться: ответственная свекла и две репки.

«Ответственной свеклой» была румяная девчонка с длинной косой. Она стукнула по забору пустым ведром и скомандовала:

— Девочки, за мной!

Это был хитрый маневр. Шагов через пять она быстро обернулась, и Ленька только глазами заморгал. Ком земли рассыпался у него на груди.

— Ничего, ничего,— сказал он сам себе, отряхивая рубашку, но в этом «ничего» звучала угроза. Потом он спрыгнул с дерева и пошел в глубь двора.

— Постой, куда ты? — позвала его мама.— Как пройти к Дому приезжих?

— А вы кто такие?

Потом мы узнали, почему он был такой подозрительный. Отец его, шофер, попал в аварию. Мать уехала в райцентр к нему в больницу. А Ленька остался с двухлетним братом Котькой. Уже две недели он был за хозяина в доме.

— Тут каждый день приходят, уговаривают, чтобы отдал Котьку.

— Эти девочки тоже?

— Нет, это тимуровская команда. Убирать приходили. Видали, с ведром пришли?

Девчонка с косой была ответственная за тимуровскую работу. Ленька был зол на нее.

— Пусть к старым бабкам ходят, там они скорей свой план выполнят.

Котька спал. Окно в его комнате было завешано одеялом. Мы расположились в первой комнате, сняли рюкзаки, умылись. Рядом с печкой в старой корзине сидела гусыня. Она смотрела на меня, не отводя взгляда. Ленька достал из печки чугунок с картошкой, принес кислое молоко, накрошил редиску.

— Зачем вам Дом приезжих? Живите здесь. У нас прошлым летом одни жили — муж с женой, тоже вот, как вы, пришли и остались.

Мама сказала, что без его родителей не совсем удобно решать этот вопрос. Ленька махнул рукой.

— У нас с этим вопросом просто. Нравится — живите.

Проснулся Котька. Вышел к нам со штанами в руках и протянул их маме. Мама надела ему штаны. Котька поглядел на нее и сказал:

— Тетка.

Это слово всех нас рассмешило. Котька даже не улыбнулся. Он сам забрался на свой высокий на колесах стул и взял ложку.

— Серьезный мужик,— сказала мама.

После обеда Котька принес шапку-ушанку и вывалил из нее на пол ворох марок. Марки были грязные и липкие и не все настоящие, некоторые вырезаны из журналов. Дома у меня остались марки. Я сказал Леньке, что пришлю их. Он совсем не обрадовался.

— А зачем? Солить их, что ли? Давай лучше письма друг другу писать.

Я согласился. В прошлом году я переписывался с Отто из ГДР. Он писал мне: «Я имею двух сестер, одну мать и одного отца». Переписка наша была скучная. С Ленькой наверняка мы бы писали друг другу что-нибудь другое.

— Скажи, чем там дело кончилось со снежным человеком? — спросил он меня.

Я не стал его разочаровывать.

— Нашли. Привезли в Москву. Сейчас работает лифтером в одном высотном доме.

Ленька рассердился:

— Дураки! Разве можно такого человека в лифтеры? Это же экспонат. Им должна заниматься наука.

Я не смог сдержать смеха. Ленька покосился на меня, понял, что я издеваюсь:

— Городской, да? Думаешь, умней всех?

Мы не успели поссориться.

— Леня, где у вас почта и баня? — спросила мама.

Баня стояла в центре станицы. Мама купила два билета. Один дала мне.

— Вот, Петя, тебе билет. Иди в мужское отделение. Уши не забудь, спину попроси когонибудь, не стесняйся.

В комнате, где раздевались, дед с бородой открывал шкафчики для одежды и выдавал тазы с ручками. Он не знал, что я в первый раз в бане и закричал на меня:

— Чего рот разинул, бери шайку и иди мойся!

Я взял таз и вошел в баню. Густой пар застлал мне глаза, я сначала никак не мог найти себе места. Из двух кранов люди набирали воду, горячую и холодную. Я поставил таз и тоже набрал. Я уже стал различать скамейки и наметил себе глазами местечко у стены. Поставил туда таз и тут вспомнил, что забыл в кармане штанов мыло. Рядом мылся худой, в шрамах мужчина. Я дождался, когда он смоет с головы пену и спросил:

— Можно намылиться вашим мылом?

Он разрешил, и я стал мылить голову. Потом побежал к кранам за чистой водой, и тут мне в оба глаза попало мыло. Таз вывалился у меня из рук, я с закрытыми глазами стал искать его, поскользнулся и упал. Кто-то окатил меня водой, я открыл глаза и узнал своего соседа со шрамами.

— Ты мыться сюда пришел или грязь собирать? — спросил он.

Я сказал, что мыло попало в глаза, а вообще пришел я сюда мыться.

Он налил в таз кипятку, выплеснул его на нашу каменную скамейку и сказал мне:

— Ну, давай с парком.

Пар окутал нас облаком. Мужчина взял в руки веник и стал хлестать меня со всех сторон. Я испугался, мне вдруг показалось, что он из какой-то религиозной секты, но веселый голос его успокоил:

— Что, хорошо?!

Потом он еще вылил кипятку на скамейку и протянул веник мне. Я не мог стегать по-настоящему. Шрамы у него были широкие, красные, и я боялся, что ему будет больно.

— Не стесняйся, лупи! — просил он, а я стеснялся, верней, не мог.

Потом он вылил на себя таз ледяной воды и пошел одеваться. В предбаннике я потерял его. Дед с бородой сказал, что я принес шайку без номера и отправил меня обратно. Пока я искал свой таз, мой знакомый с веником успел уйти.

Мама, увидев меня, сказала, что я сияю, как медный самовар. Она тоже была сияющая и распаренная. Мы выпили по кружке хлебного кваса и решили посидеть в тени на скамейке, чтобы из нас выветрился банный дух.

Вечером мама сказала Леньке:

— А мы, пожалуй, поживем у тебя дня три. Хозяин ты хороший, но младший брат — это штука нелегкая. Тебе и погулять некогда.

Она растопила печку, выкупала Котьку и стала стирать его штаны и рубашки. Мы с Ленькой вышли во двор.

— Есть одно дело,— сказал мне Ленька,— только не знаю, сгодишься ли ты для него.

Я обиделся:

— Не сгожусь, так и нечего начинать.

Ленька стал пристально глядеть мне в глаза, я не сморгнул.

— Только это надо ночью. Не убоишься?

— Не убоюсь.

«Дело» мне не понравилось, я сразу почувствовал, что ничего хорошего из него не выйдет. Одним словом, Ленька решил отомстить. Отомстить «Ответственной свекле» за тот ком земли, которым она его днем угостила.

— Она спит во дворе,— шептал мне Ленька.— Одеяло приспособила между деревьями, вроде гамака. А мы, как подползем, как кульнем вниз головой!

Ленька развеселился. А я представил себе, как спит девчонка на свежем воздухе, сон ей какой-нибудь снится и вдруг летит на землю. Поднимает, конечно, крик, выбегают родители, остальное представлять неохота: все ясно. Одна была надежда, что Ленька проспит.

Мы легли с ним на одной кровати в сенях, и я долго не мог уснуть. Только задремал, а тут Ленька в ухо подул:

— Вставай, пора.

Я поднялся и подумал, что, уходя, можно громко хлопнуть дверью. Мама спит чутко и остановит нас. Но это было бы предательством.

Мы вышли в черную ночь.

— Ты чего молчишь? — спросил Ленька.

Я ответил:

— Может, зря мы с этой «свеклой» связываемся? Упадет, заорет, а мы что?

— А мы утекем,— беззаботно разъяснил Ленька,— только ты за мной не беги, а то я подумаю, что это «свеклин» брат гонится.

Ленька меня окончательно пришиб.

— Так у нее брат есть?

— Володька. В девятый перешел.

У меня даже живот заболел после этих слов.

— Что ж ты сразу про брата не сказал?

Ленька тихонько свистнул.

— У нее целых три брата.— Потом помолчал и добавил: — Ты, когда убегать будешь, огородом не беги. Там у них колодец роют, еще завалишься.

Я шел уже, как мешок с сеном. Лови меня, бей, я ничего не почувствую. Ленька тихонько открыл калитку, взял меня за руку и повел во внутрь двора. Мы молчали. Черная, похожая на кашалота туша висела между двумя деревьями.

— Она,— шепнул Ленька,— закрылась, чтоб комары не кусали. Надо заходить с одной стороны... и вверх. Понял?

Мы зашли с одной стороны и попробовали поднять вверх. Внутри заворочалось, и Ленька приказал мне:

— А ну давай!

«Свекла» плюхнулась в траву вместе с одеялом и подушкой. Она не закричала, и я растерялся. Я приготовился бежать, когда будет крик. Но вместо этого я услыхал злой, сиплый голос Леньки:

— Пусти... пусти, говорят, пусти, зараза!

Дальше все случилось, как в кино. Девчонка схватила Леньку за ногу, бросила ему на

спину подушку и уселась на нем, как на диване. Шума не было. Я услышал шепот:

— Сколько ему?

Я понятия не имел, о чем она спрашивает и машинально ответил:

— Десять.

И тут она стала считать и щелкать по Ленькиному затылку.

— Раз, два, три, четыре...

Каждый щелчок отдавался в моем сердце.

Когда мы подходили к Ленькиному дому, он сказал:

— Ничего себе друг, десять штук назначил.— И потер ладонью затылок.

Он уже злился на меня, как будто это я его щелкал. Это было несправедливо.

— Конечно, ничего у тебя друг,— сказал я,— мог бы и сто назначить. Соображай.

Утром мама заметила наши кислые лица.

— Поссорились?

Мы оба заверили, что ничего такого не случилось. Через час как ни в чем не бывало к Леньке в дом пришла «Ответственная свекла».

— Здравствуйте,—сказала она маме,— можно с вами по секрету поговорить?

Мы с Ленькой побледнели: вот нахалка, прямо так, на глазах пришла ябедничать.

— Если по секрету,— сказала мама, улыбаясь девчонке,— то попрошу мужчин удалиться.

Мы с Ленькой вышли во двор.

— Как ее зовут? — спросил я.

— Надя.

Я решил держаться изо всех сил.

— Скажи, пожалуйста, а речка у вас тут есть?

— Есть.

— Пойдем искупаемся.

— Пойдем.

Но мы никуда не двинулись, пока мимо нас, отвернув голову, не прошла Надя.

— Сиди здесь. Я сейчас выясню обстановку,— сказал я Леньке и вошел в дом.

Лицо мамы удивило меня. Она стояла возле окна и то улыбалась, то хмурилась и совсем не видела меня.

— Нашла из-за чего расстраиваться,—независимым голосом сказал я,— если кто и пострадал, так это Ленька. Видела бы, как она его щелкала по затылку.

Мама меня не слышала. Она взяла рюкзак, достала оттуда мои парадные вельветовые шорты и чистую рубашку.

— Надо погладить,— сказала она,— ты не знаешь, где утюг?

— Что с тобой,— крикнул я,— зачем ты мне все это вытащила?

Мама подошла ко мне.

— Петя, с кем ты вчера познакомился в бане?

— Не знаю. Он меня веником молотил. Весь в шрамах, худой такой.

Мама улыбнулась.

— Петя, это был Павлик.

— Что?! Тот самый? Наш Павлик?!.

— Тот самый...

— Ура! — крикнул я.— Что же мы стоим, надо сейчас же идти к нему!

— Мы пойдем, сейчас я поглажу все, и мы пойдем.

Она гладила мою рубашку и очень волновалась и, когда мы шли по улице, тоже волновалась.

— Петя, ты не говори Леньке все, что знаешь о Павлике. Скажи, что он просто наш знакомый. Он председатель колхоза, а в деревне одному сказал — и все знают. Могут и неправильно истолковать. Ты меня понял?

— Понял. Я и папе, если хочешь, ничего не скажу.

Мама остановилась и посмотрела на меня с сожалением.

— Ох, Петька, маленький ты еще у меня! Папе мы обязательно все расскажем.

Мы подошли к белому домику в конце улицы. Красивая полная женщина в синем платье с белыми бусами открыла нам калитку, на крыльце в белой рубашке, с папиросой в руке сидел Павлик. Он поднялся и пошел нам навстречу. Все вместе мы вошли в дом. Там за накрытым столом сидели люди.

— Вот так я живу,— сказал Павлик, когда все поздоровались и познакомились.

— Хорошо живешь,— сказала мама,— я рада за тебя.

— А теперь, гости дорогие,— сказала женщина в синем платье с бусами — попрошу всех посидеть у нас в саду. Погода хорошая, солнышко светит, а Паша с Леной двадцать лет не виделись, есть им о чем порассказать друг другу. А потом уж и мы их беседу послушаем.— Она взяла меня за руку и первая вышла из комнаты. В саду меня обступили гости.

— Ты в кого же пошел, в мать или в батьку? — спросила одна старушка.

— Глазки у него мамынькины,— сказала другая старушка,— а бровки вроде батькины.

Я не знал, что отвечать. Выручила меня жена Павлика — женщина в синем платье с белыми бусами.

— Компании тебе тут подходящей нет,— сказала она,— наш Славка с дедом на рыбалку умахнули, через три дня вернутся.

— А сколько Славке лет?

— Двенадцать.

— И мне двенадцать.

— Вчера Паша из бани пришел и говорит: «Показалось мне, Оля, что я Лену с сыном видел. Вроде бы они». Ну, мы и давай вас разыскивать.

Гости удивлялись, разглядывали меня, старушки просили:

— Ну, расскажи нам что-нибудь, милок, расскажи.

Я рассказал им, как мы с мамой решили пешком дойти до ее станицы, как шли и заблудились, как ночевали у Ивана Макаровича.

— Вы у нас тут уж погостите как следует, отдохните,— сказала жена Павлика,— знать бы, куда это Славка с дедом подались, я бы уж не поленилась, разыскала их. Но ничего, вернутся, повидаете еще друг дружку.

Потом все гости и я перебрались в дом и уселись за стол. Павлик всем налил вина и потребовал, чтобы мама сказала тост. И мама сказала:

— У каждого человека есть место на земле, где он родился. И у каждого человека в жизни есть люди, которых он называет друзьями. Выпьем за то, чтобы человек хотя бы раз в жизни приходил поклониться родным местам и никогда не забывал старых друзей.

Когда веселье было в самом разгаре, пришел парень с баяном, и начались песни. Пели про войну. Как вьется в тесной печурке огонь и до смерти четыре шага и про девушку, которая провожала на позицию своего жениха. Мама заплакала, и жена Павлика тоже.

— Это не простые песни,— сказал мне Павлик,— это наша молодость. Давай, старина, выпьем, чтобы в твоей молодости были другие песни.

Я покосился на маму, она пела и ничего не видела. Я выпил.

Провожали нас всей гурьбой, с баяном, до самого Ленькиного дома.

— Завтра утром на «Волге» поедем посмотрим наше колхозное хозяйство,— сказал мне Павлик,— может, и Славку с дедом разыщем.

Но утром мы никуда не поехали. Мама поднялась чуть свет, разбудила меня, и мы стали укладывать рюкзаки. Леньку мы будить не стали, а оставили ему записку: «Ты хороший человек, Ленька, и спасибо тебе за все. Нам пора, пока солнце еще не поднялось и нет жары. Помирись с Надей и жди от нас письма».

...Мы шли и думали каждый о своем. Я знал, что не надо говорить с мамой о Павлике. От наших шагов на дороге поднималась пыль, мы шли босиком и чувствовали, какая нагретая, почти горячая под нашими ногами земля. С двух сторон росла пшеница. Колосья свесили свои усатые головы, и казалось, что это не кузнечики стрекочут, а колосья что-то стараются рассказать нам. Я прислушался и разобрал: «Пить-пить-пить-пить».

— Мама,— позвал я,— по-моему, нужен дождь. Смотри, как повесили головы колосья.

Мама сбросила рюкзак, села на него и посадила меня рядом с собой.

— Давай отдохнем. Ты что-то увял, мой Робинзон, и разжаловал меня из начальника маршрута в маму. А пшенице дождя не надо, через недельку ее уже убирать начнут.

— Ты идешь, молчишь... Начальник маршрута должен быть веселым, а ты молчишь.

— Я думала, правильно или неправильно мы сделали, что ушли так рано. И решила: правильно. А ты?

— Я тоже так думаю. Нам нельзя было позже, мы же сами написали Леньке: «Пока солнце еще не поднялось».

КОМСО

К 70-летию со дня рождения А. Безыменского

Я буду сед, но — комсомольцем
Останусь, юный,
Навсегда!
А. Безыменский.

В 1920 году в Белоруссии, в Витебске, я впервые прочел книжку поэта Александра Безыменского «Октябрьские зори». Это была первая его книга. Стихи были романтические, боевые, о мировой революции, о

НУЖН

«Я еще с детства от своих родичей много слышал о прошлом забайкальского казачества»,— писал в своей автобиографии Константин Федорович Седых.

Он родился 21 (8) января 1908 года в поселке Поперечный Зерентуй, ныне Читинской области. Отец его — из переселенцев на Нерчинские заводы, мать — из семьи пугачевца, сосланного на каторгу. И, может, не только поэтический вымысел в стихотворении Седых «Прадед»:

Он не добром ушел в Сибирь,
Махнув платком полям Рязани,
За девку с карими глазами
В глухую ночь впилась рука
В цыплячье горло барчука.

Литературную деятельность Константин Федорович начал как поэт. «Первое мое стихотворение, называвшееся «Весна», я написал в десятилетнем воз-

СМОЛЬСКИЙ ЗАПЕВАЛА

космических далях, о том, как «хорошо напиться из ковша Медведицы, иль ковром турецким выстлать Млечный Путь». Они волновали молодежь, они открывали новые горизонты в дни, занятые суровыми земными делами: организацией комсомольских ячеек, подавлением кулацких восстаний, ликвидацией неграмотности...

В следующем году я приехал на учебу в Москву. Пришел в Отдел печати ЦК комсомола, показал последние номера витебского «Молодого горна». Мне сказали, что я явился кстати. Пора выпускать очередной номер газеты «Красная молодежь», изрядно запоздавший.

— Найди ты поэта Безыменского. Ему это дело поручено.

После недолгих поисков я увидел на широком подоконнике в коридоре сутуловатого юношу с густой гривой волос.

— Товарищ,— спросил я в упор,— ты Безыменский?

Он не отпирался. Так началось наше знакомство. Вечером мы долго сидели в холодной комнате Отдела печати и намечали план очередного номера газеты «Красная молодежь», посвященного борьбе с голодом в Поволжье.

А потом была создана литературная группа «Молодая гвардия». Молодые писатели, пришедшие с фронтов гражданской войны, с заводов, рабфаков, из сельских ячеек, полемизировали с книгами Бориса Пильняка и космизмом «Кузницы». Знаменами нашими были «Чапаев», «Неделя», потом «Железный поток», несколько позже — «Разгром». Выражая чувства наши и мысли, Саша Безыменский возглашал, обращаясь к поэтам «Кузницы»:

Хорошо планеты
перекидывать, как комья!
Электропоэмами космос
воспеть.
А вот сумейте
в каком-нибудь
предгублескоме
Зарю грядущего
разглядеть!

Старшие наши товарищи — Фурманов, Либединский, Фадеев — писали о гражданской войне. Но жизнь молодежи, богатая событиями борьбы комсомольцев в деревне и в городе, была еще «неоткрытой Америкой».

И здесь первое слово сказал Безыменский. Один из организаторов Союза молодежи, член партии с 1916 года, участник Октябрьской революции, гражданской войны, делегат и Первого и Третьего (исторического, на котором выступал Ленин) съездов комсомола, он стал нашим правофланговым.

Уже в первую годовщину Октября на демонстрации в городе Владимире пели сочиненную им «Юношескую марсельезу». Молодежь всего мира, комсомольцы всех поколений пели и поют на всех языках созданный Безыменским никогда не увядающий комсомольский гимн «Вперед, заре навстречу, товарищи в борьбе!».

На Первом съезде комсомола написал он свою поэтическую присягу, верность которой неизменно хранит поэт: «В великой схватке мировой я знаменосец твой». И кто из комсомольцев нашего поколения не знает наизусть таких программных стихов Безыменского, как «О валенках» и «О шапке»!

Только тот наших дней
не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Безыменский-правдист — активный участник боев наших трудовых пятилеток, на передовых позициях социалистических строек. Многие годы связан он с Днепростроем и Днепрогэсом. Поэма «Трагедийная ночь», начатая в тридцатые и законченная в наши годы,— поистине памятник великой стройке на Днепре, ее творцам и созидателям.

Участник боевой правдистской бригады на Сталинградском тракторном заводе, Безыменский выступает во всех многообразных жанрах своего творчества. И героика, и лирика, и острая сатира.

Великая Отечественная война. Безыменский на линии огня. Он вместе с воинами. Стихи его насыщены высоким пафосом борьбы. И опять многоцветна его палитра. Он пишет о героических подвигах, о мыслях, чувствах, переживаниях советских людей, борющихся за свою Родину. Беспощадной сатирой разит он врагов.

Всю войну Безыменский провел на фронте. И орден боевого Красного Знамени был заслуженной наградой старому комсомольскому запевале.

В его стихах всегда большое место находила тема интернациональной солидарности. Еще в годы испанской войны написал он поэму «Простые вещи», в которой призывал помочь испанским братьям. Поэт живет напряженной жизнью своего народа, всей планеты. Интернациональная тема возникает и в «Поэме дня», являющейся своеобразной эстетической его программой...

На книге, подаренной мне в день своего пятидесятилетия, Саша Безыменский сделал стихотворную надпись. Думаю, что он не посетует на меня, если я приведу здесь эти неопубликованные его стихи.

Всю жизнь мы
посвятили ей —
Великой Партии своей.
Мы ей служили нашим
словом
И делом творческим своим,—
И первородства боевого
Мы никому не отдадим!..

Александр ИСБАХ

ЮЕ СЛОВО

расте, когда еще учился в поселковой школе. Помню, что описывал я в нем красоту забайкальской природы»,— вспоминал Константин Федорович. В 1933 году вышла его первая книга стихов — «Забайкалье». Темы их были очень разные: и о тяжелом прошлом родного края и о его настоящем — радостном и волнующем. Стихи были боевые, наступательные, полные оптимизма и молодого задора.

У Седых выходило много поэтических сборников и даже большая поэма «Сибиряк Анатолий Серов». Но «стихов после 1948 года я не писал»,— говорится в одном из его писем.

Еще со школьных времен Седых сотрудничает в различных газетах. Выступает с очерками, репортажами, фельетонами. Много ездит по Забайкалью. Во время Великой Отечественной войны работает в армейских газетах. Пишет очерки «Иркутяне на фронте» и стихи «Первая любовь».

В 1948 году вышел его роман-эпопея «Даурия», удостоенный Государственной премии.

Четырнадцать лет, если считать сбор материала, то и все двадцать, работал писатель над своим произведением. Этот роман — широкий, многогранный показ жизни забайкальского казачества. Седых любит свой край и знает его досконально. Знает его историю. При описании тюрем и каторги он пользуется подлинными историческими документами. Знает народ, знает песни и сказы его; в романе много вставных новелл, отступлений. Знает его природу — леса, поля и реки... Все его прежние очерки, рассказы, стихи как бы послужили материалом для романа.

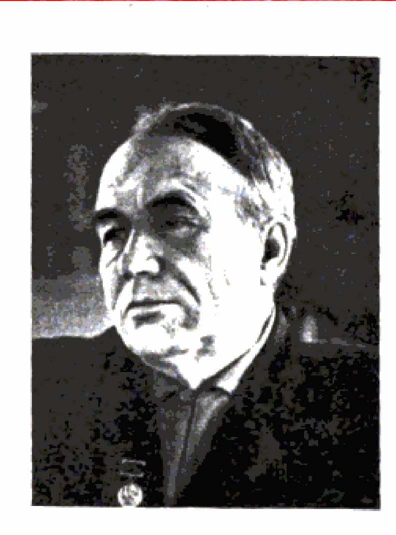
Даурия — древнее название юго-восточной части Забайкалья. Казацкая семья Улыбиных, три ее поколения,— главные герои романа.

В 1957 году Седых закончил первые две части романа «Отчий край», тематически продолжающего «Даурию». В нем изображаются события последних лет гражданской войны. Многие герои «Даурии» перешли и в этот роман. Но есть и новые персонажи: большевики Блюхер и Постышев, народный герой Монголии Сухэ-Батор.

Константину Федоровичу исполняется шестьдесят лет. Он живет в Иркутске и по-прежнему занимается историей своего родного края — Забайкалья. Переводит бурятских прозаиков и поэтов, работает в журналах, пишет очерки о своих земляках — героях революции.

Его роман о Даурии любят и знают миллионы людей у нас и за рубежом. Читатели ждут от К. Седых новых книг о полюбившихся героях.

Н. БАТОВ

ТАЛАНТ С ГОДАМИ НЕ СТАРЕЕТ

60 лет Павлу Нилину. Почти столько могло быть Веньке Малышеву — неустрашимому «сотруднику угрозыска» из «Жестокости» — останься он жив. Но бывает, что жизнь окончена, а судьба продолжается, как продолжена она в последующих романах и повестях, в жизненном пути самого автора, наделенного острой писательской зоркостью.

«Старый каменщик, сложивший за свою жизнь не один десяток домов, он считал, что настоящую специальность приобретают на протяжении всей жизни»,— писал Нилин в одном из лучших своих рассказов «Супруги Полыхаевы». В годы трудной юности страны начал приобретать специальность писателя сибиряк Павел Нилин. В шахтах Донбасса и Кузбасса, в Сибири и на волжских берегах он пишет очерки о людях обыкновенных — героях первых пятилеток, пишет остроумные, резкие в своей прямоте статьи и фельетоны.

В 1936 году опубликован первый роман П. Нилина, «Человек идет в гору», вскоре вышел фильм «Большая жизнь» по этому роману, за который Павел Нилин был награжден Государственной премией.

Произведения П. Нилина переведены на языки многих стран мира.

Недавно я побывала у Павла Филипповича дома. Ожидала увидеть пожилого, умиротворенного, спокойно философствующего с высот созданного писателя, а встретил меня человек, которому смертельно некогда заниматься мелочами — в его голове кипят планы повестей лучших, чем написаны; жизнерадостный, крепкий, он и думать забыл о своем солидном юбилее: писать, писать больше и лучше — единственное, что наполняет каждый день и час его жизни.

— Сейчас я пишу сразу много вещей, скоро часть их будет опубликована — все это рассказы и повести, связанные с нравственными проблемами нашего общества, и в какой-то степени продолжают цикл «Подробности жизни», в который входят повести «Жестокость» и «Испытательный срок». Лучшие рассказы принесу в «Огонек».

Почему в «Огонек»? В этом нет ничего удивительного: Павел Нилин стал огоньковцем еще в грозном 41-м.

— Я хочу написать больше, чем уже создано мной,— продолжает писатель,— возраст не позволит уже ошибаться, надо подводить зрелые итоги, делать заключения, выводы. Посмотришь свои первые работы — хочется все перекроить, переписать, а иногда поражает сочность, определенность мысли, кажется, лучше иного абзаца и написать трудно.

— Что я считаю самым значительным в написанном?— переспрашивает он.— Самое лучшее и значительное еще, несомненно, в моей автоматической ручке,— смеется Павел Филиппович,— а целиком мне не нравится ни одно из моих произведений, есть только хорошие части, строки.

Придирчив к себе Нилин. И строгость к жизни, к творчеству щедро оплачена признательностью читателей.

В. КРАМОВА

ДЕКАБРЬ

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Плачущая лапша

(Токио)

Ночью под модной крышей,
где помещен отель,
я сквозь окно услышал
плачущую свирель.

Было ее звучанье
в яркости голубой
словно бы обещанье,
связанное с мольбой.

С вышки многоэтажной —
нету важнее дел! —
через заслон бумажный
я ее разглядел.

Двигаясь с явным толком
в блеске ночных теней,
медленно шла двуколка
ниже ночных огней.

В темной какой-то робе
сгорбленный старичок
шел меж ее оглобель,
словно бы ишачок.

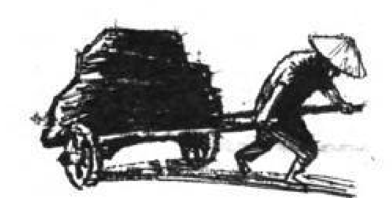
И, украшая дело,
словно луга — апрель,
с жалким призывом пела
нищенская свирель.

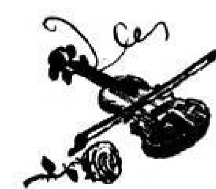
Город оповещая,
ехала не спеша,
знающих обольщая,
плачущая лапша.

Люди рабочей смены,
дружный ночной отряд,
севши вокруг, степенно
эту лапшу едят.

Мне до нее не близко,
но по всему видать:
вкусно ее из миски
палочками хлебать.

Скучно мне на банкетах,
муторно для души.
Вот похлебать бы этой
запросто здесь лапши.

Цыганская рапсодия

Нет в песне цыганского склада,
романса не выкроишь тут.
Давно уж вблизи от Белграда
оседло цыгане живут.

По ранней росе, спозаранку,
давно уже из году в год
цыгане идут и цыганки
работать на местный завод.

И весело, словно галчата,
с утра и до ночи подряд
на задних дворах цыганята,
как им подобает, галдят.

В фуражках, украшенных кантом,
под гул канонады вдали
с железным крестом оккупанты
сюда из Берлина пришли.

И сразу же, словно в России,
притихнул рабочий народ,
умолкли гудки заводские,
зато застучал пулемет.

Не кормят ни мамка, ни тато
похлебкой хорватской земли.
Собравшись гуртом, цыганята
работать на площадь пошли.

С утра и до вечера четко,
с веселым отчаяньем там
летают их черные щетки
по кожаным тем сапогам.

Работа идет без помарки,
как будто «Цыган» черновик.
И падают мятые марки
в ладони проворные их.

Когда над гестаповской крышей
небесные звезды блестят,
застукали тех ребятишек,
отчаянных тех цыганят.

И сразу же их под конвоем,
все выполнив в заданный срок,
уже обреченной толпою
в недальний погнали лесок.

Какие тут слухи и речи?
Закрыт по-могильному рот.
Зато деловито навстречу
уже застучал пулемет.

Идя на предсмертную муку
на плац счетверенный огня,
своим удивительным стуком
ответила вдруг ребятня.

На смертном рассвете туманном
у всех сыновей и внучат
по ящичкам их деревянным
сапожные щетки стучат.

Над Сербией непокоренной,
над сонмом мятущихся душ
звучит этот марш похоронный,
как словно бы праздничный туш:

«Эх, загулял, загулял, загулял
парень молодой, молодой,
молодой,
в красной рубашоночке,
хорошенький такой».

Набитые спесью и жиром,
от стен заводских невдали,
не дрогнули те конвоиры
и фюрер немецкой земли.

Сработано намертво дело,
рыдает наутро семья.
Не бодрым стишком,
а расстрелом
кончается песня моя.

Ночь в переулке

Как в сказочной шкатулке
похожий на ханжу,
в токийском переулке
томительно хожу.

Сначала по закону
не видно здесь ни зги —
лишь трубочки неона
да синие круги.

...Таким же самым духом
насыщена до слез
горбатая старуха
с торговлишкой вразнос:

как ноева семейка,
воркуют и гремят
лягушечки, и змейки,
и мордочки тигрят.

Японские иены
и русский аппетит.
Как жирная гиена,
старушечка глядит.

Сдержаться не умею.
На гибель на свою,
заранее бледнея,
я в руки взял змею.

Исчерпан и исперчен
торговый интерес:
змея из гуттаперчи,
да я-то из телес.

Для оргии дальнейшей
негоден мой талант:
опасны эти гейши
и страшен хиромант.

Он красный весь и синий,
на грани бытия.
Ведь в сонме этих линий
есть линия моя.

Сейчас я все узнаю
сквозь сказочную тьму.
Но все же не гадаю,
наверно, понимая,
что это ни к чему.

Чистка башмаков

К жизни я стал поближе,
вроде накоротке,
пусть не в самом Париже —
в маленьком городке.

Невдалеке от рынка,
там, где жаровен чад,
чистят вовсю ботинки
и во весь дух честят.

Я наконец на троне,
ясновельможный, злой,
пусть себе не в короне —
в кепочке набивной.

И от меня налево,
в думы погружена,
словно бы королева,
села моя жена.

Чистильщик и девица,
как Люцифер и Джин.
Возле их глаз сторицей
блещется и блестится
вакса и гуталин.

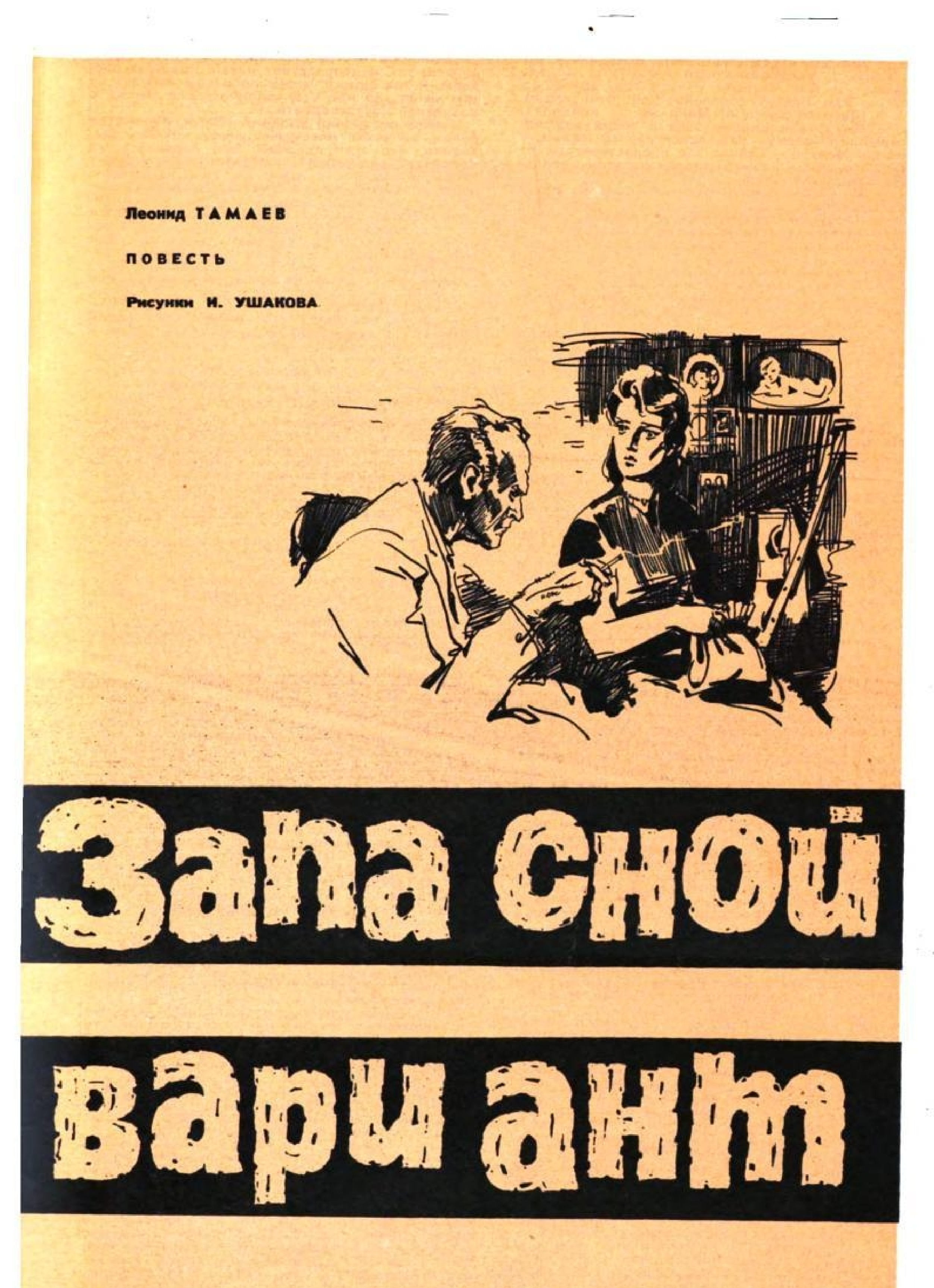
Сам по своей охоте
(как бы точней сказать?)
я о такой работе —
бархате и лохмотьях —
вовсе не стал мечтать.

Впрочем, весьма умело
десять часов подряд
делают люди дело
да и довольно смело
вдоволь еще острят.

«По боку рознь и смуту!
Мы этот трон вернем!»
Побыл и я минуту
Франции королем.

И уж на самом деле
в городе до зари
вовсе и не горели
улочек фонари.

В сказочно-милом стиле
в небе и вдоль реки
всюду одни светили
туфли и башмаки.

Леонид ТАМАЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. УШАКОВА

Запасной вариант

15.

Капли дождя, дробясь о подоконник, брызгали на голое плечо Игоря. Но он ничего не чувствовал. Он целиком ушел в свои записи в тетради, которую держал на коленях. Это был забытый в последние месяцы дневник.

Дождь, дождь... Сама жизнь казалась ему пасмурной, как нынешнее утро. За эти двое суток он даже стал как-то привыкать к мысли о неотвратимости того страшного, что должно с ним случиться. Поэтому теперь его больше занимало другое: степень возмездия, которое суждено нести. Если судьба ему улыбнется, он может рассчитывать на снисхождение. Если же не улыбнется...

Нет, лучше не гадать на кофейной гуще. Лучше за эти оставшиеся часы привести в порядок свои бумаги: выбросить, сжечь все, что может осложнить его положение.

Собственно, для того он и отпросился вчера с работы пораньше. И как только Иван Сердюк на своем грузовике привез его домой,— сразу же полез в нишу над входной дверью в прихожей. Там он отыскал связку перевязанных шпагатом толстых тетрадей, притащил в свою комнату. Потом сказал матери, что болит голова, и заперся на ключ. Но мать ему помешала: принесла аспирин и пирамидон, заставила лечь в постель. Пришлось подчиниться, чтобы оставила в покое. Но лежа даже удобнее и читать и, где нужно, вырывать из дневника листы, складывая их в тумбочку.

Этим делом он занимался до полуночи. И теперь, проснувшись на заре, не вставая, снова читал. Как раз пошли записи об Ирине — наспех, карандашом, который он нащупывал нетерпеливо на подоконнике, освещенном луной, после их свиданий.

«...Неожиданная встреча в парке! Приехала в Ченск. (Зачем приехала — без мужа,— я так и не понял.) Но дело не в этом. Увидев меня, она сказала всего два слова. «Здравствуй, Игорь...» Но как сказала! Придя домой, я достал спрятанную в чемодане ее фотографию, поставил перед собой на тумбочку и смотрел, смотрел...»

«...После концерта ждал Ирину. Простоял у столба 26 минут. И вот она вышла из переулка. Шагает ко мне, стуча каблучками, подняв голову. Гуляли по парку под луной, говорили о разных пустяках. А говорить-то мне и не хотелось. Хотелось просто смотреть на нее».

«...Сегодня, когда я уходил на работу, мать вдруг спросила:

— Игорь, а что у тебя с Ириной?

Я сразу не нашелся, что ответить. Потом сказал:

— Я люблю ее.

Мать осуждающе посмотрела на меня.

— Она замужняя женщина.

Тогда я повторил:

— Я люблю ее... Мы поженимся...»

«...Да, мы решили пожениться. Это решение было твердым, по крайней мере с моей стороны... И вдруг записка, принесенная соседским мальчишкой в день ее внезапного отъезда с мужем из Ченска: «Мы должны разлучиться... Возможно, я не права. Но по-другому не могу: оставить мужа в трудную для него минуту было бы подлостью».

«Я не выдержал. Когда до отхода ее поезда оставалось пятнадцать минут, я бегом побежал на вокзал... Вот где мне пригодилось знакомство с проходными дворами Заречной стороны! Благодаря этому я сумел сократить расстояние вдвое. Но тут, на площади, случилось непредвиденное: поскользнувшись на мокрой мостовой, я упал и угодил под автомашину. Рубчатые, пахнущие жженой резиной колеса проехали по моей правой ладони».

Чтение прервал тихий стук в дверь. В комнату вошла мать с хозяйственной сумкой в руке.

— Почему ты не завтракал?.. Или совсем разболелся?

— Нет, я здоров,— сказал он, пряча в тумбочку дневник.

— Здоров?..— Мать удивленно посмотрела на него.— Почему же тогда не на работе?

Игорь встал, молча начал одеваться. Мать снова спросила, что с ним. Но Игорь, сосредоточенно распутывая шнурок на ботинке, опять ничего не сказал.

Мать не стала больше расспрашивать. Она только обвела пристальным взглядом маленькую комнату сына, словно надеясь найти разгадку непонятного его поведения. И пошла на кухню.

Завтракали они по обыкновению молча. Но необычным было само молчание: Игорь все время чувствовал на себе изучающий взгляд матери. И ждал ее вопроса. В третий раз. После этого уже нельзя будет отмалчиваться, придется все рассказать... И он, торопливо допивая чай, внутренне готовился к неприятному разговору, обдумывая, как лучше все это преподнести матери, чтобы меньше расстраивать ее...

Но мать так ни о чем и не спросила. Она стала убирать со стола, мыть посуду. Потом ей понадобилась вода, а в ведрах, прикрытых фанерными кружками, было пусто.

— Давай я схожу,— сказал Игорь и усмехнулся: — Может, в последний раз...

Когда он возвратился, мать с нескрываемым беспокойством спросила:

— Что с тобой, Игорь?

— Суши, мама, сухари.— Он хотел отшутиться. Но шутка вышла невеселая.— Меня вызывают в КГБ...

Мать тяжело опустилась на стул, положила руку на сердце.

— Зачем?

— Для задушевных бесед туда не приглашают...

Лицо матери сделалось желтым, как воск.

Игорь вдруг сник, присел на валик дивана. Но тут же спохватился. Словно устыдившись своего минутного малодушия, бодро поднялся, засунув руки в карманы, с бесшабашной усмешкой сказал:

— Вот так, наверное, и отца: вызвали... пошел... и больше не вернулся...

Мать строго посмотрела на него.

— Не кощунствуй! Этим не шутят.— Помолчав, добавила: — Отца взяли ночью.

16.

Маясов отвел взгляд от окна, повторил свой вопрос.

Потирая ладони, Савелов отвечал как-то скороговоркой, с дерзкой усмешкой:

— По-моему, я вам русским языком сказал: деньги мне были нужны, поэтому я и пошел к Сашке...

— Кто он, этот Сашка?

— Будто не знаете? Ну, хорошо, могу напомнить: Александр Витальевич Ласточкин, из семьи советских интеллигентов, холост, жениться пока не собирается, проходит режиссерскую практику в Ченском доме культуры, проживает на Большой Болотной улице, дом нумер тридцать три, квартира нумер четыре... Этого достаточно?

— Вполне,— тихо сказал Маясов.

Ему было неприятно и в то же время немножко смешно видеть кривлянье юнца, умышленно не желавшего разговаривать в предложенном ему доброжелательном тоне. Маясов понимал, что амбиция Савелова дутая, что он прикрывает ею растерянность и, может быть, страх. И поэтому, не выдавая своего раздражения, продолжал невозмутимо задавать вопрос за вопросом, стараясь втянуть его в разговор по душам.

— Ну, а дальше?..

— Ах, дальше? — Савелов опять усмехнулся.— Извольте. Когда я пришел к Ласточкину, его не оказалось дома. Я спустился во двор, раздумывая, где бы мне достать денег. И тут на крыльцо вышел этот самый парикмахер Никольчук...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

— И что же было потом?

— Никольчук сказал, что неплохо бы рвануть на рыбалку, да лодки нет. А я ему говорю: лодка и вся снасть будут, если подбросите мне энную сумму взаймы: горю, как швед...

Маясов с минуту молчаливо походил по кабинету и вдруг спросил:

— Каким карандашом вы делали наброски, когда рыбачили с Никольчуком?

— Что? — Савелов настороженно сузил глаза.— Разве это имеет отношение к делу?

— Просто интересуюсь, потому что сам этим балуюсь.

— Рисуете или пишете красками?

— В основном пишу маслом.

— А меня больше тянет к акварели.

Игорь достал из кармана сигареты. Сигареты были дешевые. От предложенных еще в начале разговора хороших, в целлофановой пачке демонстративно отказался: «Не на такого напали!» Все эти криминалистические фигли-мигли ему известны: читал о них не раз. Угостят пахучей папиросочкой, погладят по шерстке, расслабят твой мозг и нервы, а потом внезапно — бац, какой-нибудь коварный вопрос... Дудки! Он не дастся, чтобы его закилевали, он постоит за себя...

— Так, значит, больше увлекаетесь акварелью? — спросил Маясов после недолгой паузы.— По-моему, акварелью трудней работать.

Он подошел к книжному шкафу, достал дешевенький картонный альбом, подал Савелову.

Игорь сперва рассматривал рисунки небрежно, не задерживая ни на одном из них взгляда. И только где-то в середине альбома остановился. Прижмурив глаза, долго всматривался в один этюд. Потом недоверчиво спросил:

— Сами делали?

— Зачем бы я стал чужое показывать?

— Кто вас знает...— Савелов пожал плечами.— Искусство — и ваша служба... В общем, не знаю... А у меня вот...

Он немного помолчал и вдруг заговорил возбужденно. Но не об акварелях Маясова. А о себе, о своих картинах и этюдах — о их слабом месте: непроработанности рисунка. Он понял это, к сожалению, слишком поздно: после второго провала на экзаменах. Несмотря на то, что по живописи и по композиции он получил четверки, слабость рисунка сказалась на итоговом балле. В результате он засыпался... Правда, не исключено, что, кроме этой, была и другая причина...

— Это какая же? — спросил Маясов.

Савелов ответил не сразу. Он заглянул в пачку и смял ее в кулаке: сигарет больше не было. Маясов подвинул ему свои. Закурив, Игорь начал издалека:

— Отца своего я не помню. Его арестовали в тридцать девятом году, вскоре после моего рождения. Но я помню другое... Как от нас отвернулись знакомые, даже те, которых мать и отец до этого считали самыми близкими. Они обходили наш дом, будто там жили прокаженные. Остались два-три человека. Но и эти старались никогда не говорить об отце, по крайней мере при мне. И настоящую правду о нем я узнал только в пятьдесят четвертом году...

Савелов говорил долго, взволнованно, почти без пауз, как бы на одном дыхании. Маясов не перебивал его, хотя временами ему хотелось остановить парня, показать, где он путается, хватает через край.

Когда Игорь кончил свой рассказ, майор спросил:

— И вы убеждены, что с институтом это из-за отца?

— Не знаю. Вообще-то его полностью реабилитировали в пятьдесят четвертом. Но...

— Что «но»?

— Может, я ошибаюсь, но мне кажется, недоверие иногда действует по инерции...

— Говорите точнее.

— Оно настолько живуче, что дает о себе знать, когда уже и причины исчезли.

— И вы считаете, что эта «инерция недоверия» сработала и против вас?

— Точно не могу сказать. Я только хочу заметить, что в жизни так может быть.

Савелов помолчал, что-то припоминая, потом заговорил, уже не горячась, тщательно подбирая слова, видимо, остерегаясь сказать что-нибудь «лишнее».

— Вы, товарищ майор, наверное, читали недавно в газете статью «Небо и тучи». Я ее раза три читал. Дело в том, что летчик, о котором там написано, до войны служил в авиационном полку, которым командовал мой отец... Этот человек такой же герой был, как Гастелло, Талалихин, Покрышкин, Кожедуб. Он дважды на таран ходил. А потом его сбили, он в плен попал. Бежал из плена, опять стал летать. Однако ничто его не спасло. Оклеветали, обвинили в измене, придумали, будто он сам сдался. По личному приказу Берия его арестовали, посадили в тюрьму... Теперь этот человек полностью реабилитирован. Однако «инерция недоверия» продолжает делать свое дело: его до сего дня не восстановили в партии, потому что не удалось разыскать партийные документы. Ему предлагают вступать заново. Но разве все это время он не был коммунистом? Почему человек должен начинать все сначала, или он не заслужил?..

Маясов внимательно слушал Савелова. Эту статью он тоже читал. Но она, оказывается, вызвала у него совсем другие мысли. И как только Игорь умолк, он сказал:

— Когда я читал эту статью, я подумал: могла ли она появиться несколько лет назад? Нет, не могла! Весна шестьдесят первого года — это не весна, скажем, пятьдесят второго. Не так уж много времени, да? А как все изменилось. Вот о чем надо думать...

Немного помолчав, Маясов вдруг переменил тему:

— Вот вы переживаете, что не удалось поступить в художественный институт... А ведь бывает и так: человек учится год, другой, а потом сам подает заявление об отчислении.

— При чем здесь я? Меня же не приняли...

— Вы хотели впрячь себя в такой воз, который, по-моему, вам явно не по силам,— сказал Маясов.— Сейчас вас предостерегают от худшего, а вы разыгрываете трагедию, впадаете в мировую скорбь.

— Я ничего не разыгрываю.— Савелов сразу нахмурился.

— Не будем придираться к словам... Вы не разыгрывали трагедию: вы ее сами создали и поверили в нее. И, к сожалению, слишком искренне.

— Никакой трагедии я не создавал...

— А что скажете о стихах? Вы думаете, я не понимаю, на каких дрожжах бродит ваша поэзия?

— Пишу, как умею...

— Вы напрасно обижаетесь: я говорю не о форме, а по существу. Можете писать, как хотите. Но не распространяйте вирши с антисоветским душком...

— Я их не распространял.

— Но знакомым читали?

— Это было.

Маясов увидел, как сразу побледнело смуглое лицо парня.

— Меня будут за стихи судить? — спросил он глухим голосом.

— Передавать ваше дело в суд мы не будем.

Савелов тревожно взглянул на майора:

— Это что же, без суда?..

— Без суда никого не осуждают,— сказал Маясов.— Что касается вас, то будет полезнее, если с вами поговорят ваши товарищи...

17.

«...Мне исполнилось девятнадцать лет, когда к нам на Украину пришла война.— Голос Никольчука, записанный на магнитофон, звучал глуховато. Откинувшись в кресле, Маясов внимательно вслушивался в этот голос, и казалось, в комнате незримо присутствует еще один человек.— За год перед этим я окончил школу, работал в редакции газеты... Я любил Украину, но по-своему. И когда заговорили националисты,— поверил им, начал сотрудничать в их газете, которая издавалась на средства оккупантов... За этой ошибкой последовала другая. Я поступил на службу в немецкую комендатуру: там больше платили...»

Маясов остановил магнитофон, достал из сейфа папку с ответами на запросы в несколько районов Украины, где в годы немецкой оккупации служил в полиции Алексей Михайленко. Пролистав несколько бумаг, майор снова включил аппарат, с помощью которого он решил сегодня проанализировать ход следствия по делу Никольчука.

«...Когда немцев погнали с Украины, куда мне было деваться? Я ушел с ними... Второго апреля, в сорок пятом, меня в Будапеште арестовали и осудили военным трибуналом. Дали десять лет лагерей... В камере предварительного заключения со мной сидели два дезертира, они подбили меня на побег. Нам это удалось. Но они пошли на восток, на Родину, а я подался в обратную сторону. Боялся... Вскоре оказался на территории Западной Германии, стал одним из тех, кого называют «перемещенные лица»... А потом попал на крючок американской разведке. После обучения в специальной школе, как я уже вам рассказывал, в марте шестидесятого года меня посадили на самолет и ночью выбросили с парашютом в приграничной полосе.

Выполняя задание центра, я должен был приехать в Ченск, изучить на месте обстановку и организовать сбор секретной информации о технологии производства и о продукции завода «Кленовый Яр». Добытые сведения мне приказали сообщать тайнописью в письмах бытового характера, которые я должен был направлять в подставные частные адреса Берлина и Мюнхена... Но никакие напутствия полковника Лаута и его помощников мне не пригодились. Когда я вступил на родную землю, я почувствовал себя другим человеком. Во мне все более зрела мысль не работать на американскую разведку. Об этом я начал думать еще в разведшколе.

Однажды мне попалась в газете статья «Явка с повинной». Из нее я окончательно понял, что только честный труд поможет мне стать человеком. И я твердо решил объявить себя органам госбезопасности. Почему я этого не сделал? Я колебался, боялся ответственности, пока вы не упредили, случайно не наткнулись на меня... Ну, может, и не случайно, я не знаю, поскольку, вы говорите, вам помогает народ. Не стану отрицать. Я говорю в том смысле, что если бы вы не взяли, не арестовали меня, я все равно бы к вам пришел. Рано или поздно. Это был лишь вопрос времени...»

Маясов сделал несколько коротких записей в своей рабочей тетради. А глуховатый голос между тем продолжал:

«...Как я уже сообщил на первом допросе, после моей неявки на встречу со связником — в московском ГУМе — этот связник — женщина, назвавшаяся Барбарой Хольме,— разыскал меня в Ченске. Чтобы избежать их мести за прямой отказ от сотрудничества с ними, я тогда сказал Хольме, что согласен работать. Но про себя думал: работать не буду. Хольме же мне изменила задание, сказала, что с некоторого времени завод «Кленовый Яр» их больше не интересует, а надо организовать добычу информации о продукции химкомбината в Зеленогорске. Я сказал, что готов приступить к выполнению этого задания, но мне нужны деньги, так как предстоят новые крупные расходы. Я так сказал, чтобы побольше выжать из них денег, но про себя окончательно решил с разведкой Лаута порвать...»

Маясов остановил аппарат. Потом, перемотав ролик, запустил последнюю часть снова... Выходило, что агент должен был переехать из Ченска в Зеленогорск, после того как получит запрошенные им деньги. Но еще на первом допросе Никольчук сообщил, что денег, обещанных Барбарой Хольме, ему не доставили. Почему? Или связник с деньгами не добрался до него, или сам Никольчук не признался в получении этих денег, или вообще он выдумал всю эту историю о добавочном субсидировании? Но зачем ему лишнее выдумывать?

Этот вопрос очень интересовал Маясова, как и другой, с ним непосредственно связанный: о самом характере нового задания агенту. Было похоже, что Лаут переключается на новый объект. Не сумев пробраться к секретам в одном месте, американцы, видимо, решили сделать попытку в другом: Зеленогорский химкомбинат выпускает продукт «Б», представляющий разновидность того же ракетного топлива, которое вырабатывает завод «Кленовый Яр».

Но все-таки считать это точно установленным фактом еще рано. И Маясов крупно написал в своей тетради: «Почему агенту, получившему новое важное задание, центр не доставил обещанных денег? Странно!»

18.

Ирина Булавина отпросилась у режиссера с репетиции. Дома она решила наскоро переодеться и тотчас уйти. Это выглядело смешно, но она действительно стала бояться одиночества и тишины в квартире. Тишина пугала ее, настораживала, заставляла прислушиваться, не стучит ли кто в дверь...

Отыскивая в сумочке губную помаду, Ирина снова увидела там письмо. Она получила его позавчера. Письмо было в зеленом конверте, точно таком, как и первое, которое пришло из Москвы две недели назад. Только на этом штемпель стоял не московский: письмо было отправлено с почтамта областного центра.

Возможно, отец находился в области проездом. Между делами забежал на почту, чтобы написать ей несколько слов. А может, он надолго или даже навсегда обосновался здесь, чтобы быть поближе к ней, Ирине, своей единственной дочери.

Впрочем, все это странно и непонятно. Уйти из дому в сорок первом году и вновь объявиться ровно через двадцать лет. Двадцать лет молчания — это не укладывалось в голове...

До писем в зеленых конвертах она и мысли не могла допустить о причастности отца к каким-то темным делам. Только прочитав второе письмо, еще более туманное, чем первое, она подумала, что с ее отцом, которого она считала пропавшим без вести, а вернее, погибшим на фронте, произошло что-то неладное, нехорошее. И еще она поняла из этого короткого письма, написанного характерным бисерным отцовским почерком, что он приехал «оттуда» и приехал не как Александр Андреевич Букреев, а под чужим именем...

Когда он уходил на фронт, ей едва исполнилось пять лет. Но она навсегда запомнила то июньское утро. Отец нагнулся, потом присел перед ней на корточки, поскрипывая ремнями новой портупеи. Он не плакал, как мать, он улыбался. Подняв ее на руки, он сказал:

— До свидания, Ири.— И при этом смешно пошевелил черными усами. Он всегда так делал, когда уходил на работу. И всегда называл «Ири»: так, как она себя называла.

И вот теперь, через двадцать лет, в обоих письмах она прочла: «Моя дорогая Ири...»

Ирина подошла к шкафу, взглянула на себя в зеркало: лицо бледное, под глазами тени. Открыв дверцу, она достала вишневое платье. Любимое платье Игоря... Впрочем, и мужа — тоже. К сожалению, ни тот, ни другой ей не могут сейчас помочь. Единственный человек, с кем бы она могла поделиться своей тревогой, была мать. Но мать с отчимом далеко от Ченска: в заграничной командировке, в Африке...

Торопливо переодевшись, Ирина вышла из дому. На малолюдной улице было тихо. И от этой вечерней тишины, от мягкого света заходящего солнца у Ирины как-то сразу стало спокойнее на душе. Она вдруг решила, что все уладится, что человек, к которому она идет, непременно ей поможет, и она наконец сумеет выбраться из тупика, в котором неожиданно оказалась.

Человек этот был Арсений Павлович Рубцов, друг их семьи, знавший ее отца, как никто другой: вместе работал с ним, вместе воевал. Ирина позвонила ему сегодня утром, и он, как всегда, радостно и приветливо говорил с ней...

Рубцов уже ждал ее в своем маленьком кабинете в фотоателье на Советской улице — он работал здесь заместителем директора. И как только она появилась в дверях, встал навстречу, приветливо улыбаясь.

— Я к вам, Арсений Павлович, за советом...— сказала Ирина, как только села за круглый столик, накрытый тяжелым плюшем.

Когда она закончила свой рассказ и показала оба отцовских письма, Рубцов долго молчал, потом тихо попросил:

— Разрешите я закурю?

— Да, пожалуйста.— Ирина видела, как сильно он взволнован. Но почему молчит? Она, признаться, ждала, что он рассмеется и скажет: мол, все это не так серьезно, как ей кажется, и не надо расстраиваться. Или что-то в этом роде.

Но вышло не так. Рубцов в упор посмотрел

В. Дмитриевский (Москва). ДОМА.

В. Путейко (Одесса). КРАСНАЯ ГВОЗДИКА.

на Ирину, и ей стало не по себе от его мрачного взгляда.

— Дело-то не простое.— Он тяжело вздохнул.— Хотя должен вам, Ирина Александровна, признаться, что я, если хотите, не особенно даже удивлен...

— Я не понимаю вас, Арсений Павлович.

Он опять замолчал, глядя в одну точку, и Ирина подумала, что та правда, которую он, видимо, знает об ее отце, настолько горька и нехороша, что ему даже трудно сказать о ней...

— Умоляю вас, расскажите, что вам известно...

— Хорошо, я расскажу...— Рубцов потер ладонью лоб, как бы соображая, с чего начать.— Вы считаете, что ваш отец пропал без вести? Это ложь! В свое время я мог бы перед вами и вашей матерью эту ложь рассеять. Но у меня тогда, в первую нашу послевоенную встречу, не хватило духу. Я решил, что для вашей матери лучше быть вдовой пропавшего без вести фронтовика, чем женой изменника Родины...

— Изменника? — прошептала Ирина.

— Да, изменника...— Рубцов говорил негромко, но его слова входили в сознание Ирины, как острые гвозди.— Ваш отец добровольно сдался в плен... Он ушел к немцам ночью, убив часового. И ушел не с пустыми руками. Будучи командиром роты, которая охраняла армейский штаб, он сумел выкрасть две оперативные секретные карты...

Арсений Павлович, видя, что Ирине плохо, подал ей стакан воды и затем, с трудом преодолевая волнение, продолжал свой рассказ:

— Наша дивизия вскоре после этого попала в окружение и была разбита. Для вышестоящих штабов она прекратила свое существование, как и все те, кто в ней служил. Только этим я и объясняю, что Букреева включили в списки пропавших без вести... Не понимаете?.. Ну, если бы дивизия целиком не попала в окружение, то Букреев не оказался бы в списках, а ваша мать не получила бы сообщения, что он пропал без вести.

Рубцов говорил не так уж долго, но Ирине казалось, что с начала их беседы прошла вечность.

Когда Арсений Павлович стал делать предположения, как и зачем вернулся Букреев, в каком «амплуа» мог теперь оказаться, Ирина подумала, что их выводы совпадают: с добрыми намерениями таким путем оттуда не приезжают...

19.

В начале июня у Маясова тяжело заболела жена. Врачи вынесли заключение: отдаленное последствие фронтовой контузии — и дали направление в Москву, в нейрохирургический институт. Маясову пришлось сопровождать жену, устраивать на лечение.

Накануне своего отъезда Владимир Петрович поручил лейтенанту Зубкову съездить на завод «Кленовый Яр» и рассказать директору о деле Савелова: все, что требовалось сделать чекистам, они сделали,— теперь пусть хорошенько возьмутся за парня администрация и комсомол...

В первый же день по возвращении из Москвы Маясов спросил лейтенанта, как он выполнил его задание.

Зубков, как всегда, подтянутый, с тщательно завязанным галстуком и с тем уверенно-победоносным видом, который появился у него с тех пор, как был арестован Никольчук, начал докладывать о своем разговоре с директором Андроновым. Педантичность и обстоятельность вообще были свойственны лейтенанту, сейчас же он особенно старался «изложить дело в деталях», так, как оно происходило в отсутствие начальника, перед которым ему хотелось выглядеть вполне самостоятельным оперативным работником.

Маясов слушал его внимательно, изредка кивал головой в знак одобрения. И вдруг удивленно вскинул брови:

— Что вы сказали?

— Андронов считает, что Савелова надо уволить с завода,— повторил Зубков.

— Как это уволить?

— Обыкновенно... По сокращению штатов.

— Здорово! Ну, а вы?

— Я сказал, что это его дело, директорское...

— Так и сказали? — Маясов не выдержал, встал из-за стола.— Это же черт знает что! Вы не должны были так говорить.

— Я считал, что директор завода имеет право...

— Имеет право! — жестко повторил Маясов.— Неужели вам не понятно, что речь идет не о лаборанте Савелове, а о человеке, о его судьбе... Садитесь!

Когда Зубков сел, Владимир Петрович, уже поостыв, продолжал:

— Начнем с главного вывода по делу. Каков он? Никольчук после его заброски к нам шпионской деятельности не проводил. Установили мы это или нет?

— Так точно.

— Второй вывод по делу: связь Никольчука с Савеловым носит случайный характер. Убеждены мы в этом?

— Да, убеждены.

— Следовательно, у нас нет оснований не доверять Савелову. Так?

— Совершенно верно.

— А раз так, мы не можем оставаться нейтральными...— Маясов немного помолчал и вдруг сказал: — Вызовите машину! Поедете со мной...

В заводской конторе директора они не застали. Секретарша сказала, что Андронов уехал на строительство Шепелевской железнодорожной ветки.

— Как, уже начали строить? — спросил Владимир Петрович.

— Да, со вчерашнего дня.

Маясов решил не дожидаться Андронова в конторе, а ехать прямо в Шепелево: ему захотелось посмотреть своими глазами на то дело, которое, по сути, было результатом его собственной инициативы.

Неподалеку от платформы перевалочной базы Маясов вышел из машины и сразу увидел Андронова.

Алексей Иванович разговаривал с инженером-путейцем. Заметив подходившего Маясова, он помахал ему рукой и некоторое время еще продолжал разговор с железнодорожником.

Когда наконец они остались вдвоем, Маясов сказал о причине своего непредусмотренного визита.

— Стоило ли из-за этого так спешить? — улыбнулся Андронов, ступая остроносыми ботинками по запыленной траве.— По-моему, у нас с вами нет расхождения в оценке: Савелов — фрукт с гнильцой, настроения у него, мягко выражаясь, нездоровые, поведение в жизни явно аморальное...

— Все это, Алексей Иванович, так и в то же время не так.— Маясов шагал рядом, заложив руки за спину.— Вот вы говорите: нездоровые настроения. Но давайте вдумаемся, что это? Злобствование махрового антисоветчика? Нет же! Юношеская обида на всех и вся в связи с собственными неудачами. Дальше. Вы говорите, аморальное поведение... Интрига с замужней женщиной... Не те слова! Можете поверить, дело здесь гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Это не пошлая связь, не флирт, а любовь — глубокая, настоящая. По крайней мере с его стороны...

Маясов немного помедлил и закончил:

— Короче говоря, у вас, Алексей Иванович, нет оснований увольнять парня. Особенно если учесть, что в лаборатории, кажется, штатных сокращений не намечается.

— Ну, это позвольте мне знать! — возразил Андронов.— Если нет штатных сокращений в лаборатории, то они есть на других участках. И я не считаю правильным увольнять хороших работников, честных советских людей, а таких, как Савелов, оставлять на заводе.

— Почему, разрешите уточнить?

— Да потому, что этот стихоплет не внушает никакого доверия.— Андронов вдруг остановился, взял Маясова за пуговицу пиджака.— Логики не вижу в ваших рассуждениях, дорогуша...

— Что вы хотите этим сказать?

— Вспомните, когда мы с вами зимой, у меня в кабинете, толковали по поводу ликвидации шепелевской перевалочной базы и строительства этой ветки, вы мне рьяно доказывали, как необходима широкая предупредительная, так сказать, профилактическая работа на режимных предприятиях, подобных моему заводу. А прошло каких-нибудь пять-шесть месяцев, и вы берете под защиту человека, скомпрометировавшего себя, считаете, что он может работать на важном оборонном объекте.

— Стреляете мимо цели, Алексей Иванович: бдительность и огульная подозрительность — вещи разные... Если говорить без обиняков, вы хотите перестраховаться: а вдруг что случится? С меня, мол, спросят, с директора.

Андронов перестал улыбаться.

— Да, я директор и не хочу рисковать репутацией вверенного мне завода... К тому же я не могу взять в толк вашу амбицию: Савелова не репрессируют, не наказывают, мы его просто увольняем по сокращению штатов. Что же в этом страшного?

— Страшно то, что это произвол! — резко сказал Маясов.— Кстати, стоило бы вам знать, что из-за контрактуры пальцев правой руки парень не может работать по своей специальности, слесарем-ремонтником.

— Пусть идет в парикмахеры,— улыбнулся Андронов.

«У нас уже один уходил в парикмахеры»,— хотел сказать Маясов, имея в виду Никольчука, но вместо этого спросил:

— Это — ваше окончательное решение?

— Приказ об увольнении уже подписан.

— Что ж... В таком случае можно считать нашу приятную беседу законченной... Но имейте в виду, Алексей Иванович, я буду ставить этот вопрос в партийном порядке.

— Это — ваше право,— сказал Андронов.

Говорить им было больше не о чем. И они, сухо попрощавшись, разошлись каждый к своей машине.

20.

Андрея Чубатова застал на улице дождь. Настоящий ливень. Мальчишка спрятался под карниз дома. Там он стоял долго. А дождь все лил и лил.

От нечего делать Андрей оглядывал по-утреннему малолюдную площадь. К соседнему дому подъехал большой желтолобый автобус. Едва он остановился, из дверей дома с веселым шумом начали выскакивать люди. Они бежали под дождем наперегонки, стараясь поскорее попасть в сухое, теплое нутро машины.

Во время толчеи у дверей из кармана у одного человека вдруг вывалилось что-то блестящее и, мягко звякнув, упало на мокрую мостовую, рядом с колесом автобуса. Андрей крикнул: «Эй, дядя!» Но дверцы уже захлопнулись, и автобус тронулся.

Прикрыв голову от дождя продуктовой сумкой, Андрей быстро подбежал к блестящему предмету, схватил его и тут же вернулся под карниз. Это оказался обыкновенный портсигар. Андрей стал открывать его, но ничего не получилось. Наверное, замок сломался...

Дождь перестал сразу, как будто кто обрезал его ножницами. Андрей сбегал в магазин, купил колбасы и сыру, как велела мать, и вернулся домой.

Мать была на кухне, а отец и его гость, усатый пожилой дяденька, говоривший на «о», как Максим Горький (Андрей слышал голос Горького по радио), сидели в столовой и разговаривали.

Андрей коротко рассказал о находке. Отец взял портсигар, повертел его, пытаясь открыть, но бесполезно. Портсигар перешел в руки к усатому гостю.

— Добрая вещица,— сказал он, взвесив его на ладони.— Серебряный.

И, надев очки, стал внимательно рассматривать выпуклое изображение орла на крышке. Потом вдруг надавил пальцем на орлиный глаз, и, к удивлению Андрея, портсигар открылся.

— Эге! — сказал отец.— Штучка-то с секретом.

Он хотел взять портсигар, чтобы разглядеть занятный замочек, но старик рассеянно отвел его руку, не отрывая взгляда от серебряной крышки.

— Обожди, Антон, обожди...

Андрей подумал, что, наверно, усатый обнаружил в портсигаре какие-то необыкновенные папиросы или сигареты, и, пренебрегая приличиями, шмыгнул к гостю за спину, засопел у него над ухом.

Однако ничего особенного он не увидел. Туго прижатые ажурной сеткой, в портсигаре лежали четыре простые сигареты. Впрочем, старик и не смотрел на них. Они его, кажется, совсем не интересовали. Проследив за его взглядом, Андрей определил, что гость разглядывает гравировку в левом углу внутренней стороны крышки — две заглавные прописные буквы «АБ».

Наконец усатый захлопнул портсигар.

— Интересная находка,— сказал отец.

— Еще какая, Антоша...— пробурчал старик.— Пойдем-ка лучше покурим.

— Сперва чаю напьемся.

— Ты пей, а я пойду покурю...

Андрей увидел: когда усатый отодвигал стакан с чаем, его пальцы слегка дрожали. Отец тоже заметил. Он не стал пить чай и вышел вслед за ним в смежную комнату.

После завтрака Андрей начал собираться на занятия авиамодельного кружка в областной Дом пионеров. И тут отец позвал его.

— Припомни, сыне, как выглядел человек, который уронил портсигар?

Андрей пожал плечами:

— Лица я не заметил.

— Ну, а как он был одет?

— Ну, как... В плаще... И на плечах эти, как их...

— Погончики?

— Да. Только не военные.

— Понимаю... А цвет плаща?

— Серый... Немножко зеленоватый...

Отец нахмурился и сказал:

— Ты вот что... Собирайся, с нами пойдешь.

— Куда?

— Покажешь, где нашел.

— Мне же некогда.

— «Некогда, некогда...» — в сердцах передразнил отец.— Ты знаешь, чей портсигар нашел? — Он хотел что-то добавить, но передумал, шлепнул Андрея легонько по плечу.— Одним словом, пошли.

Старик посмотрел на Андрея ласково.

— Мне, малец, тоже недосуг, я ведь приехал к вам сюда на денек, могилку старухи своей оправить. А вот видишь, приходится отложить пока.

— Да я ничего,— сдался Андрей.— Пошли...

У подъезда гостиницы «Восток», на том месте, где Андрей поднял портсигар, они постояли немного.

— А ну-ка зайдем,— сказал отец.

В просторном гостиничном вестибюле пол был выложен кафельными плитками. Антон Чубатов крупно прошагал по ним к столику дежурного администратора.

— Будьте добры, в каком номере остановился Букреев?

Полная блондинка лениво заглянула в список:

— Такой не значится.

— Как не значится? — с досадой переспросил Антон.— Ну, а проживал он в гостинице, скажем, вчера или на прошлой неделе?

Дежурная покопалась в бумагах.

— Нет, не значится.

— Спасибо,— разочарованно пробасил Чубатов и подошел к старику.— С этой дремотной каши не сваришь! Пойду я, пожалуй, к самому директору...

Минут через десять он вернулся. И сразу же все трое вышли на улицу. Только там Чубатов заговорил:

— В общем, Букреев в гостинице не проживал.— Размяв в пальцах папиросу, он закурил.— Хотя почему этот прохвост должен писаться Букреевым? Почему он не может скрываться под чужой фамилией?

— Полный резон,— согласился старик.

— Но это еще не все,— продолжал Чубатов.— К гостинице утром подъезжали два автобуса. С интервалом в пятнадцать минут.

— Кто же на них поехал? И куда?

— В обоих были участники художественной самодеятельности. Приезжали сюда на областной смотр. Один автобус пошел до станции Узловая, а другой — в Ченск.

— Дело осложняется,— проворчал старик.— Похоже, одним нам тут не разобраться.

Продолжение следует.

Олимпийское беспокойство

Xes JEUX OLYMPIQUES D'HIVER GRENOBLE 1968

Николай КИСЕЛЕВ

КОНЬКИ,

Существует такое выражение: олимпийское спокойствие. Оно олицетворяет высшую невозмутимость, полнейшую сдержанность всех чувств, бесстрастность суждений. Но можно ли сохранять олимпийское спокойствие в преддверии зимних и летних Олимпийских игр! Нет, слишком велика наша заинтересованность в успешном выступлении спортсменов СССР и в Гренобле и в Мехико.

Сейчас мы с волнением следим за подготовкой скороходов, хоккеистов, лыжников, фигуристов, обсуждаем шансы тех или иных, тревожимся, все ли учли тренеры, ловим вести из-за рубежа о готовности грозных соперников.

И редакция решила ввести в «Огоньке» на 1968 олимпийский год рубрику «Олимпийское беспокойство».

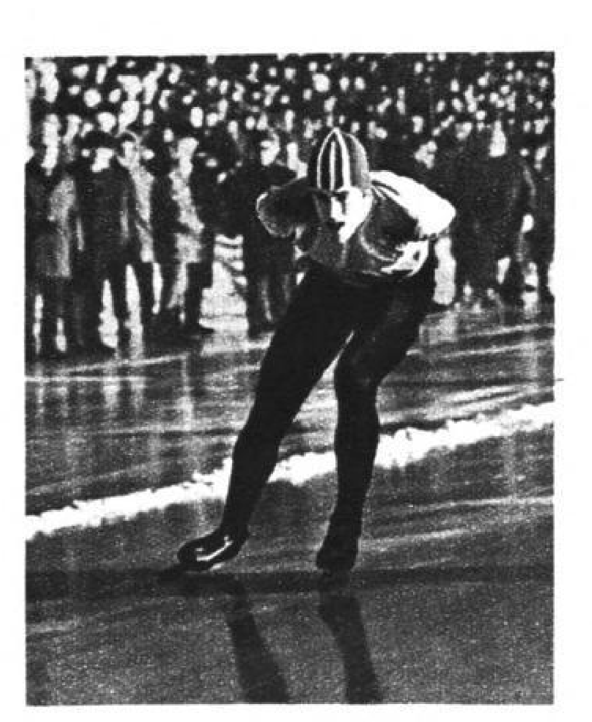
В статьях и очерках мы будем взвешивать шансы спортсменов, знакомить наших читателей с расстановкой сил, сперва в зимних видах спорта, а потом и в летних, вскрывать недостатки в подготовке. Словом, мы будем проявлять самое острое олимпийское беспокойство.

Чемпион IX Белой олимпиады Антс Антсон.

◀ Норвежец А. Майер и голландец К. Феркерк.

Ард Схенк готовится к Греноблю.

Наш лучший спринтер Б. Гуляев.

Фото А. Бочинина.

Был такой замечательный русский конькобежец Я. Ф. Мельников. Это ему вручен значок номер один заслуженного мастера спорта СССР. Еще до революции, в 1915 году, девятнадцатилетний Яша впервые стал абсолютным чемпионом страны. А когда ему исполнилось 40, Яков Федорович выиграл почетный титул в одиннадцатый раз!

В канун каждого четного года на ледяных дорожках разыгрывается приз памяти Мельникова. Значит, разыгрывается и в зимы олимпийские. В самом их начале.

Вот и на исходе минувшего декабря 269 конькобежцев съехались в столицу Южного Урала. Сильнейшими, как известно, оказались Лидия Скобликова и Антс Антсон. Так же, как и четыре года назад, когда старты давались на том же «фирменном» челябинском льду. Между прочим, тогда победители мемориала месяц спустя стали олимпийскими чемпионами. Может, и на этот раз традиционный приз станет добрым предзнаменованием?

Челябинским турниром открылся олимпийский конькобежный сезон в нашей стране. Но, увы, мы не получили исчерпывающего ответа, как готовы наши скороходы к Греноблю. Дело в том, что вмешался лютый мороз и порывистый ветер. Зато можно уже сейчас сказать, какие перемены принесла зима олимпийская.

«Огонек» в свое время писал о порочной системе комплектования сборных команд. Последние годы практически их состав определялся по декабрьским соревнованиям, и потому конькобежцы вынуждены были форсировать свою спортивную форму, чтобы завоевать «место под солнцем». А что из этого получилось?

Помнится, всем нам радужным казалось начало прошлой зимы. Но мировые чемпионаты еще никогда не заканчивались так плачевно для наших конькобежцев. Ни одной медали ни на одной дистанции мы не выиграли в прошлом году. Это у мужчин. У женщин награды были, но лишь серебряного и бронзового достоинства. Впервые наши спортсменки уступили лавровый венок: они, как и ребята, не смогли удержать рано приобретенную форму к решающим сражениям...

Приехав в этом сезоне в Челябинск, я встретил В. Каплана, вице-чемпиона Европы.

— Что, Валера, не шибко быстро бегал в Берлине? (Там сборная СССР готовилась к сезону.)

— А к чему спешить? Можно ведь, как в прошлую зиму, людей насмешить.

Наш сильнейший стайер С. Селянин тоже намерен набрать скорость в нужное время. А время это придет в середине января, когда в Алма-Ате состоится личный чемпионат СССР. Именно по итогам этого чемпионата и будут отобраны команды на зимние Олимпийские игры, а также на чемпионаты мира и Европы. Спор будет вестись честно, открыто. Не так, как прежде. Приятно, что наконец-то спортивный принцип восторжествовал над субъективистским подходом.

Да и сроки чемпионата выгодно отличаются от предыдущих лет. Так, в минувшую зиму всесоюзное первенство разыгрывалось после всех важнейших международных турниров. Оно начисто опрокинуло представление о том, «кто есть кто» в сборной. Те, на кого трене-

КОНЬКИ

рами делались ставки, оказались за бортом призеров. Абсолютный чемпион СССР 1966 года Эдуард Матусевич вообще не явился в Горький отстаивать свой титул. Двумя неделями позже на раскисшем весеннем льду Кирова разыгрывались медали на олимпийских дистанциях. Этот чемпионат стал горьким упреком незадачливым организаторам и войдет в историю разве только тем, что он проводился... на рассвете. Спортсменов поднимали с постели часов в шесть и заставляли еще не выспавшихся бежать по легкому утреннему морозцу.

Ныне, вняв гласу разума и критики в прессе, конькобежная Федерация СССР решила разыграть всесоюзное первенство до официальных международных турниров. (Так давно делают во всех других странах.) Поэтому в сборную войдут действительно достойнейшие.

Одно тревожит: слишком редко стартуют сейчас наши скороходы.

И еще. В прошлую зиму сборная сразу же после декабрьского матча городов отправилась в долгий (до середины февраля!) зарубежный вояж. И вот, обжегшись на молоке, начали дуть на воду. На сей раз вообще не предусмотрели встреч с норвежцами и голландцами до чемпионата континента в Осло (27—28 января). Разве нельзя было хотя бы нескольких скороходов направить на новогодний турнир в норвежской столице, собравший всех «звезд» Скандинавии и Западной Европы? Такая разведка боем не повредила бы.

Коньки, коньки! Сколько тревоги вызывают они у нас, когда думаешь о Гренобле!

Коньки неизменно играли решающую роль в наших победах на трех предыдущих Белых олимпиадах. Из 25 золотых медалей, завоеванных советскими спортсменами в Кортина д'Ампеццо, Скво Вэлли и Инсбруке, 15 падают на долю конькобежцев. А если судить по прошлому сезону, мы можем не досчитаться в Гренобле многих наград.

Голландка Стин Кайзер отобрала у наших девушек не только лавры, но и два мировых рекорда. У наших скороходов вообще остался лишь один мировой рекорд (на 500 метров Е. Гришина — 39,5 сек.), да и тот, судя по всему, дышит на ладан.

Трудно, очень трудно в условиях резко возросшей конкуренции вернуть утраченные позиции. Но надо! Без этого нельзя рассчитывать на успех в Гренобле в общекомандном зачете.

Конечно, в начале января рано судить об исходе февральских поединков скороходов. Но все же поговорим о шансах наиболее вероятных кандидатов в олимпийцы. На чемпионатах мира и Европы по конькобежному спорту успеха добивается только тот, кто может хорошо выступить на всех четырех дистанциях. Мемориал Мельникова показал, что когорта сильнейших многоборцев у нас не изменилась. У мужчин — чемпион Европы 1964 года Антс Антсон, вице-чемпион Европы 1967 года Валерий Каплан и чемпион Европы 1965 года Эдуард Матусевич. У женщин — чемпионка мира 1963 и 1964 годов Лидия Скобликова, вице-чемпионка мира 1967 года Ласма Кауниисте и трехкратная властительница мирового трона Валентина Стенина.

Разрыв в очках между победительницей турнира Л. Скобликовой и даже вторым призером был удручающе велик. У мужчин результаты более плотные. Но успех именитых также гарантирован солидным запасом в очках. На пятки признанной тройке наступает только победитель Спартакиады народов СССР на пятикилометровой дистанции 22-летний московский студент Валерий Лаврушкин. Даже обладатель серебряной медали последнего чемпионата страны алмаатинец Александр Керченко не смог оказать конкуренции фаворитам.

В Гренобле, где будет разыгрываться первенство лишь на отдельных дистанциях (без учета суммы очков), резко возрастают шансы Анны Саблиной из Челябинска, успевшей в свои 22 года уже дважды выиграть золотые медали чемпионки СССР на 3 000 метров. Аня хочет доказать, что ее неудача в Девентере была лишь неприятным эпизодом. Ей принадлежит лучший результат сезона, и она уступила в Челябинске на своей коронной дистанции всего одну десятую секунды Скобликовой.

Возможно, что в составе женской олимпийской команды найдется место и для Тамары Суворовой. Ее имя пока не очень известно любителям спорта: Тамаре 21 год. Она студентка Тамбовского педагогического института. Хорошо выступает на коротких дистанциях.

Бронзовый призер Инсбрука Татьяна Сидорова, техник уральской железной дороги, вновь будет одной из главных претенденток на олимпийское золото в спринте. Впрочем, у нее есть серьезные соперницы в нашей же сборной — Ирина Егорова из Иванова и москвичка Людмила Титова.

У мужчин тоже предстоит очень острый спор среди спринтеров. Гренобль может стать для Евгения Гришина четвертой Белой олимпиадой. Но трудно сказать, сбудется ли мечта ветерана, которому в апреле исполнится 37 лет. У четырехкратного олимпийского чемпиона опасные молодые соперники: сибиряк Анатолий Лепешкин, как-то долгие годы остававшийся в тени и лишь второй сезон заставивший заговорить о себе как об одном из лучших спринтеров мира, Валерий Муратов из Коломны, Владимир Гвоздецкий и Виктор Чурсин из Москвы. Ну, а победитель Спартакиады народов СССР свердловчанин Борис Гуляев находится в свои 26 лет в расцвете сил.

Другие три дистанции (1 500, 5 000 и 10 000 метров) — ныне удел многоборцев, тех скороходов, которым, кроме олимпийских игр, предстоят еще чемпионаты мира и Европы.

Наши конькобежцы неизменно выигрывали олимпийское золото на полуторакилометровой дистанции. Антсон, Матусевич, Каплан — любой из них может надеяться на успех и в Гренобле. А вот на что мы можем рассчитывать в беге на 5 000 метров? В Челябинске один Лаврушкин показал время международного класса. Но его результат (7 минут 46,9 секунды) через пять дней превзошли в Осло сразу 14 стайеров Голландии, Норвегии и Швеции! Наконец, в конькобежном марафоне, где всесоюзный рекорд В. Косичкина держится уже восемь лет (!), я вижу лишь одного реального претендента — С. Селянина, который в прошлую зиму дважды победил мирового рекордсмена норвежца Ф. А. Майера и имел лучший результат сезона в мире на равнинных катках. Увы, нынешний чемпион страны на 5 000 и 10 000 метров 23-летний Анатолий Машков выглядел в родном городе Челябинске настолько беспомощным, что поставил под вопрос свою поездку в Гренобль.

Не знаю, пробьется ли в гренобльский состав Юрий Малыхин — рослый юноша из совсем неконькобежного города Улан-Удэ, ныне студент столичного вуза. Но запомните это имя: если не закружится у него от успехов голова, далеко пойдет этот 20-летний скороход. В эту зиму Юрий намного улучшил свои личные рекорды на 500 и 1 500 метров. Теперь они равны 41,6 секунды и 2 минутам 10,5 секунды. А ведь он считался ярко выраженным стайером (бронзовая медаль на 10 000 метров в прошлогоднем чемпионате СССР).

С кем же придется вести спор за олимпийские медали нашим конькобежцам?

Прежде всего с голландцами и норвежцами.

Голландцы уже перестали быть сенсацией. Вторую зиму они признанные фавориты. Они, не получившие до сих пор ни единой золотой олимпийской награды, намерены вернуться из Гренобля с шестью медалями высшего достоинства. Декабрь принес неожиданность: чемпион мира и Европы Кейес Феркерк уступил у себя в стране титул сильнейшего экс-чемпиону Европы и вице-чемпиону мира Арду Схенку. Но это было неожиданностью для всех, кроме самого Феркерка, который в канун национального первенства сам держал пари... за Схенка и Петера Ноттета. И оказался пророком. Ноттет быстро прогрессирует. Похоже на то, что он станет реальным претендентом на медали любого достоинства — как в турнирах многоборцев, так и на Олимпийских играх. Достойная замена сошедшему со сцены Руди Либрехтсу!

Неудача Феркерка не должна давать повода для поспешных выводов. Учтите, что Кейесу пришлось пропустить почти месяц тренировок из-за травмы ноги, полученной на спортивном празднике в сентябре. Обладатель трех мировых рекордов может выиграть любую дистанцию в Гренобле, кроме спринтерской. Конькобежный король — парень общительный и веселый. Работает барменом в кафе своего отца в местечке Путтерсхеке. «Вот откуда у меня такой элегантный взмах правой руки, когда я подгоняю себя на вираже: веду ею, будто кружку пива подаю»,— шутливо рассказывал Кейес мне в Осло.

У норвежцев те же фавориты. 29-летний Фред Антон Майер опасен на обеих стайерских дистанциях. Так же как и 25-летний Пер Вилли Гуттормсен и 22-летний Ингар Боллеруд. Чемпион страны последних лет Свен Эрик Стиансен — сильнейший многоборец. Его олимпийские надежды — 1 500 и 5 000 метров. Руар Гренволд, показавший в декабре лучшее время сезона в мире на 1 500 метров, мог бы тоже рассматриваться в списке соискателей олимпийского золота, если б умел сохранить высшую спортивную форму дольше месяца.

Шведу Йонни Нильссону как раз в Гренобле исполнится 25 лет. «Я больше уже не стремлюсь к победам и не жажду их. Я, пожалуй, даже немного устал от славы. Однако я тренируюсь, как никогда раньше, и мои соперники не должны думать, будто им удастся легко одержать надо мной победу»,— заявил экс-чемпион мира журналистам. Йонни не скрывает своей цели — сохранить за собой звание олимпийского чемпиона на дистанции 10 000 метров и попытаться вдобавок выиграть медаль на 5 000 метров. А затем он... бросит коньки. «Выиграю я или проиграю — мое решение непоколебимо».

У шведов есть и другой сильный конькобежец, ровесник и тезка Нильссона — Йонни Хеглин. В жизни они друзья. На сборах живут в одной комнате. Но на ледяной дорожке каждый старается победить другого во что бы то ни стало. А когда в такую бесконечную погоню превращаются тренировки,— это уже опасно. Вот почему наставник шведских скороходов, бывший рекордсмен мира и первый тренер Схенка и Феркерка голландец Антони Хьюнскес вынужден был развести Нильссона и Хеглина в разные смены на занятиях в предсезонный период, а затем долго не давал им стартовать вместе.

Можно лишь поражаться тем высоким результатам, которые показаны в начале нынешнего олимпийского сезона. В горном баварском местечке Инцеле, на том самом искусственном катке, который обошелся в миллион долларов, Эрхард Келлер в день своего двадцатитрехлетия повторил мировой рекорд Е. Гришина на 500 метров — 39,5 секунды. И все же Келлер, спустившись на равнину, не смог выйти победителем в Осло. Думается, что не добьется он золотой медали в Гренобле, расположенном на высоте всего лишь 220 метров над уровнем моря.

Но есть за рубежом спринтеры не менее опасные, чем Келлер. Это прежде всего 25-летний японец Кейнти Судзуки, трехкратный победитель на самой короткой дистанции на чемпионатах мира. Студент из Токио — обладатель мирового достижения для равнинных катков (39,9 секунды).

Самого быстрого конькобежца IX зимних игр в Инсбруке Терри Макдермота, цирюльника из Мичигана, мы больше в Европе не видели... Можно лишь полагаться на слова тренера американцев Филиппа Крамма: «Мы уверены, что 23-летний Макдермот снова будет нашей олимпийской надеждой в Гренобле, хотя у него есть опасные конкуренты и среди соотечественников. Например, Нейли Блечфорд — парень очень одаренный, способный на результаты неожиданные, даже фантастические. Но может и провалиться».

А что можно сказать о зарубежных скороходках? Увы, нового очень мало. Рослая 29-летняя Стин Кайзер вновь выиграла первенство Голландии. Чемпионка и рекордсменка мира не собирается пока оставлять дорожку, а уже названа ее преемница в Нидерландах — 20-летняя Вил Бургмейер, самая молодая и самая маленькая в национальной команде (хотя рост «малышки» вполне солидный — 165 сантиметров). О ее возможностях говорят личные рекорды: 500 метров — 46,3 секунды, 3 000 метров — 5 минут 02,8 секунды (рекорд СССР Л. Скобликовой — 5.04,2). Пророчат успех и Анс Схут, особенно на самой длинной дистанции.

Такова предолимпийская расстановка сил. Тяжко придется в Гренобле. Однако вспомним, что Инсбруку предшествовал еще более неудачный 1963 год, когда ни одного советского конькобежца не оказалось на чемпионате мира в десятке сильнейших. И все же мы быстро оправились тогда от нокдауна и хорошо выступили на Белой олимпиаде. Пусть же все это повторится в Гренобле.

ГОРОД ИЗ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

На археологических раскопках древнерусского города Путивля. Руководит работами академик Б. А. Рыбаков.

Столетия приковывает к себе внимание славная история древнего русского города Путивля. Что нового открыли советские археологи на раскопках этого города за последние годы? — с таким вопросом обратились к нам рыбаки В. Козинов и Н. Макаров из города Владивостока.

На это письмо по нашей просьбе ответил директор Института археологии Академии наук СССР академик Борис Александрович Рыбаков. Он сказал: «Никогда не померкнет красота «Слова о полку Игореве», как никогда не иссякнет интерес ко всем деталям русской истории, связанным с этой великой поэмой. Город Путивль, родовая вотчина отца Игоря, прославлен тем, что на его заборолах автор поэмы изобразил трагическую фигуру Ярославны, обращающейся с высокой путивльской горы ко всем стихиям с мольбой помочь ее раненому мужу. Современники знали, что через несколько дней после ее плача хан Гзак напал на Путивль и пожег его посады. Это заставило археологов произвести раскопки прославленного города. Так, В. А. Богусевич открыл при раскопках древнюю церковь. Раскопки, осуществленные нами в 1965 году, выяснили, что древний город возник в десятом веке и был расположен на многих живописных холмах высокого берега Сейма. Нам удалось точно датировать церковь, раскопанную В. А. Богусевичем,— к моменту нашествия Батыя (очевидно, 1239 год) она была УЖЕ построена, но ЕЩЕ не оштукатурена. В раскопках выявились жилища, ремесленные мастерские и дубовые заборола крепостных стен двенадцатого века, прославленные в «Слове». Известно, что в 1146 году, во время княжеских усобиц, Путивль был разграблен. Тогда врагами были сняты с местной церкви колокола. В 1965 году нами была найдена часть большого колокола, отлитого из сплава меди, олова и серебра». В заключение Борис Александрович сказал: «Раскопки показали, что в XVIII веке в Путивле велись большие строительные работы. Тогда он был важным пограничным городом Московского государства, стоявшим на берегу бурного степного моря, полного воинственных татаро-турецких орд».

УНИКАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ А. В. СУВОРОВА

«Легендарный русский полководец Александр Васильевич Суворов, как известно, не любил позировать художникам, поэтому они рисовали его по памяти и даже по рассказам современников. Есть ли портрет А. В. Суворова, написанный с натуры?» — интересуется читатель А. Козлов из Краснодара.

Отвечает директор Ленинградского музея А. В. Суворова В. Ф. Гусева: «В нашем музее хранится портрет А. В. Суворова, исполненный в июне 1799 года гравером В. Грином в Лондоне. Под портретом подпись, которая утверждает, что гравюра исполнена по рисунку с натуры, сделанному лейтенантом австрийского драгунского полка Фризом в Милане.

Победы русского оружия в Северной Италии, а затем в Швейцарских Альпах вызвали большой интерес к личности А. В. Суворова. В различных странах мира было издано множество изображений великого полководца. В Ленинграде, в Музее А. В. Суворова, можно увидеть более ста различных его изображений».

БЕРЕГИТЕ ОРЛОВ!

На Дальнем Востоке, особенно в Амурской области, орлан-белохвост теперь уже стал очень редкой птицей. В алтайских степях уничтожают беркутов. В днепровских плавнях был схвачен местными жителями гигантский орел, когда он, очутившись в кустах, не мог сразу взлететь. Под Нарвой Н. Саватеев убил огромного орла. Такие факты невольно вызвали тревогу у читателя С. Я. Гринько из города Славянска (Украинская ССР), и он просит нас разъяснить: полезны или вредны орлы?

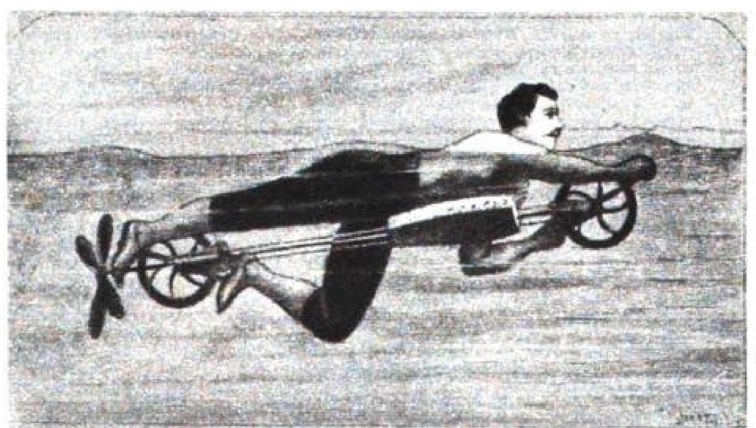
С этим вопросом мы обратились к профессору Московского государственного университета Георгию Петровичу Дементьеву. Он сказал: «В нашей необъятной стране не так уж много орлов. Вреда от них нет. Эти птицы — украшение нашей родной природы, поэтому чудовищно и нелепо слышать, когда хвастливые охотники сообщают о том, что они чуть ли не в поединке сразили великана орла или поймали его, накрыв одеялами или плащами. С этим бескультурьем надо решительно бороться, надо срамить «героев»-охотников, отбирать у них ружья, как у нарушителей основных законов природы, крепко бить их штрафом.

Хороши орлы на просторе, и их всемерно нужно беречь».

Плененный орел. Что может быть нелепее этого зрелища?!

БЫСТРОГО ПЛАВАНИЯ ВАМ!

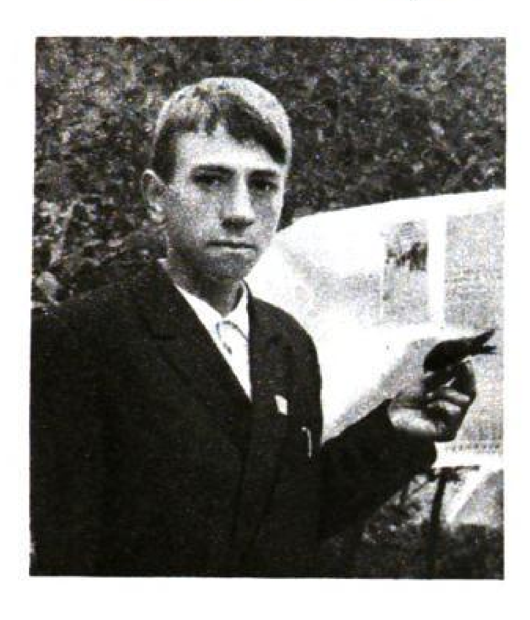
«Моя стихия — плавание, особенно во время отпуска. Я очень хочу узнать, есть ли такое самое простое приспособление, с помощью которого можно было бы совершать морские и речные прогулки вплавь»,— обратился к нам читатель М. Кузнецов из Таганрога.

Вначале казалось, что просьбу эту вряд ли удастся выполнить, но неожиданно выручило оригинальное письмо из Парижа. Его любезно прислал нам один из научных сотрудников известного французского океанолога Жака-Ива Кусто, Жан-Альберт Фое. На этом письме весьма кстати изображено устройство плавательного аппарата, изобретенного еще в 1860 году, но не потерявшего, очевидно, своего назначения и в наше время. Испробуйте его, товарищи, летом и сообщите нам!

СТО ТЫСЯЧ ПОЧЕМУ

Редакция получает много писем, в которых затрагиваются самые различные темы, представляющие всеобщий интерес. С этого номера мы открываем отдел под рубрикой «Сто тысяч «почему?», в котором читатели найдут ответы на свои вопросы.

ЛАСТОЧКИ С КОЛЬЦАМИ

Деревенская ласточка, или, как ее ласково называют, касатка, лежала с перебитым крылом. Ученик нашей школы Толя Савенко поднял ее и принес домой. На ножке птицы он увидел крохотное кольцо, а на кольце разобрал надпись «Notify Zoo Pretoria» и цифры «601 15586»,— такое письмо прислал нам директор сельской школы рабочей молодежи из Чечельника, Винницкой области, И. М. Мазуренко.

Мы сообщили об этом письме в Центр кольцевания и мечения птиц и наземных млекопитающих Зоологического института Академии наук СССР. Нам ответила научная сотрудница Маргарита Ивановна Лебедева. «Надпись на кольце,— разъяснила она,— означает, что в Винницкой области была найдена ласточка, прилетевшая из Южной Африки. Там ее окольцевали в зоологическом саду города Претории, а цифры указывают название птицы, возраст ее и другие сведения. По этой метке мы узнали, что она совершила свой длинный путь за сорок шесть дней. Другая же ласточка, окольцованная там же, была через месяц обнаружена уже на гнезде в Сибири, в Ленинск-Кузнецком районе, Кемеровской области. Эта ласточка, если даже считать по прямой, пролетела не менее двенадцати с половиной тысяч километров. Кольцевание показало, что ласточки, обитающие на большей части территории нашей страны, на зимовку отправляются в Южную и отчасти Центральную Африку, регулярно совершая эти удивительные перелеты. На основе данных кольцевания составлены карты перелетов ласточек и многих других птиц, выяснена продолжительность жизни некоторых из них в природе. Например, стало известно, что скворцы живут до 12 лет, крачки-чегравы — до 19, чайки озерные — до 24, утки-кряквы — до 24. В адрес: Москва, В-331, Центр кольцевания — отовсюду в письмах доставляются расправленные в пластинку кольца и метки, и это охотно делают все любящие и охраняющие родную природу».

ГИГАНТСКАЯ ТЫКВА

«Слышал я, что в Средней Азии обнаружен новый, весьма урожайный сорт крупноплодной тыквы народной селекции. Дайте, пожалуйста, краткую характеристику этой тыквы»,— попросил читатель В. Акимов из Полтавы.

Новый сорт крупноплодной тыквы был обнаружен на приусадебных участках колхозников Гурленского района, Хорезмской области. До сих пор он не был известен науке. Нашел эту тыкву и стал выращивать научный сотрудник Самаркандского сельскохозяйственного института И. М. Ашеров. Вот что он сообщил нам: «Вес плода тыквы достигает пятидесяти двух килограммов, урожай с гектара превышает восемьдесят тонн. В мякоти ее содержится пять процентов сахара, а каротина больше, чем в лучших сортах моркови. На складах ее можно хранить два года».

Фото И. Ашерова.

ЭТО ДОМОВЫЙ ВОРОБЕЙ

«Удивительная встреча с незнакомой птичкой произошла у нас летом. Я только что зарядил фотоаппарат, как она появилась перед нашими глазами и опустилась на чайник, потом на керосинку, затем села около котенка. Котенок даже испугался, а птичка мигом вспорхнула и спокойно уселась на плече девочки. Так мы и подружились с этой птичкой; она стала бывать у нас как самое близкое и дорогое существо, но мы не знаем, как называется она. Сообщите нам, пожалуйста»,— пишет читатель Сигит Садыков из поселка Казталовки Уральской области Казахстана.

Мы показали фотоснимки известному знатоку птиц, главному хранителю Дарвиновского музея в Москве Петру Петровичу Смолину. Он сказал: «Эта птичка — самый обыкновенный домовый воробей, чем она и интересна. Несомненно, этот воробей был у кого-то выкормлен еще птенцом, поэтому он и привык к людям, сейчас быстро освоился и живет на правах члена семьи».

Сколько же радости может доставить людям даже эта привычная нам маленькая птичка!

Фото С. Садыкова.

ПАХНУЩАЯ СВЕЖИМИ ОГУРЦАМИ

Ежегодно в июне, после штормов и непогоды, на западном побережье Камчатки наступают ясные, тихие дни. Накаты прибоя в это время выбрасывают на пологий берег на протяжении десятков километров массу живого серебра. Это мойва. Промыслового значения эта рыбка пока не имеет, но население рыбачьих поселков, особенно дети, черпает эту рыбу, пахнущую свежими огурцами, кто ведрами, кто сачками, а кто и прямо руками. Слегка посолив, рыбу вывяливают на крышах — через неделю камчатский деликатес, напоминающий вкусом воблу, готов. Появлению мойвы рады и настоящие рыбаки. Оно предвещает большую путину — подход тихоокеанской сельди и лосося, пишет читатель Э. Куни с полуострова Камчатка.

Почему же эта рыбка пребывает в неизвестности?

«Мойва до сих пор вылавливалась рыбаками в небольших количествах,— сообщила нам старшая сотрудница Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии Кира Александровна Земская.— Однако пищевая ценность этой рыбы заслуживает того, чтобы промысловая добыча ее была организована в крупных масштабах. Например, в Баренцевом море это и будет сделано в ближайшие годы».

ПРЕМЬЕРЫ • АКТЕРЫ • РОЛИ

НА СЦЕНЕ МАЛОГО «ДЖОН РИД»

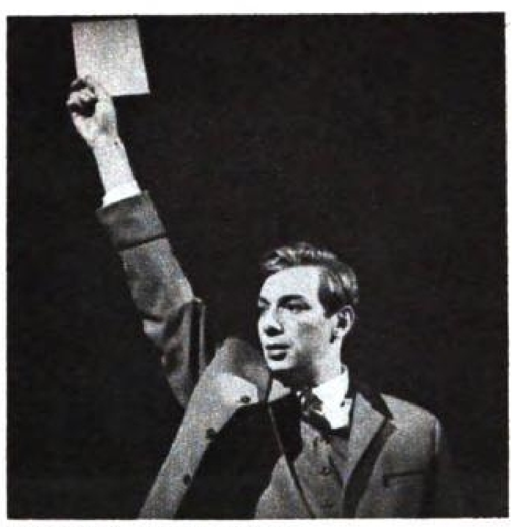
Александр КОРНЕЙЧУК

Я смотрел пьесу и постановку Евгения Симонова «Джон Рид». Спектакль меня глубоко взволновал великолепной игрой артистов и замечательным сценическим решением. Мне кажется, давно не было у нас такого страстного, патетического спектакля! Мне хочется особо отметить декорации художника Волкова, блестящую игру народного артиста СССР Жарова, который мудро раскрыл образ национального героя Мексики Панчо Вилья.

Взволнованно, с подлинным революционным романтизмом играл Джона Рида артист Подгорный. Очень тонко, с большим волнением и мастерством провела роль Луизы Брайант артистка Нифонтова.

Можно сказать много доброго по адресу других чудесных артистов, занятых в спектакле: Гоголевой, Роек, Анненкова, Весника, Хохрякова... Сцена, когда Панчо Вилья вручает орден раненому Джону Риду, производит потрясающее впечатление. Это — большое достижение постановщиков спектакля. Евгений Симонов в «Джоне Риде» раскрыл новые грани своего таланта.

Я хочу от души поздравить Малый театр и всех исполнителей. Они создали на старейшей сцене страны еще один героический спектакль.

Джон Рид — Н. Подгорный.

Панчо Вилья — М. Жаров.

Фото И. Ефимова.

Сцена из спектакля «Шторм».

Фото В. Петрусовой.

Павел ГЕРАГА,
народный артист РСФСР

ТРЕТИЙ ШТОРМ

Тысяча девятьсот двадцать пятый год... Художественный руководитель театра имени МГСПС (ныне имени Моссовета) Евсей Осипович Любимов-Ланской ставит пьесу «Шторм», предложенную ему драматургом В. Н. Билль-Белоцерковским.

Трудно выразить словами успех спектакля, воистину незабываемого, выразившего свою эпоху с огромной силой...

Как сам автор, так и зрители, которые приняли «Шторм», как говорится, на «ура», были участниками борьбы за Советскую власть, за будущее. Они пережили голод и холод, разруху, сыпняк, сопротивление дезертиров, вспышку контрреволюции. Стоических людей, героев играли артисты Г. Ковров, В. Ванин, А. Крамов... Зрительный зал буквально жил их жизнью, трепетал и дрожал за них.

Год тысяча девятьсот пятьдесят первый... Театр имени Моссовета возобновил «Шторм» на своей сцене в постановке главного режиссера Ю. Завадского и Е. Страдомской. И снова спектакль пользуется огромным успехом. Его смотрят и в Москве и на периферии; в нем широко отражается жизнь, и не только история 1918 года, а история как бы уже более поздних испытаний, связанных с событиями Отечественной войны. Блистали в том спектакле Р. Плятт, Г. Слабиняк... А я играл роль Предукома, главного героя. Играл с огромным волнением... Никогда не забуду гастролей нашего театра в Польше, Болгарии, Румынии... События «Шторма» были близки народам и этих стран; спектакль стал для них родным, волнительным. На афишах он назывался «Ураган». И без преувеличения могу сказать, что в зрительном зале была действительно «ураганная» ответная отдача.

И вот наконец год тысяча девятьсот шестьдесят седьмой... Театр Моссовета посвящает третий «Шторм» 50-летию Октября — памяти тех, кто осуществлял начало новой эры, потрясшей весь мир и изменившей его.

Постановщик третьего «Шторма» народный артист СССР Ю. А. Завадский нашел новое, интереснейшее решение. Он задумал и осуществил постановку как своеобразный поэтический концерт-спектакль, исполненный высокого смысла, как рассказ о людях с чистой совестью и непоколебимой верой в победу коммунизма.

И снова аплодирует зал. Аплодируют всей труппе. Актерам, играющим в этом спектакле вдохновенно и страстно, видящим вчера с партийных позиций нашего сегодня.

ВСЕ ЗАХВАЧЕНЫ ПЬЕСОЙ

На снимке: артист В. Андреев в роли лейтенанта Шмидта.
Фото А. Гладштейна.

Всеволод ЯКУТ,
народный артист РСФСР

Сухая судебная и газетная хроника; материалы следствия; письма современников—участников событий 1905 года; глубоко личная, интимная переписка Петра Петровича Шмидта и его любимой — Зинаиды Ивановны Ризберг; и, конечно, отрывки из поэмы Бориса Пастернака «Лейтенант Шмидт» — вот канва одноименной пьесы Д. Самойлова, В. Комиссаржевского, И. Маневича. Премьера состоялась недавно в Театре имени Ермоловой.

Лейтенант Шмидт! Самое имя его стало символом высокого мужества. У этого человека была возможность остаться жить, но остаться жить ценой предательства... Он предпочел умереть.

Нас, наш театр, привлекла возможность показать 1905 год, матросскую массу и передовое офицерство, среди которого были люди такой великолепной стойкости и чувства долга, как Шмидт.

В пьесе я (штабс-капитан Нежданов) и артист Л. Галлис (граф Витте) играем только эпизоды. Но мы взялись с радостью за эти роли, так как они дополняют и оттеняют образ Шмидта. С одной стороны — теряющий почву под ногами Нежданов, с другой — Витте, умный и тонкий политический деятель, отлично понимающий, что «мы творим глупости на каждом шагу».

Пьеса захватила всех актеров; мы подготовили ее всего за 40 дней.

Если наш спектакль получился, то благодаря тому, что замечательные стихи Пастернака удалось сочетать со строгой документальностью.

ОПЕРА О КОММУНИСТАХ ШАТУРЫ

В Харькове театр оперы и балета показал новую оперу Дм. Клебанова «Коммунист» по мотивам одноименного фильма. Герой оперы — Василий Губанов. Рядом с ним рабочие с кирками и лопатами; женщины-работницы, одетые в ситцевые платья либо в кожаные тужурки, с красными платочками на головах...

Когда в наши дни появляются новые произведения о становлении Советской власти, трудно найти более заинтересованного и придирчивого зрителя, чем сами участники этих событий! И они пришли на просмотры и прослушивание оперы. Ветераны революции, воины, строители Шатурской станции, они помогали постановщику Ю. Ленову и актерам своими рассказами, воспоминаниями.

Героический спектакль полон оптимизма. А вместе с тем это — лирическое, глубокое повествование о жизни и борьбе.

Г. СМЕТАНИНА

ДАВНИШНЯЯ ДРУЖБА

Давнишняя дружба связывает кустанайцев и москвичей, точнее говоря, Кустанайский областной драматический театр и Государственный академический Малый театр СССР.

Дружба эта установилась давно, в те дни, когда только еще поднимались к жизни целинные земли.

Известнейшие актеры — и среди них М. Царев, Е. Гоголева и многие другие — выступали в Кустанайском театре, помогали ему добрыми советами.

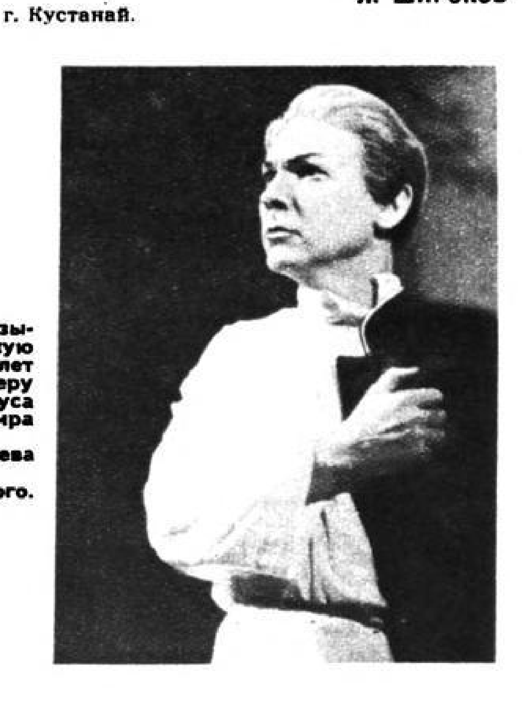
Сейчас заслуженный артист РСФСР М. М. Новохижин поставил в Кустанае «Любовь Яровую»; оформил спектакль народный художник СССР, лауреат Государственных премий Б. И. Волков.

В роли Любови Яровой заслуженная артистка БССР Т. Коновалова.

Я. ШИРОКОВ

г. Кустанай.

ПРЕМЬЕРЫ В УФЕ

Уфимский театр оперы и балета показывает три новых спектакля: башкирскую оперу «Гюльзифа» З. Исмаилова, балет «Люблю тебя, жизнь» Н. Сабитова и оперу украинского композитора Ю. Мейтуса «Братья Ульяновы» — о юности Владимира и Александра Ульяновых.

На снимке вы видите артиста В. Голубева в роли Владимира Ульянова.

Фото О. Полянского.

СЛАВНЫЙ ЗЕМЛЯК

«Вихрям навстречу» в Кировском ТЮЗе.

Фото И. Обуховской.

Сценическая история создания образа Кирова на земле вятской началась еще тридцать лет тому назад. Кировский драматический театр показал пьесу молодого тогда драматурга И. Прута «Год девятнадцатый». Героем спектакля был Андрей Матвеевич Лунин, астраханский революционер, прообразом которого был Сергей Миронович Киров.

Через одиннадцать лет кировчане встретились со своим великим земляком на сцене Театра юного зрителя. Пьеса и спектакль А. Голубевой и Д. Толченова «Начало пути» рассказывали о годах учения «мальчика из Уржума» — Сережи Кострикова. А вскоре и областной драмтеатр показал «Крепость на Волге». Клятвой звучат в этом спектакле знаменитые слова Мироныча о том, что пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским.

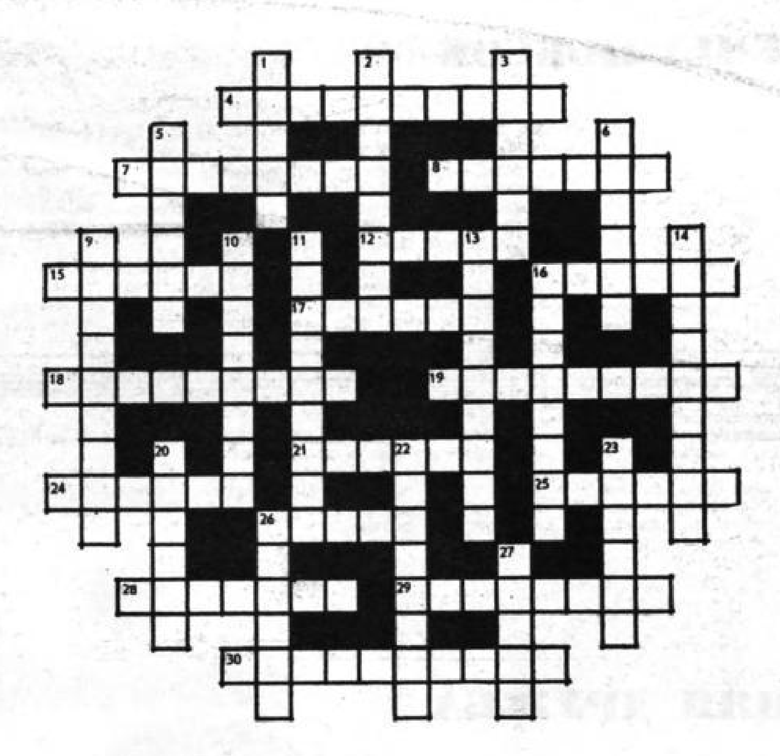
В юбилейный 1967 год у театралов Кирова состоялись сразу три сценические встречи со своим земляком. В начале прошлой весны коллектив ТЮЗа показал пьесу, созданную в стенах театра актером Г. Голубецким и журналистом К. Верхотиным: «Вихрям навстречу»,— о жизни и деятельности молодого Кирова в Томске. Роль Сергея Кирова играл один из авторов, Г. Голубецкий, он не только добился портретного сходства, но и передал характер своего героя.

Один из ведущих и старейших актеров ТЮЗа, И. Шишкин, тоже написал пьесу о Кирове — «Дважды неприступная тундра». Действие происходит в 1930 году на строительстве Хибиногорска.

И, наконец, областной театр драмы имени С. М. Кирова недавно показал спектакль «Член реввоенсовета», посвященный славному пятидесятилетию Октября. Это обновленная редакция пьесы «Год девятнадцатый» И. Прута. В ней вместо Андрея Матвеевича Лунина уже действует член Астраханского реввоенсовета Сергей Миронович Киров. Спектакль поставлен главным режиссером театра В. Ланским.

В. САЗОНОВ

г. Киров.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Литовский поэт. 7. Почва. 8. Старинный способ морского сражения. 12. Скотоводческая ферма на Западе США. 15. Коробчатая деталь двигателя внутреннего сгорания. 16. Пролив между Европой и Азией. 17. Химический элемент. 18. Романс М. И. Глинки. 19. Музей-усадьба под Москвой. 21. Французский писатель. 24. Музыкальный интервал. 25. Приток Колымы. 26. Порт в Тунисе. 28. Рыба семейства карповых. 29. Большой резервуар для хранения жидкостей. 30. Крупнейший остров земного шара.

По вертикали:

1. Русский полярный исследователь. 2. Озеро в Швеции. 3. Национальная японская одежда. 5. Опись, перечень. 6. Созвездие южного полушария неба. 9. Поэма Т. Г. Шевченко. 10. Сорт яблок. 11. Телескоп для фотографирования небесных светил. 13. Областной центр в РСФСР. 14. Рассказ М. Горького. 16. Подразделение полка. 20. Дневная бабочка. 22. Певец, народный артист СССР. 23. Сельскохозяйственное орудие. 26. Река в Великобритании. 27. Тонкая черта.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

1. Катер. 4. Гамма. 7. Лолани. 8. Шторка. 11. Охра. 12. Бакшеев. 13. Либерия. 14. Писаржевский. 17. «Аппассионата». 19. Фарадей. 20. Ежевика. 22. Свет. 25. «Фитиль». 26. Опушка. 27. Ратин. 28. Лонжа.

По вертикали:

1. Колумб. 2. Телескоп. 3. Руна. 4. Гете. 5. Меркурий 6. Алазея. 9. Новороссийск. 10. Гальванометр. 15. Сноп 16. Кама. 17. Аэростат. 18. Аникушин. 19. Фосфор. 21. Асмара. 23. Слон. 24. Опал.

На первой странице обложки: Золотой самородок «Заячьи уши» (вверху) и бриллиант 40 каратов (см. в номере «Не счесть алмазов...»).

Фото Л. Когана.

На последней странице обложки: Перед стартом.

Фото З. Голубчина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Оформление Е. КАЗАКОВА

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей—Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00327. Подписано к печати 9/I 1968 г.
Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 140. Заказ № 3778.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47 ул. «Правды» 24.

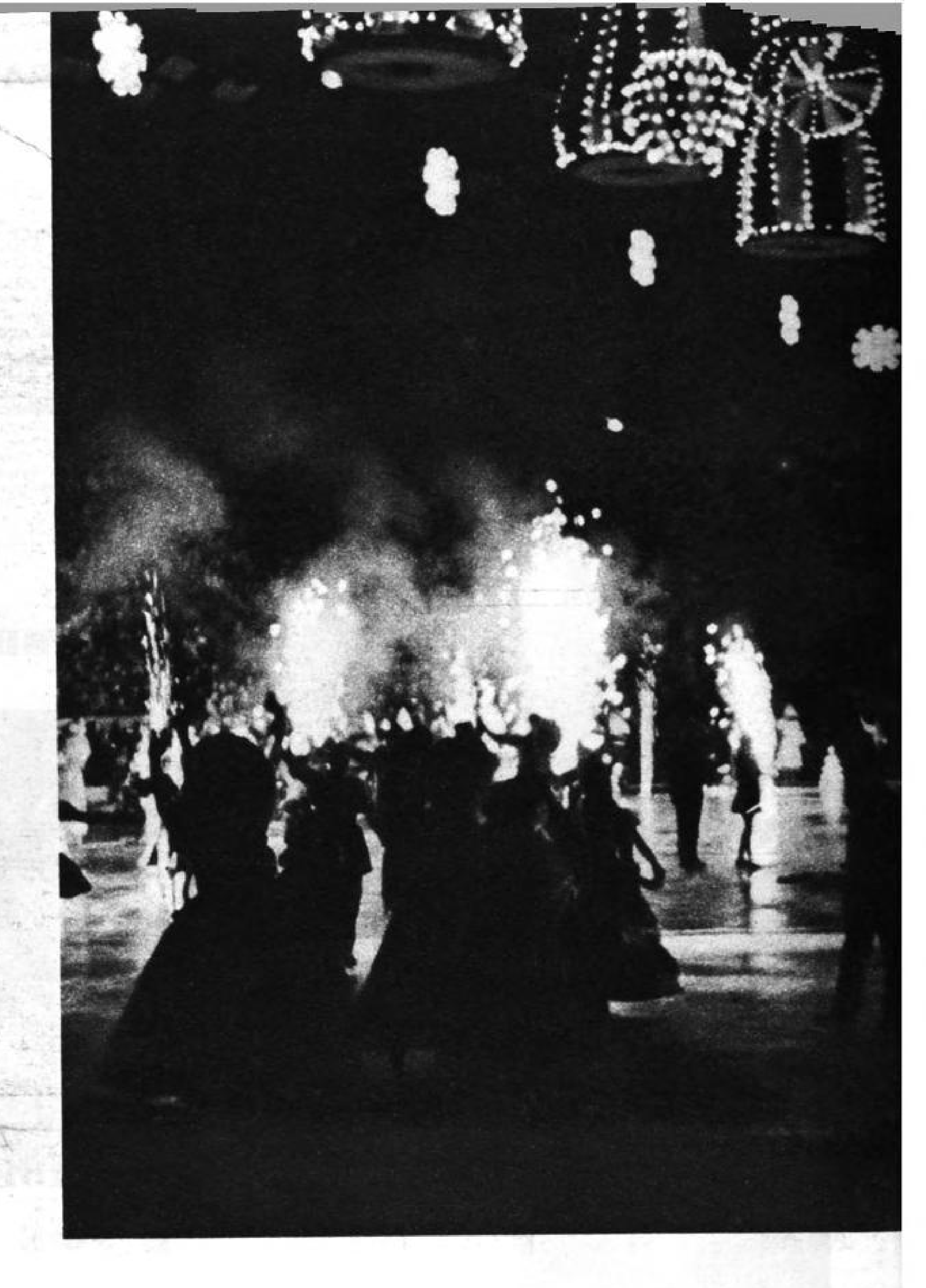

Фото А. БОЧИНИНА.

РАДОСТНЫЙ ПРАЗДНИК — КАНИКУЛЫ

Отличная штука — каникулы, особенно зимние: тут ведь и елка, и подарки от деда-мороза, и звонкие коньки, и остроносые лыжи. А шумные новогодние балы с громом оркестров и стремительными хороводами вокруг елки, когда вместе с тобой тут же, в зале, веселятся лучшие артисты, да и сам невольно становишься заправским танцором или певцом.

Идут каникулы — радостный праздник светлой поры детства...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663